

ГАМЛЕТЪ

(ПРИНЦЪ ДАТСКІЙ)

ТРАГЕДІЯ ВЪ ПЯТИ АКТАХЪ

ВИЛЬЯМА ШЕКСПИРА

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО

Н. РОССОВА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1907

ГАМЛЕТЪ

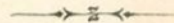
(ПРИНЦЪ ДАТСКІЙ)

ТРАГЕДІЯ ВЪ ПЯТИ АКТАХЪ

ВИЛЬЯМА ШЕКСПИРА

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО

Н. РОССОВА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1907

НѢСКОЛЬКО ЗАМѢТОКЪ КЪ ПЕРЕВОДУ «ГАМЛЕТА».

Трудно предположить, чтобъ кто-либо, кромѣ Шекспира, могъ изъ грубо-наивной саги Саксона Грамматика создать такое откровеніе мірового духа, какъ «Гамлетъ», и каждый послѣдующій вѣкъ будетъ находить въ немъ все новыя и новыя неисчерпаемыя совершенства. Вотъ единственная причина моего перевода. Я не заблуждаюсь относительно достоинствъ своей работы: я убѣжденъ, что для художественной передачи вѣнца шекспирова творчества едва ли не нужна цѣлая жизнь, да и то при условіи большого поэтического дарованія и строгой литературности. Я даже готовъ отстаивать такую ересь, что для перевода съ чужого языка не очень существенно бѣгло читать слова подлинника и прямолинейно усваивать заключающіяся въ нихъ понятія (на это способенъ каждый добросовѣстный гимназистъ). Главное—*улавливать* мысли, страсти, эпоху чужого языка. Вспомните хотя бы Жуковского. Какъ онъ волшебнo, со-всѣмъ не зная по-гречески, сумѣлъ возсоздать Гомера на основаніи только скелета подстрочника, да еще переданнаго тяжелой нѣмецкой прозой. Говоря такъ, я не имѣю ослинаго желанія лягнуть предшествующихъ переводчиковъ «Гамлета».

Напротивъ, у нѣкоторыхъ изъ нихъ многое столь про- никновенно и поэтично передано, что всякая попытка къ новому освѣщенію этихъ мѣстъ значительно тускнѣетъ предъ ними. И доказательство классичности такихъ оборо- товъ рѣчи въ томъ, что они почти цѣликомъ переходятъ безъ измѣненія отъ переводчика къ переводчику. Такъ, напримѣръ, если бы я не зналъ точныхъ данныхъ о томъ, что Кронебергъ хорошо зналъ англійскій языкъ, я счелъ бы его переводъ просто исправленнымъ спискомъ съ пере- вода Вронченка, до такой степени они одинаково подошли къ «Гамлету».—Послѣдній переводъ К. Р.—незамѣнимое литературное пособіе, рѣдкій трудъ, достойный глубочай- шаго уваженія. Феодальная сторона эпохи дѣйствующихъ лицъ схвачена безукоризненно типично; плѣнительная ге- ніальная наивность царя поэтовъ, пестрота ярко-сочныхъ красокъ первыхъ лучей Возрожденія, такъ властно прорѣ- зывающихъ мракъ умирающихъ среднихъ вѣковъ, пере- дана К. Р. великолѣпно. Крайне досадно лишь то, что К. Р. обратилъ большое вниманіе и на чисто внѣшнюю точность перевода,—даже число строкъ онъ согласовалъ съ подлин- никомъ. Это не могло не связывать его во всѣхъ отноше- ніяхъ. Отсюда тяжелый преобладающій шестистопный ямбъ и частый, такъ сказать, разрывной характеръ фразъ, что невольно нѣсколько прозаичить стихъ и представляетъ актеру большую сложность для произнесенія ихъ на сценѣ. Но тамъ, гдѣ К. Р., ради точности, не былъ вынужденъ стѣснять русскую рѣчь, тамъ у него попадаютъ мѣста прямо пушкинской силы выраженія.

Никогда не нужно забывать, что русскій языкъ особенно не терпитъ надъ собой насилія, хотя и можетъ воплощаться въ разнообразныя развѣтвленія прошлаго и настоящаго какой угодно жизни. Стоитъ только вспомнить опять Пуш-

кина, удивительно умѣваго владѣть тайной, при совер- шенно рускомъ языкѣ, выражать тончайшія явленія вооб- ще человѣческой души, со всѣми оттѣнками той или другой національности. Между тѣмъ, кстати сказать, съ прискор- біемъ замѣчается, что теперь Пушкина не только мало изу- чаютъ, но даже почти и не читаютъ. По крайней мѣрѣ, могучіе слѣды его замѣтны только на старыхъ писате- ляхъ.—

Замѣчательно, что у всѣхъ выдающихся переводчиковъ «Гамлета» есть какое либо лицо или та—другая сцена, переданныя совершенно безупречно. Такъ у Вронченка общій характеръ Гамлета дышитъ необычайной мистиче- ской прелестью. У Кронеберга безцвѣтная по натурѣ фи- гура короля полна трагической силы и красоты въ извѣст- номъ монологѣ передъ молитвой. У Гнѣдича поразительно вышла живой и вѣрной по психології фигура королевы и глубоко поэтической заключительная сцена Гамлета съ Ду- хомъ въ первомъ актѣ. У Полевого почти геніальна роль Духа и необыкновенно сердечна и вѣрна по настроенію сцена Гамлета съ матерью. У К. Р. прямо идеально пере- ведены знаменитое «Быть, или не быть» и роль Офеліи съ начала до конца.—Средневѣковая дѣвушка со всей чарую- щей непосредственностью того времени изображена К. Р. какъ творческимъ артистомъ.

Также сцена на кладбищѣ раскрыта К. Р. со всей мрач- ной красотой стихійнаго средневѣковья. Особенно потря- сающи по впечатлѣнію пѣсенки могильщика, составляющія «камень преткновенія» для всѣхъ переводчиковъ. Тутъ К. Р., безъ преувеличенія, великъ.

Вдумайтесь въ эти лихорадочныя, искусно замаскиро- ванныя напускнымъ спокойствіемъ строки:

«Любилъ я въ юности моей,
 Любовь милѣй всего!
 Чтوبъ время—охъ!—тратить—ахъ!—веселѣй,
 Нѣтъ лучше ничего.

«Но время подползло тайкомъ,
 И въ лапахъ у него
 Очнулся я въ краю другомъ,
 Не помня ничего!

«Могильный заступъ да кирка,
 Да саванъ гробовой,
 И въ ямѣ гость навѣрняка
 Найдеть себѣ покой».

Если кто при этихъ пѣсенкахъ не представляетъ себѣ ясно всю ужасающую, замораживающую картинность среднихъ вѣковъ въ лицѣ закаленныхъ испытаніями бѣдняковъ, если кто не видитъ въ этихъ пѣсенкахъ смѣлый вызовъ лицемѣрнымъ тогдашнимъ монастырямъ, злой насмѣшки надъ таинственностью кладбища, обильно политаго кровью жертвъ тлетворной инквизиціи, если кто не захочетъ признать въ этомъ народнаго творчества и безсознательнаго отчаянія въ самомъ, повидимому, лихомъ молодечествѣ, для того и весь Шекспиръ не имѣетъ настоящей цѣны.

Я знаю, что на насъ, актеровъ, до сихъ поръ еще смотрятъ очень скептически, когда мы такъ или иначе «пускаемся» въ литературу. Это понятно и естественно: мы, актеры, тоже терпѣть не можемъ, когда въ нашу область вторгаются большей частью наглые, двуличные и крайне завистливые любители. Положительно можно сказать, что иной современный любительскій лицедѣй и дурной чело-

вѣкъ—равнозначущія понятія. Этого вопроса я не разъ касался на страницахъ «Новаго Времени».

Любители, конечно, могутъ быть и въ литературѣ около настоящихъ писателей. Суть только въ томъ, что актеры, одержимые литераторскимъ зудомъ, уже по самому роду своей профессіи всегда стоятъ очень близко къ литературѣ и, слѣдовательно, такъ или иначе, невольно изучаютъ ее. Это даетъ имъ, и при отсутствіи писательской талантливости, нѣкоторую литературность, хотя бы только разсудочнаго, вѣрнѣе—ремесленнаго характера. Притомъ, ни одинъ уважающій себя новичокъ въ литературѣ не отдастъ своей работы въ печатный станокъ, прежде чѣмъ ее не разсмотритъ завѣдомо профессиональный литераторъ, въ безпристрастіи котораго онъ увѣренъ. Разумѣется, иногда и литераторъ можетъ ошибаться въ художественной оцѣнкѣ, но уже самый страхъ очутиться передъ нимъ несостоятельнымъ долженъ прищипоривать къ серьезному труду каждаго литературнаго новичка. Тогда какъ къ намъ на сцену, по кажущейся примитивности игры, можетъ попасть кто хочетъ съ улицы, безъ всякой подготовки къ театру, безъ тѣни понятія о томъ, какого прежде всего трудолюбія требуетъ каждая художественная область.

При переводѣ данной трагедіи я больше всего трудился надъ самой ролью Гамлета. Можетъ, это недостатокъ, но я безсиленъ съ нимъ бороться. Гамлетъ далъ мнѣ нѣкогда незаурядную извѣстность, задавилъ въ моемъ лицѣ смѣшной педантизмъ нѣкоторыхъ адептовъ искусства, не разъ приносилъ мнѣ минуты священнаго восторга...

Очень извиняюсь, что такъ неприлично-долго останавливаю на себѣ вниманіе, но, повторяю, не вижу иного пути для защиты моей дерзновенной задачи.

Хотя и извѣстно мнѣ, «что можетъ собственныхъ Платоновъ и быстрыхъ разумовъ Невтоновъ российская земля рождать», но, увы, только при своевременной поддержкѣ или «слѣбного случая», или «просвѣщеннаго вниманія» со стороны «сильной руки», особенно это примѣнимо къ хрупкому сценическому искусству. Одиночество, независимость взглядовъ въ этой области даже на Западѣ не очень жалуются.

Чѣмъ больше я вчитывался въ «Гамлета», тѣмъ сильнѣе былъ подавленъ величіемъ разнообразнѣйшихъ достоинствъ поэта. Для выраженія его самобытности, національности и вмѣстѣ съ тѣмъ міровой всеобщности нужны нечеловѣческія силы. Въ характерѣ Гамлета заключается что-то апостольское, предугадывающее событія грядущихъ вѣковъ. Въ этомъ произведеніи Шекспиръ, на фонѣ далеко не сложной интриги, съ несравненной жизненностью проникъ въ самый тайникъ конечной цѣли всѣхъ философскихъ системъ и тѣмъ взбудоражилъ всю лучшую часть человѣчества, почему и такъ близокъ, такъ загадочно милъ для всѣхъ мыслящихъ народовъ Гамлетъ. Не малой плѣнительностью въ немъ является и его внѣшность, которой напрасно придаютъ такое условное значеніе многіе критики. Въ томъ-то и тончайшій ароматъ шекспировской поэзіи, что въ жестокой феодальной вѣкѣ, полагавшій почти все могущество въ физической силѣ, Шекспиръ могъ создать личность глубоко нравственную, застѣнчивую, совершенно отрѣшенную отъ мелкой барышнической дѣйствительности, съ умомъ, сосредоточеннымъ всецѣло надъ разъясненіемъ самыхъ неуловимыхъ отвлеченностей, съ сердцемъ чуткимъ и чувствительнымъ до женственности. Отсюда вполне законно представить и внѣшность Гамлета своеобразно-необычной, такъ сказать — по-мужски женственно-прекрасной. Я знаю,

что люди скалозубовскаго типа умышленно называютъ такую внѣшность просто бабей, но они смѣшиваютъ бабій образъ мужчины съ женственно-мужскимъ. Послѣдній имѣетъ рѣдкую прелесть и дается только гениямъ искусства, какъ напр. Байронъ, Моцартъ, Бетховенъ, Рубинштейнъ, Рафаэль, Шиллеръ, Гёте, Тальма, Мочаловъ. Попробуйте эти лица представить себѣ бородастыми — и ихъ обаяніе значительно утратится: до такой степени ихъ внутреннее содержаніе характеризуется ихъ наружнымъ видомъ. Есть величественная, мощная красота Зевса, разновидности котораго называются Макбетами. Это люди, рожденные исключительно для борьбы за жизнь въ самомъ земномъ смыслѣ, — ихъ рѣдко ослабляютъ даже самыя бури дѣйствительности; но есть также не менѣе чарующая красота и безбородаго Аполлона, разновидности котораго рождены только «для вдохновеній, для звуковъ сладкихъ и молитвъ», — это Гамлеты въ большей или меньшей степени. И если гамлетовская натура, по прихоти безжалостной судьбы, внезапно потеряетъ свое прямое назначеніе и станетъ лицомъ къ лицу съ нашимъ неблагодарнымъ, грубымъ міромъ, то тяжкая сторона земного существованія непременно съ злорадствомъ задушитъ такую натуру. И такъ можетъ быть до послѣдняго суда; стоитъ только припомнить весь историческій ходъ развитія человѣчества. Въдѣ «міръ — садъ неполотый, заросшій сорной, грубою травой; одно тлетворное владѣетъ имъ!» — съ безконечной тоской, въ порывѣ мистическаго ужаса, восклицаетъ бѣдный Гамлетъ. — Можетъ быть, на это трезвые бойцы жизни мнѣ замѣтятъ: «собственно такіе люди, какъ Гамлетъ, не должны уже больше существовать; нѣтъ, драпироваться въ красивую печаль возможно было на готовыхъ хлѣбахъ, чѣмъ несомнѣнно пользовался этотъ «интересный» принцъ датскій. Теперь — довольно: теперь нужно дѣло, хотя бы самое

скромное, но дѣло». Положимъ. Но отрицать Гамлетовъ,—это значить отрицать искусство и науку. Безъ Гамлетовъ нѣтъ и не можетъ быть утонченности культуры, дающей настоящую, единственную и высшую аристократичность, т. е. аристократичность духа, безъ чего всё блага земныя такъ жалки, такъ приторны и животно-тупы.—Грустно только одно, что гамлетовская женственность послужила большимъ соблазномъ для женщинъ актрисъ. Какъ бы ни была талантлива актриса, но, изображая на сценѣ мужчину, хотя бы такого, какъ Гамлетъ, въ ней хоть въ чемъ нибудь—не посѣтуйте за рѣзкость,—а скажется баба. И чувство жгучаго стыда, нестерпимой неловкости долженъ испытывать каждый неизвращенный человѣкъ при ломаньи такой... храброй безполой актрисы; и чѣмъ такая актриса совершеннѣе въ передачѣ мужскихъ чертъ, тѣмъ она должна быть омерзительнѣе. Такая актриса—палачъ для нравственнаго чутія, палачъ для эстетики и хамскій оскорбитель плѣнительныхъ достоинствъ женщины, истинное назначеніе которой быть молитвой для мужчины, нѣжнымъ, прохладнымъ вѣтеркомъ въ разпаленной злобою пустынѣ жизни. Нечего и говорить, что мужчина, напоминающій на сценѣ своей игрой женщину, еще гаже, еще несноснѣе. Это едва ли не такъ же преступно, какъ «камелія во фракѣ». Есть женственность и женственность. Мужская женственность заключается прежде всего въ цѣломудріи духа, въ нѣжномъ, но сильномъ голосѣ, въ гибкой, стройной, но крѣпкой фигурѣ, въ восторженности, доходящей до самозабвенія, но безъ противной и смѣшной въ мужчинѣ сентиментальности, въ безбородомъ, нѣжномъ, но смѣломъ и аскетически-строгомъ лицѣ, и въ изящныхъ, но отнюдь не сладкихъ движеніяхъ. Вотъ мужчина—Гамлетъ.—Женственность прекрасной половины человѣческаго рода. Но кто жъ ее хоть смутно не представляетъ въ своей

душѣ? Сущность этой женственности—то же цѣломудріе духа, но при довольно рѣзкихъ внѣшнихъ признакахъ своего пола, какъ-то при Венериномъ сложеніи, музыкально-журчащемъ голосѣ, — манящихъ, сладкихъ движеніяхъ, вполне гармонирующихъ съ женскимъ организмомъ, при чарующей стыдливости и почти безсознательномъ лелѣніи материнскихъ чувствъ...

Охъ, самъ сознаю, что уклонился отъ сути моихъ замѣтокъ. Кажется, еще ни одинъ переводчикъ въ мірѣ не писалъ такъ разбросано-наивно своихъ предисловій, но ужъ очень мнѣ хочется всѣмъ мѣрами отстоять херувимскій образъ Гамлета и избавить его отъ опошленія такъ называемыми «энергичными, мужественными женщинами».

При жизни Шекспира «Гамлетъ» былъ изданъ пять разъ. Товарищи Шекспира издали всѣ его произведенія съ рукописей, очень искаженныхъ, издали спустя семь лѣтъ послѣ его смерти. Раздѣленіе на акты и сцены было сдѣлано уже значительно позднѣе и людьми не совсѣмъ добросовѣстными, весьма не церемонившимися съ авторскимъ текстомъ. Самъ Шекспиръ не заботился о внѣшнемъ видѣ своихъ пьесъ, такъ какъ предназначалъ ихъ исключительно для сцены, гдѣ чисто техническіе законы пьесъ исполнялись прямо на сценѣ актерами, какъ подсказывалъ опытъ и артистическое чутіе. По послѣднимъ изысканіямъ, первымъ экземпляромъ «Гамлета» считаютъ изданіе 1603 года, которое, какъ извѣстно, во многихъ мѣстахъ совершенно разнится отъ второго (изд. 1604 г.). Это породило страшную путаницу, до сихъ поръ никѣмъ еще основательно не распутанную, т. е., есть ли первый экземпляръ (1603) основные лишь начатки «Гамлета», развитые во второмъ (1604) въ полное гармоническое цѣлое, или же первое изданіе—просто украденный списокъ, хотя съ вполне законченной рукописной тра-

гедіи, но уже изъ вторыхъ рукъ, обезображенной невѣжественнымъ переписчикомъ. Тѣмъ болѣе, какъ предполагаетъ Кольеръ, что первое изданіе получило съ стенографической рукописи, сдѣланной въ моментъ представленія «Гамлета» на сценѣ, когда ошибки и невольныя сокращенія вполне возможны и у самаго искуснаго стенографа. Какъ ни проблематичны эти догадки, однако онѣ находятъ себѣ сочувствіе даже у такихъ серьезныхъ людей, какъ Момзенъ. Уайтъ, Райтъ и Кларкъ тоже раздѣляютъ кольеровскій взглядъ.

Беря все это во вниманіе, нельзя не удивляться тѣмъ критикамъ, которые съ жаромъ, достойнымъ лучшей участи, «ставятъ на видъ», что по тексту Гамлету 30 лѣтъ, что онъ толстъ, страдаетъ одышкой и носить бороду, и что только невѣжественные актеры, ради дешеваго успѣха, могутъ играть Гамлета какимъ-то «анфанчикомъ» съ нинтересной блѣдностью въ лицѣ. — «Текстъ, батюшка, текстъ!» говорятъ нѣкоторые зоилы, большей частью изъ обжегшихся актеровъ или мечтавшихъ въ пору юности быть ими. — Гм... «тексты!» Интересно знать, какой текстъ? Напоминаю, что при жизни Шекспира «Гамлетъ» былъ напечатанъ уже пять разъ и каждый разъ почти, хотя съ незначительными, а все же измѣненіями, и такія отмѣтки о Гамлетѣ, что ему «30 лѣтъ», что онъ «толстъ», «съ бородой», могли быть просто приписками въ угоду данныхъ того или другого нужнаго, хорошаго актера, съ которымъ Шекспиръ долженъ былъ считаться ради интереса своей пьесы. Притомъ, въ 1613 году большая часть рукописей Шекспира, какъ полагаютъ, погибла въ огнѣ во время пожара театра «Глобусъ». Затѣмъ, съ 1623 г. по 1882 г. «Гамлетъ» былъ изданъ еще множество разъ и не безъ вліянія на текстъ каждаго издателя. Но кромѣ этихъ, такъ сказать, фактическихъ дока-

зательствъ того, какъ рискованно при опредѣленіи Гамлета считать во всемъ непогрѣшимымъ текстъ подлинника, есть еще доводы чисто нравственные. Гамлету въ моментъ дѣйствія трагедіи не 30 лѣтъ еще и потому, что въ эти лѣта у него, какъ у человѣка много учившагося, постоянно размышляющаго, должно быть хоть относительно опредѣленное міросозерцаніе, между тѣмъ по пьесѣ онъ многому удивляется, боится примириться съ мыслию о смерти, возмущается до изступленія зломъ жизни, шлетъ ему проклятія, вѣрить и не вѣрить въ добро, безгранично тоскуетъ, ищетъ уединенія и находитъ болѣзненное удовольствіе въ обществѣ, не вѣрить въ участіе, но и не бѣжитъ отъ дружбы, отвергаетъ любовь и въ то же время чувствуетъ ея необходимость; посылая въ монастырь Офелію, онъ тѣмъ самымъ на вѣкъ хоронитъ свое сердце; бичуетъ въ жаркихъ, горестныхъ изліяніяхъ преступленіе и тѣмъ только ограничивается. Каждое выраженіе Гамлета, то печально-насмѣшливое, то болѣзненно-веселое, или полное желчи и муки, рисуетъ благородство его мягкой души, благородство, которое усыпляетъ его природную осторожность и дѣлаетъ этого загадочнаго принца жертвой случайной смерти. Въ тридцать лѣтъ такой человѣкъ, какъ Гамлетъ, научился бы смирять свои порывы, усталъ бы отъ размышленія, вывелъ бы какія либо положенія, а въ трагедіи онъ громоздитъ одну мысль на другую, не давая себѣ опомниться и разобраться въ мучающихъ его вопросахъ. Въ тридцать лѣтъ такой человѣкъ, какъ Гамлетъ, не сталъ бы позировать предъ королемъ, Офеліей и придворными, не сталъ бы ребячески, хотя и остроумно, забавляться надъ Полоніемъ, не выдалъ бы такъ неосторожно своего подозрѣнія на дядю въ убійствѣ отца, не бросался бы въ могилу Офеліи и не кричалъ бы въ себя: «я любилъ Офелію—и сорокъ тысячъ братьевъ

не могут ее любить такъ горячо!» Ясно, что все это сдѣлалъ юноша, у котораго еще не уgomилась кровь, холодный разсудокъ не остудилъ пыла фантазіи. Весьма возможно, что есть люди, которымъ такіе поступки могутъ быть свойственны не только въ 30, но и въ 40 лѣтъ; но у Гамлета, глубоко, болѣзненно-глубоко чувствующаго и мыслящаго, такая умственная и физическая лихорадка органически до 30 лѣтъ продолжаться не могла: онъ слишкомъ рано началъ жить духомъ, слишкомъ рано отравилъ свой мозгъ и сердце томленьемъ узнать причину и цѣль мірозданья и тайну загробной жизни. Этому, конечно, не мало могло способствовать а схоластическое воспитаніе въ Виттенбергской высшей школѣ, и въ университетъ въ то время поступали въ очень юномъ возрастѣ.

Въ пользу ранней молодости Гамлета говорить также и вторичный бракъ королевы-матери, которая, если Гамлету 30 лѣтъ, не могла уже внушать никакой горячей страсти его дядѣ, а Гамлетъ, въ знаменательной бесѣдѣ съ матерью, называетъ ее прекрасной въ прямомъ смыслѣ и передаетъ всѣ интимности дяди по отношенію къ ней, какъ, напримѣръ, наименованіе ея своей «мышкой», сладострастное щипанье ея щекъ, щекотанье пальцами ея шеи и т. д. Ясно, что къ старухѣ такихъ пріемовъ ни одинъ мужчина примѣнять не станетъ, какія бы корыстныя цѣли имъ ни владѣли. Наконецъ, и въ самомъ текстѣ, посредствомъ чего такъ хотять навязать и актерамъ и зрителямъ тридцатилѣтняго Гамлета, есть неоднократныя подтвержденія его юности. Полоній, Лаэртъ, Офелія, Гораціо и Духъ отца Гамлета совершенно опредѣленно называютъ его юнымъ. И не придавать этому рѣшающаго значенія будетъ просто безплоднымъ ухищреніемъ.

Не надо также забывать и того обстоятельства, что главнымъ вдохновителемъ шекспировскаго генія былъ величай-

шій актеръ того времени Ричардъ Бурбэдждъ. Онъ былъ небольшого роста и очень полный. Для такого актера Шекспиръ, конечно, могъ сдѣлать что угодно въ любой своей пьесѣ, даже хотя бы что-либо противорѣчивое тому или другому образу. Вотъ что, между прочимъ, напомнимъ по Гервинусу о Ричардѣ Бурбэдждѣ:

«Бурбэдждъ былъ въ сценическомъ искусствѣ двойникомъ шекспирова генія, и для него поэзія Шекспира не представляла недосыгаемыхъ высотъ... Онъ—говорится въ одной тогдашней элегіи на смерть Бурбэджда—недосыгаемъ для всѣхъ вѣковъ! Какой обширный міръ заключенъ былъ въ этомъ маленькомъ тѣлѣ! Онъ самъ былъ міръ, и земной шаръ (Глобъ)—поприще его чести—былъ самымъ приличнымъ ему поприщемъ!»

Въ Гамлетѣ, напримѣръ, Бурбэдждъ рѣшался на то, на что не отважится ни одинъ актеръ послѣ него: онъ представлялъ эту личность въ видѣ изнѣженнаго, тучнаго чело-вѣка, какимъ весьма часто дѣлается чело-вѣкъ отъ неподвижности и склонности къ покою; въ моменты напряженной страсти онъ передавалъ даже «одышку», свойственную людямъ такой организаціи.

Конечно, сценическій геній все можетъ скрасить, все замаскировать, даже сильнѣйшую нервную болѣзнь, ведущую иногда къ временной потерѣ рѣчи (такой болѣзнию, между прочимъ, страдали Тальма и романтичный актеръ Девріеннъ), но все же толстымъ Гамлетъ не могъ быть,—это подтверждается весьма краснорѣчивыми словами о Гамлетѣ въ устахъ Офеліи и всѣмъ ея внутреннимъ міромъ, какъ средне-вѣковой дѣвушки, цѣнившей въ мужчинѣ прежде всего его внѣшность. «Зеркало модъ», «образецъ совершеннаго изящества», говорить о Гамлетѣ Офелія. Толстый чело-вѣкъ не можетъ быть зеркаломъ модъ, тѣмъ менѣе—

образомъ изящества. У толстаго человѣка манеры могутъ быть мягки, приличны, но до образца изящества, до зеркала моды ему далеко. Любовь, конечно, можетъ создавать несуществующія прелести, но Гамлетъ, несмотря на свою психологію, поразительно близкую нашему времени, все же средневѣковый рыцарь, когда физическая сила и культивированіе вишняго изящества уже по самому характеру сложной одежды имѣли громадное значеніе въ жизни человѣка. Вглядитесь въ древніе портреты людей средневѣковья. Такой неподражаемой, непринужденной красоты позъ, увѣренности въ своемъ могуществѣ и превосходствѣ надъ окружающими теперь не встрѣтишь даже на сценѣ и у европейскіхъ актеровъ.

Вѣроятно, по причинѣ запутанности текста и могли появиться такіе чудовищно-противорѣчивые взгляды на Гамлета, какіе разсыпаны въ грандіозной литературѣ о немъ. Особенно должны смущать критиковъ тѣ плоскости, грубо-сти, тупыя ругательства до цинизма, какія, на ряду съ глубочайшимъ оригинально-поэтическимъ языкомъ, попадаютъ въ безсмертной трагедіи. Гамлетъ, конечно, могъ быть рѣзкимъ, но не грубымъ, и эти понятія далеко не однозначущи. Даже въ потрясающей сценѣ съ матерью, гдѣ Гамлетъ полонъ стыдливаго смущенія за свою нерѣшительность, залитой слезами тоски о погибшемъ отцѣ и легкомысленной матери, борющейся между долгомъ чести и дѣтски-нѣжной любовью къ ней, даже въ этой сценѣ есть два-три слова, рѣзко нарушающія гармонию цѣлаго, и все единственно отъ искаженія текста. И только развѣ на могилѣ Офеліи литературные варвары ни въ чемъ не посягнули на слова Гамлета, — слова, дающія такой жутко-чарующій, непередаваемый тонъ траурной сценѣ на безмолвномъ кладбищѣ. Кромѣ того, слишкомъ слѣпое подчиненіе тексту въ результатѣ неиз-

бжно даетъ только холодную букву, а не внутреннее содержаніе того или другого образа, той или другой мысли, сообразно со средствами и характеромъ языка, на который дѣлается переводъ, иначе какая либо и законная рѣзкость двусмысленность, фигуральность, такъ поэтичныя, по своему изящныя и полныя значенія въ подлинникѣ, въ переводѣ производятъ впечатлѣніе безцѣльности, будничности, деревянности, тогда какъ переводъ, не связанный буквой подлинника, всегда найдетъ въ нашемъ прекрасномъ языкѣ выраженія, передающія поэтично и вмѣстѣ глубоко самыя смѣлыя сравненія и особенности оригинала.

Предвижу возраженіе, что отступленіе отъ буквы подлинника вредитъ колориту писателя. Да, отчасти, конечно. Суть въ томъ, что даже высшее общество временъ Шекспира могло говорить грубыя сальности и даже ругательства (что подтверждается исторически), но легкость, красота, остроуміе такихъ оборотовъ рѣчи въ переводѣ на нашъ языкъ утрачиваютъ свой непередаваемый ароматъ поэзіи и превращаются у насъ въ безцѣльную, пошлую ругню и цинизмъ. Всѣ противорѣчія въ природѣ Гамлета не произвольны, не умышленны; отсюда, пожалуй, понятенъ чисто феодальный поступокъ Гамлета съ Полоніемъ и со своими школьными товарищами. Гамлетъ могъ въ минуту своего истеричнаго изступленія убить Полонія и, въ крайности, послать на смерть своихъ ничтожныхъ «друзей» Розенкранца и Гильденштерна. Хотя въ подлинности разглагольствованій объ этомъ дѣлѣ и особенно въ подлинности двухъ сценъ 4-го акта я сильно сомнѣваюсь, до такой степени дешева интрига убійства Розенкранца и Гильденштерна съ натянутымъ остроуміемъ и популяризацией положительной философіи, а главное, все это такъ не вяжется съ 1-мъ, 2-мъ, 3-мъ и 5-мъ актами, и если бы не превосходный монологъ послѣ прохода войскъ Фортин-

браса, все остальное смѣло можно бы считать умничаньемъ современниковъ Шекспира, которымъ Гамлетъ въ тотъ желѣзный вѣкъ могъ показаться просто выходцемъ съ того свѣта, непостижимой аномаліей среди культа физической силы, и они, все же чувствуя, хотя и смутно, дивныя сокровища датскаго принца, стали подгонять его подъ свои средства.

Еще Мезьеръ назвалъ Гамлета «мечтателемъ нашего времени, заброшеннымъ поэтомъ въ героическій вѣкъ и по самой природѣ принца одареннымъ всей чувствительностью романтиковъ». Мезьеръ даже въ произведеніяхъ XVIII вѣка ничего не видитъ меланхоличѣе сцены Гамлета съ могильщиками и его восклицанія—«увы, бѣдный Юрикс!»

Были критики, которые по Гамлету пытались построить чуть не цѣлую философскую систему мысленія. Но Гамлетъ, по моему, ужъ не такой строгій философъ. Да это было бы и невозможно для драматической формы, гдѣ ради дѣйствія приходится укорачивать самыя интересныя разсужденія. Гамлетъ мыслить не отвлеченно, не вдаваясь въ опредѣленія сущности отдѣльныхъ понятій духовнаго міра,—онъ только представляетъ результаты этихъ понятій по столько, по сколько мы касаемся ихъ въ живой дѣйствительности. Его мысли облечены плотью и кровью, проникнуты пламеннымъ чувствомъ, его мысли, такъ сказать, поэтически-философскія.

Гамлетъ въ основѣ своей сущности есть олицетвореніе благородства сердца, берущаго верхъ надъ законѣйшими побужденіями разсудка. Гамлетъ носитель того чарующаго огня романтизма, который такъ смятилъ мрачную эпоху среднихъ вѣковъ и значительно помогъ человѣку быть человекомъ. Гамлетъ—это возможность жизни, озаренная дивными лучами божественной поэзіи, это философія поэзіи въ ея совершенномъ проявленіи. И хотя во многихъ есть частицы гамлетовской души, но однако не больше свойствъ

и качествъ, присущихъ всему человѣчеству. А потому наши современныя скорби, страданія и сомнѣнія ничего общаго не имѣютъ съ страданіями, скорбями и сомнѣніями Гамлета на томъ основаніи, что онъ есть высшая ступень совершенства человѣческаго духа, та ступень, переходъ за которую приближаетъ человѣка къ божеству или повергаетъ въ безысходное отчаяніе и сводитъ съ ума. Отсюда этотъ гамлетовскій роковой протестъ противъ оковъ плоти, такъ непредаваемо выраженный у Шекспира въ романтически-средневѣковой окраскѣ, т. е. въ мощныхъ, гармоничныхъ образахъ, въ тоскующихъ, стихійныхъ порывахъ знать цѣль мірозданія и будущее загробной жизни, и отсюда это гамлетовское созерцаніе, смѣшанное съ религіознымъ экстазомъ, тончайшія проявленія души и мучительныя, великія думы о человѣческомъ безсиліи предъ вѣчностью и страхомъ смерти.

Не знаю, насколько и кого удовлетворять мои попытки опредѣлить Гамлета, но я осмѣливаюсь мечтать, что въ общемъ мои опредѣленія его не совсѣмъ бездоказательны и примитивны. Притомъ, я не собираюсь доходить до Геркулесовыхъ столбовъ, какъ это сдѣлалъ Гарриксъ, выбросивъ изъ вѣчной трагедіи цѣликомъ путешествіе Розенкранца и Гильденштерна въ Англію и такую мировую сцену, какъ бесѣда Гамлета на кладбищѣ съ могильщикомъ, и даже передѣлавъ конецъ пьесы. Разумѣется, Гарриксъ гений, а гению, какъ извѣстно, все позволено, но все-таки не по отношенію къ такому полубогу, какъ Шекспиръ.

Во всякомъ случаѣ, еще разъ повторяю, отъ большихъ нападокъ мнѣ послужатъ защитой самыя противорѣчивыя мнѣнія о Гамлетѣ и людей весьма почтенныхъ въ литературѣ. Шлегель, напримѣръ, неодолимую страсть Гамлета къ глубокимъ разсужденіямъ считаетъ замаскированной

трусливостью передъ лицомъ дѣла, а Тикъ заподозрѣваетъ чистыя отношенія между Гамлетъ и Офеліей. Крейсигъ объясняетъ нерѣшительность, медлительность Гамлета отсутствіемъ въ его натурѣ героической прямолинейности, Боденштедтъ косвенно раздѣляетъ это, утверждая, что въ Гамлетѣ преобладаетъ женская натура, Карлъ Грюнъ представляетъ Гамлета какъ умничающаго глупца?! Стедефельдъ храбро объявляетъ эту пьесу тенденціознымъ протестомъ противъ скептицизма Монтэня, а Фейсъ видитъ въ Гамлетѣ какое-то возраженіе на мистицизмъ того же Монтэня?! (Словомъ, выражаясь вульгарно, умъ за разумъ зашелъ у этихъ «провидцевъ»). Гизо увѣренно называетъ Гамлета больнымъ человѣкомъ. Это замѣчаніе заслуживаетъ большого вниманія и можетъ проходить красной нитью въ исполненіи чуткаго актера, конечно, въ границахъ художественности.

Въ эпоху Шекспира гамлетовской изощренности чувствъ не замѣчалось, въ наше же время всякая тонкая организація отличается нерѣдко неврѣстеніемъ. На этомъ основаніи, вѣроятно, Гизо и поставилъ свое опредѣленіе Гамлета. Но какъ великъ Шекспиръ, угадавшій такой образъ за нѣсколько столѣтій впередъ, и какъ, кетати сказать, малъ «ученый» Тикъ, если даже «Быть, или не быть» онъ считаетъ не мировымъ вопросомъ о судьбѣ человѣчества, а просто разузденіемъ по поводу колебанія между долгомъ мщенія и его боязнью!

Есть предположенія, что матеріаломъ при созданіи «Гамлета» послужилъ извѣстный графъ Эссексъ, другъ Саутамптона, покровителя Шекспира, а Саутамптонъ, въ свою очередь, былъ даже друженъ съ Шекспиромъ. Но эта дружба для нашего времени можетъ считаться оскорбительной. Достаточно сказать, что какой-то графъ Саутамптонъ гово-

рилъ Шекспиру «ты», а Шекспиръ ему «вы» и именовать себя «нижайшимъ слугою его сіятельства». Впрочемъ, можетъ быть, что лордъ Саутамптонъ былъ и хорошимъ человѣкомъ, но по тогдашнему времени не могъ возвыситься настолько, чтобы забыть о томъ, что его другъ Шекспиръ сынъ мясника и актеръ. Здѣсь кетати сказать нѣсколько словъ о «происхожденіи» Шекспира. Нечеловѣческій гений его не могъ не взволновать нѣкоторыхъ «римскихъ гусей». Ихъ страшно «шокировало», что властитель лучшихъ мыслей и чувствъ человѣчества вышелъ изъ «подлой черни» и занимался скоморошествомъ, и даже не кончилъ средней школы. И вотъ одинъ изъ всѣхъ силъ стали за уши притягивать къ нему дворянство, другіе видѣтъ въ обычной частной школѣ скромнаго Стратфорда, гдѣ учился Шекспиръ, чуть ли не лучшей университетъ во всей Англіи, а третьи увѣряютъ, что никакого Шекспира собственно и не было, и что фамилія эта подложная, и что всѣ дошедшія до насъ сокровища несравненнаго творческаго духа, извѣстныя подъ именемъ Шекспира, создалъ никто иной какъ лордъ Бэконъ?! И эти увѣренія, безъ всякаго сколько нибудь сноснаго основанія, преподносятся съ страстной настойчивостью публикѣ. Между тѣмъ, по послѣднимъ изысканіямъ, послѣ самаго строгаго осмотра архивныхъ бумагъ въ Стратфордъ-на-Аво-нѣ (графство Варвикъ), совершенно ясно установлено, что отецъ Шекспира былъ простой перчаточникъ, предки котораго обыкновенные фермеры, служившіе у помѣщика Роберта Ардена, происходящаго изъ знатнаго рода, но въ то время уже утратившаго свое прежнее значеніе могущественныхъ бароновъ. Отецъ Шекспира удачными спекуляціями, включая сюда и торговлю мясомъ и проч. (что было тогда въ обычаѣ среди мелкихъ дѣльцовъ-собственниковъ—yeomen), разбогатѣлъ настолько, что былъ выбранъ на почетную

должность, и за деньги получил дворянство, женившись послѣ смерти вышеупомянутаго барона Роберта Ардена на одной изъ его дочерей—Маріи Арденъ, материвеликаго Шекспира. Я не сталъ бы распространяться о такихъ смѣшныхъ мелочахъ, но, къ сожалѣнію, грубый предразсудокъ относительно происхожденія живучъ и донинѣ и очень характеренъ для некультурной части дворянства, лучшие люди котораго давно уже хохочутъ надъ кастовыми различіями.

Что же касается жалкой басни относительно Бэкона-Шекспира, то, право, стоитъ ли распространяться объ этой нелѣпости, очевидной для всѣхъ, кто хотя по очень скуднымъ извѣстіямъ знаетъ біографію Шекспира и сообразно съ ней подходитъ къ его произведеніямъ, и кому такъ же извѣстенъ Бэконъ, какъ ученый и какъ человѣкъ.

Графъ Эссексъ, судя о немъ по историческимъ даннымъ, могъ быть прототипомъ Гамлета, но только въ очень слабой степени. Говорятъ, что въ его письмахъ есть много мѣстъ, напоминающихъ гамлетовскіе монологи. Мнѣ, къ сожалѣнію, не удалось съ этимъ познакомиться, да это и мало что поясняетъ. Мысли могутъ совпадать въ нѣкоторыхъ своихъ частностяхъ, но отсюда еще очень далеко до органическаго воплощенія ихъ въ драматическомъ сочиненіи, т. е., чтобъ данная мысль была не сама по себѣ, а непосредственно вытекала изъ сущности рисуемаго характера и всѣхъ его обстоятельствъ. На этомъ основаніи и замѣчаніе Чисвица о сходствѣ между мыслями Гамлета и теоріей атомовъ Джіордано Бруно можно отнести къ замѣчаніямъ празднымъ. Бруно, какъ извѣстно, доказывалъ, что смерти не существуетъ, а есть лишь соединеніе и разъединеніе атомовъ.

Скорѣй всего можно предположить, что Шекспиръ пользовался Монтэнемъ, который для того времени былъ дѣй-

ствительно непостижимымъ чудомъ. Но какъ пользовался имъ Шекспиръ? Великій поэтъ по намеку на какую либо удачную мысль, оригинальное выраженіе создавалъ живое, огненное слово, глубокий образъ, смѣлое обобщеніе, переработывая первоисточникъ до послѣдней буквы, до послѣдняго оттѣнка даннаго понятія. Точно такъ же поступали и Шиллеръ и Гёте хотя и съ второстепенными писателями. Эти писатели для Шиллера и Гёте имѣли такой же смыслъ, какъ кочегаръ для машиниста или дрова для паровоза.

Изъ всѣхъ отзывовъ о Гамлетѣ я привелъ, разумѣется, только самые крайніе. Мое предположеніе о подложности нѣкоторыхъ сценъ въ «Гамлетѣ» находить единомышленниковъ въ западной литературѣ. Указываютъ довольно обстоятельно, что поступокъ Гамлета съ Розенкранцемъ и Гильденштерномъ возможенъ, но мало вѣроятенъ: неужели бумаги, съ которыми былъ отправленъ въ Англію Гамлетъ, такъ небрежно сохранялись, что онъ безъ труда нашелъ ихъ? Притомъ, дѣло это лишено смысла еще и потому, что въ трагедіи нигдѣ не упоминается о томъ, что Розенкранцу и Гильденштерну было извѣстно содержаніе этихъ бумагъ. За что же Гамлетъ, всегда такой осторожный, колеблющійся въ важныхъ вопросахъ, послалъ ихъ на смерть? Говорятъ, что въ этомъ сказался человѣкъ XVI вѣка, но этому противорѣчитъ самый характеръ Гамлета въ основныхъ своихъ чертахъ. Въ томъ-то и удивительное обаяніе этого образа, что средневѣковый рыцарь по своимъ душевнымъ свойствамъ, по склонности къ созерцанію и какому-то инстинктивному отвращенію ко всякому грубому дѣйствию есть какъ бы продуктъ позднѣйшаго времени. Отчего Гамлетъ является существомъ почти фантастическимъ? Опередивъ свое время на три столѣтія всеобъемлющимъ міросозерцаніемъ и какой-то инстинктивной воспитанностью серд-

его природы. Я съ этимъ осмѣлюсь не согласиться, даже если не относиться критически къ нѣкоторымъ мѣстамъ текста. Феодалность Гамлета проявлялась только въ открытомъ презрѣніи и нѣкоторой надменности съ негодными даже среди людей одного съ нимъ круга. Убійства Полонія и короля вытекаютъ изъ его до мистицизма экзальтированной души, подложная посылка на смерть Розенкранца и Гильденштерна—необходимостью: онъ наслѣдникъ престола любимого короля-героя—Гиперіона по сравненію съ его дядей-сатиромъ. Преднамѣренное коварство и грубость несовмѣстимы съ созерцательной натурой, каковъ Гамлетъ; къ тому же на Гамлетѣ уже замѣтно было сильнѣйшее вліяніе надвигающейся эпохи Реформаціи и Возрожденія, когда мысль стала уже освобождаться отъ жестокаго и лицемернаго аскетизма средневѣковой инквизиціи.

На одно изъ первыхъ мѣстъ по работѣ о Гамлетѣ, хотя и съ нѣкоторыми предыдущими оговорками, я ставлю Монтегю. Такой проникновенности средневѣковья, выраженной такимъ простымъ, яснымъ языкомъ, я не знаю ни у кого изъ всѣхъ комментаторовъ Шекспира. Мнѣніе Монтегю о Гамлетѣ особенно должно быть цѣннымъ пособіемъ для актеровъ, берущихся за эту роль. Конечно, соглашаясь съ этимъ мнѣніемъ, многимъ современнымъ актерамъ, строящимъ свою игру на пресловутой неврастѣни, столь характерной для русской сцены, нельзя уже будетъ и мечтать о средневѣковомъ рыцарѣ Гамлетѣ и вмѣстѣ вдохновенномъ романтикѣ лучшихъ дней ближайшей къ намъ эпохи. Но для прирожденныхъ актеровъ, т. е. актеровъ съ творческой фантазіей, съ волнующимъ, страстнымъ голосомъ, съ дѣтской наивностью при всей глубинѣ чувства, Монтегю—цѣлое откровеніе.

Вотъ что между прочимъ онъ говоритъ: «Въ возвышенной природѣ Гамлета особенно выдвинуть феодальный характеръ его организаціи. Онъ гордо проявляетъ свое презрѣніе даже по отношенію къ своимъ кровнымъ. Сцена съ матерью полна такой горячности, что величественный Духъ какъ бы и въ могилѣ почувствовалъ это и явился къ юному сыну съ велѣніемъ пощадить ту, которую усопшій такъ любилъ и которая, несмотря на свой проступокъ, все же королева, женщина и мать. Мы создали себѣ ложное представленіе о Гамлетѣ, рисуя его по своей мѣркѣ. Если Гамлетъ чувствителенъ, это оттого, что онъ меланхоличенъ, и нѣженъ, потому что слабоволенъ, женственъ, потому что натура тонко мыслящая, тогда какъ Шекспировскій Гамлетъ и утонченно мыслящій и энергичный, силенъ и слабъ, меланхоличенъ и рѣзокъ. Это образъ благородный, но вмѣстѣ съ тѣмъ и суровый. Феодалность души Гамлета одна изъ главныхъ чертъ его. Это человѣкъ, въ которомъ мы чувствуемъ близость къ нашей эпохѣ, онъ испытываетъ то же, что мы. Въ его мысляхъ мы видимъ себя, его языкъ намъ понятенъ и родственъ? Этотъ человѣкъ выпелъ изъ средневѣковья, и сумракъ этого вѣка окутываетъ Гамлета. Въ этомъ смыслѣ Гамлетъ лицо историческое: онъ знаменуетъ собою тотъ великій моментъ, когда люди знатнаго рода какъ бы вдругъ были разбужены Реформаціей и Возрожденіемъ; они протерли себѣ глаза и съ удивленіемъ увидѣли, что формы прежней дѣйствительности исчезли, и почувствовали въ себѣ новый міръ души. Этотъ моментъ удивленія, растерянности и сомнѣнія несравненно схваченъ въ «Гамлетѣ».

Соединеніе двухъ эпохъ—оригинальнѣйшая особенность XVI вѣка, мощнаго, красочнаго и вмѣстѣ съ какой-то изысканной одухотворенностью нашихъ дней. И борьба душев-

ная Гамлета не есть только фантазія поэта, а дѣйствительная жизнь всѣхъ лучшихъ людей тогдашняго общества? Вокругъ нихъ еще мелькаютъ старыя формы жизни, но все блѣднѣе и блѣднѣе, тѣни среднихъ вѣковъ еще носятя надъ ними, но ихъ уже подкашиваетъ смерть... Они просвѣщены уже, хотя и суевѣрны. Въ нихъ сильно величіе духа—это наслѣдство отъ могучихъ предковъ, есть и сердечность—естественный спутникъ всякаго настоящаго могущества, но у нихъ еще не хватаетъ мягкости для выраженія этихъ качествъ... Гамлетъ—олицетвореніе послѣдняго изъ феодаловъ и перваго изъ людей нашей эпохи».

Хотя теперь мировое значеніе Гамлета несомнѣнно, но все же есть еще люди, которые отрицаютъ это. Это, впрочемъ, не удивительно, если принять во вниманіе, что и сами англичане въ продолженіе трехъ вѣковъ не всѣ одинаково понимали глубину шекспировскаго генія. Достаточно сказать, что и понынѣ даже мнѣніе Кольриджа о недостижимости дарованія Шекспира кое-кто находитъ чудовищнымъ, видитъ въ анахронизмахъ Шекспира чуть не безграмотность, въ яркихъ метафорахъ, въ оригинальной смѣлости выраженія—грубый вкусъ, въ поразительной вѣрности вѣку при изображеніи страстей—недостатокъ художественной мѣры или безцеремонную кражу(?) чужихъ достоинствъ. Шекспира упрекаютъ даже за то, что онъ бралъ своихъ героевъ исключительно изъ аристократической среды. Но какъ же иначе, когда въ тотъ вѣкъ только этотъ классъ и былъ содержателемъ по жизни, свободенъ въ своихъ лучшихъ проявленіяхъ и преимущественно пользовался всѣми благами культуры, а все остальное почти сплошь было темной, безправной и крайне грубой толпой, озлобленной непосильнымъ трудомъ и однообразіемъ рабочей жизни? Если и теперь изъ людей скромнаго происхожденія очень немногіе

могутъ похвастаться правильнымъ образованіемъ, то что же сказать о шекспировомъ времени?

Особенно интересно говорить объ эпохѣ Шекспира Франсуа Гюго въ своемъ предисловіи къ «Гамлету». Я не помню, чтобы кто переводилъ это предисловіе, поэтому позволю себѣ привести изъ него нѣсколько наиболее существенныхъ и интересныхъ выдержекъ.

I.

«Почти всегда каждый народъ сначала считаетъ насиліемъ надъ собой преподносимые ему переводы съ иностраннаго языка. Национальный духъ противится всемірному духу. Переводить иностраннаго поэта—это значить приумножать національную поэзію; это приумноженіе не нравится тѣмъ, кому оно полезно. Такъ, по крайней мѣрѣ, встрѣчается всякое начинаніе въ данномъ родѣ: первое движеніе—возмущеніе. Языкъ, въ который такимъ образомъ переливаютъ другой языкъ, сопротивляется этому, насколько можетъ. Позже онъ будетъ усиленъ новымъ языкомъ, пока же онъ возмущается. Необычныя выраженія, неожиданные обороты, дикій набѣгъ незнакомыхъ фигуръ—все это вторженіе. Что же будетъ съ его собственной литературой? что за мысль примѣшивать къ его крови сущность другихъ народовъ? Это—поэзія въ излишкѣ, это злоупотребленіе образами, изобиліе метафоръ, насильственное введеніе духа космополитическаго въ духъ мѣстный. Если это языкъ греческій, то это грубо, если англійскій, то варварскій—суровость здѣсь, ѣдкость тамъ. И какъ бы развита ни была нація, которую хотятъ обогатить, она негодуетъ. Она ненавидитъ эту пищу, она принимаетъ ее насильно, съ гнѣвомъ. Юпитеръ дитятей выплевывалъ молоко божественной козы. Все

это было вѣрно во Франціи по отношенію къ Гомеру и еще вѣрнѣе по отношенію къ Шекспиру. Въ XVII столѣтіи по поводу г-жи Дасье былъ предложенъ вопросъ: «Нужно ли переводить Гомера?» Аббатъ Террасонъ просто отвѣтилъ—нѣтъ. Ламотгъ сдѣлалъ еще лучше: онъ передѣлалъ «Иліаду». Этотъ умный человѣкъ былъ идиотомъ. Въ наши дни въ этомъ родѣ есть Бельи, именуемый Стендалемъ, который писалъ: «Гомеру я предпочитаю мемуары марк. Гувьонъ Сепъ-Сиръ».—Нужно ли переводить Гомера—литературный вопросъ XVII вѣка, а XVIII—литературный вопросъ: нужно ли переводить Шекспира».

II.

«Не могу не сказать вамъ, какъ я раздраженъ нѣкимъ Летурнеромъ, котораго называютъ секретаремъ книжной торговли, но который не кажется мнѣ секретаремъ изящнаго вкуса. Читали ли вы два тома этого презрѣннаго? Онъ всѣхъ безъ исключенія французовъ приносить въ жертву своему идолу Шекспиру, какъ нѣкогда приносили въ жертву Церерѣ свиней; онъ даже не устаетъ упомянуть Корнея и Расина. Эти два великихъ человѣка просто скрыты въ общемъ изгнаніи безъ упоминанія ихъ именъ. Напечатано уже два тома этого Шекспира, которые можно принять за балаганныя пьесы, написанныя за два столѣтія. Будетъ еще пять томовъ. Достаточно ли сильно вы ненавидите этого наглаго глупца! потерпите ли вы обиду, нанесенную имъ Франціи? Во Франціи нѣтъ достаточныхъ поношеній, дурацкихъ колпаковъ, позорныхъ столбовъ для такого негодая. Кровь клокочетъ въ моихъ старыхъ жилахъ, когда я говорю вамъ о немъ. Но что ужасно, это то, что чудовище имѣетъ партію во Франціи, и въ довершеніе несча-

стія и ужаса, вѣдь нѣкогда я первый говорилъ объ этомъ Шекспирѣ; я первый указалъ французамъ на нѣкоторые перлы, которые я нашелъ въ этой огромной кучѣ навоза. Я не ожидалъ, что самъ же помогу бросить подъ ноги на землю короны Расина и Корнея для того, чтобъ ими украсить чело гаера-варвара».—Кому адресовано это письмо? Ла-Гарпу. Кѣмъ? Вольтеромъ. Какъ видно, нужно много смѣлости, чтобъ рѣшиться быть Летурнеромъ.—А! вы переводите Шекспира? Ну, такъ вы негодяй, и даже больше—вы—наглый глупецъ, еще больше—вы презрѣнный; вы заслуживаете общественнаго безчестія во всѣхъ его формахъ, начиная съ дурацкаго колпака, какъ скряги, и кончая позорнымъ столбомъ, какъ воры. А быть можетъ, вы «чудовище». Я говорю быть можетъ потому, что въ письмѣ Вольтера чудовище амфибіологично—синтаксисъ Вольтера предназначаетъ это слово Летурнеру, но ненависть Вольтера относитъ это слово къ Шекспиру.—Этотъ почтенный Летурнеръ, увѣнчанный въ Монтобанѣ и Безансонѣ академическій лауреатъ изъ провинціи, занятый только тѣмъ, какъ бы ослабить Шекспира, отнять у него блескъ и силу рѣзвости и какъ нибудь провести его, т. е. сдѣлать его посредственнымъ, этотъ добрякъ, этотъ добросовѣстный работникъ, весь кругозоръ котораго заключался въ четырехъ стѣнахъ его кабинета; скромный, какъ дѣвушка, неспособный на злобу и месть, вѣжливый, робкій, честный, тихо говорящій—прожилъ всю жизнь съ именемъ «презрѣннаго», брошеннаго ему могучимъ голосомъ Вольтера—и умеръ удивленнымъ.

III.

«Любопытно, что Шекспиръ былъ осмѣянъ англичанами не менѣе, чѣмъ французами. Мы не знаемъ, какой лордъ, пользовавшійся авторитетомъ, говорилъ о Летуэрнѣ: «Чтобы переводить сумасшедшаго, надо быть дуракомъ»? И—Въ книгѣ, недавно опубликованной и озаглавленной «Вильямъ Шекспиръ», можно прочитать въ систематическомъ видѣ всѣ эти странные англійскіе тексты, которыми оскорбляли Шекспира въ продолженіе двухъ вѣковъ. Къ приговору писателей прибавьте приговоръ принцевъ. Георгъ I, въ царствованіе котораго, около 1726 г., началъ выходить немного Шекспиръ, никогда не хотѣлъ послушать ни одного шекспировскаго стиха. Этотъ Георгъ, по Милло, былъ человѣкъ серьезный и мудрый, онъ любилъ одну красавицу такъ сильно, что сдѣлалъ ее шталмейстеромъ.—Георгъ II думалъ такъ же, какъ и первый. Онъ восклицалъ: «я не могъ бы читать Шекспира», и при этомъ прибавлялъ: «это такой напыщенный малый». Милло, историкъ, говорившій проповѣди въ Рождественскій постъ въ Версалѣ, а въ Великій постъ—въ Люневилѣ и котораго Керлонъ предпочитаетъ Генольту, рассказываетъ о вліяніи Попа на Георга II относительно значенія Шекспира. Попъ негодуетъ на гордость Шекспира и сравниваетъ его съ лѣнивымъ муломъ, прислушивающимся только къ звону своихъ побрякушекъ. Презрительнымъ отношеніемъ литературы къ Шекспиру оправдывалось пренебреженіе королевское. И Георгъ III поступалъ согласно съ своими предшественниками. Онъ говорилъ миссъ Берей о Шекспирѣ: «Это ли не печальная галиматья? Не правда ли? не правда ли?» Конечно, можно возразить, что это мнѣніе только короля. Но не надо заблуждаться: въ Англійи мода

слѣдуетъ за королемъ; королевское мнѣніе въ дѣлѣ вкуса очень важно по ту сторону пролива. Англійскій король—верховный «лидеръ» лондонскихъ салоновъ. Король не управляетъ, но онъ царствуетъ. Книга, которую онъ читаетъ, и галетухъ, который онъ носитъ—законодательствуютъ. Если какому-нибудь королю нравится ниспровергать генія, Англія не признаетъ Шекспира. Если королю нравится восхищаться ничтожествомъ—Англія восхищается Брюммелемъ. Будемъ откровенны. Франція пала еще ниже 1814 г., когда позволила Бурбонамъ выбросить Вольтера на живодерню.

IV.

«Опасность переводить Шекспира теперь исчезла,—изъ-за этого уже не дѣлаются врагомъ общества. Но если исчезла опасность, трудность остается: Летуэрнъ не перевелъ Шекспира и даже совершенно искренно не желалъ этого; Летуэрнъ безсознательно въ данномъ случаѣ подчинялся непріязненному отношенію къ Шекспиру людей своего времени,—онъ его пародировалъ. Перевести Шекспира, перевести его дѣйствительно, съ довѣріемъ отдаваясь ему, перевести съ простотою честнаго и гордаго энтузіазма, ничего не избѣгая, не опуская, не ослабляя, не скрывая, не набрасывая вуаль тамъ, гдѣ онъ обнаженъ, не надѣвая маски тамъ, гдѣ онъ искрененъ, не прикрываясь его кожей, чтобы подъ нею лгать,—перевести Шекспира, не прибѣгая къ околичностямъ—этимъ мысленнымъ условіямъ, перевести безъ угодливости пуризму Франціи и пуританизму Англій, говорить правду, всю правду, только правду, передавать такъ, какъ свидѣтельствуешь на судѣ, не измѣняя ему, вести его въ Парижъ цѣликомъ, не принимать оскорби-

тельныхъ для этого генія предосторожностей, предложить посредственной интеллигенціи, имѣющей претензію на изящный вкусъ, принятіе этого гиганта такимъ, какой онъ есть на самомъ дѣлѣ. Угодно ли все это вамъ? Не остерегаться, не стыдиться великаго человѣка, а признавать его, разглашать, обнародывать, быть его плотью и кровью, принять его отпечатокъ, отлиться въ его форму, думать его мыслию, говорить его словомъ, отразить англійскаго Шекспира по-французски—какое предпріятіе!

V.

«Шекспиръ одинъ изъ тѣхъ поэтовъ, которые наиболѣе защищаются отъ переводчика. Древнее насиліе, совершенное надъ Протеемъ, символизируетъ усиліе переводчиковъ. Уловить генія—трудная задача. Шекспиръ не поддается, надо его постичь, Шекспиръ ускользаетъ—надо его преслѣдовать. Онъ ускользаетъ и идеей и выраженіемъ... Какой надо обладать неустрашимостью для того, чтобъ воспроизвести на французскомъ языкѣ нѣкоторыя дерзкія красоты этого поэта! «Гигантское расхищеніе будущаго, совершаемое въ любовной постели, провинціи, теряемая между поцѣлуями, будущія возможныя царства, исчезающія въ слитыхъ губахъ Антонія и Клеопатры, имперія, разрушенныя въ ласкахъ и придающія невыразимую величину наслажденію»—всѣ эти выпренности переданы словами: Kissed away Kingdoms. Шекспиръ ускользаетъ отъ переводчика и въ смыслѣ стила, и въ смыслѣ языка. Англійскій языкъ укрывается отъ французскаго изъ всѣхъ силъ. Ихъ полюсь (вѣроятно, въ значеніи корня языка¹⁾) не одинаковы:

англійскій языкъ—саксонскій, а французскій—латинскій. Нынѣшній англійскій, это почти что нѣмецкій XV столѣтія, близкій къ нему и по правописанію. Незапамятная антипатія этихъ двухъ языковъ такова, что въ 1095 г. нормандцы низложили Вольстана, епископа Ворчестерскаго, только за то, что этотъ грубый англичанинъ осмѣлился не знать по-французски. Въ отомщеніе за это, въ Байѣ говорили по-датски. Дюпонсо объясняетъ, что въ англійскомъ языкѣ изъ четырехъ корней три саксонскихъ. Почти всѣ глаголы, всѣ частицы, всѣ слова, которыя образуютъ составъ языка—сѣвернаго происхожденія. Въ англійскомъ языкѣ есть столь опасная сила разобщенія, что англичане инстинктивно, для облегченія сношеній съ Европой, приняли военные термины отъ французовъ, термины мореплаванія—отъ голландцевъ, термины музыки—отъ итальянцевъ. По поводу англійскаго языка Карлъ Дюрѣ писалъ въ 1613 г.: «Мало иностранцевъ берутъ на себя трудъ изучать его. Въ настоящее время англійскій языкъ есть настолько сакскій, что едва ли изъята изъ употребленія седьмая часть словъ «Оразіуса» временъ короля Альфреда. Отсюда постоянная глухая борьба между англійскимъ и французскимъ, какъ только они соприкасаются. Нѣтъ ничего труднѣе, какъ согласить эти два языка. Кажется, они предназначены выражать совершенно противоположныя вещи. Одинъ—сѣверный, другой—южный. Одинъ граничитъ съ туманами, степями, снѣгами, холодными пустынями, съ мрачными, полными неопредѣленныхъ образовъ пространствами. Другой же граничитъ съ свѣтлыми, ясными странами. Въ первомъ больше луны, во второмъ—солнца. Югъ противъ сѣвера, день противъ ночи, лучъ свѣта противъ сплина. Всегда какое-то облако, туманъ нависаютъ надъ англійской фразой, и этотъ туманъ есть красота; у Шекспира онъ повсюду. Французская ясность

¹⁾ Прим. перевод.

должна проникнуть сквозь это облако, не разсѣвая его. Иногда переводъ долженъ растянуться какъ нѣчто неуловимое. Какая-то волна вноситъ тревогу въ шекспировскую меланхолю и характеризуетъ сѣверъ. Гамлетъ въ особенности отличается этой неопредѣленностью, смутностью. Если ее отнять у него, тогда значить убить Гамлета. Его облакаетъ глубокий туманъ. Опредѣлить Гамлета—это значить его уничтожить». Нужно, важно, чтобъ переводъ имѣлъ не болѣе плотности, чѣмъ оригиналъ. Шекспиръ не хочетъ быть переведеннымъ, какъ Тацитъ. Шекспиръ сопротивляется переводчику относительно и стили и языка? И это все? Нѣтъ. Онъ сопротивляется и въ смыслѣ отвлеченномъ, историческомъ и легендарномъ. У него много невѣжества—это извѣстно, но что менѣе извѣстно—у него много и науки. Какая-нибудь шекспировская подробность поражаетъ: въ ней думаютъ видѣть его грубость, а между тѣмъ она какъ разъ свидѣтельствуетъ объ его обстоятельности и тонкости. Очень часто то, что отрицательная критика выдаетъ у Шекспира за смѣшную выдумку ума безъ развитія и образованія,—доказываетъ, напротивъ, его полную осѣдленность. Онъ прозорливъ и необыкновененъ въ исторіи; онъ превосходно знаетъ преданія и сказанія. Что касается философіи—она у него странная: она въ своемъ сомнѣніи приближается къ Монтеню, а въ откровеніи—къ Екклѣзіасту.

VI.

«Есть загадки въ Библии, онѣ есть и у Гомера, онѣ извѣстны и у Данте; въ Италіи существуютъ публичныя каюедры, съ которыхъ толкуютъ «Божественную Комедію»... Шекспировскій вопросъ существуетъ такъ же, какъ и гомеровскій. Прежде чѣмъ переводить Шекспира, необходимо

изучить этотъ вопросъ. Нужна цѣлая библіотека, чтобы проникнуть въ шекспировскій вопросъ и по мѣрѣ возможности его разрѣшить. Нужно справиться съ исторіей, начиная отъ Геродота до Юма; съ поэтами отъ Шоссе до Кольриджа; критиками, издателями, комментаторами, новеллами, хрониками, драмами, комедіями, работами на всѣхъ языкахъ, съ документами всевозможными—оправдательными документами этого генія. Его сильно обвинили—нужно изучить оборотную сторону дѣла. Въ Британскомъ музеѣ есть отдѣлъ, исключительно посвященный работамъ, которыя имѣютъ какое-либо отношеніе къ Шекспиру. Однѣ изъ этихъ работъ должны быть проверены, другія—углублены. Работа серьезная и полная запутанности. Безполезно сличить труды всѣхъ тѣхъ, кто пробовалъ разбирать Шекспира, начиная съ Адиссона и кончая Жакуромъ въ «Энциклопедіи». О Шекспирѣ очень много было сужденій во Франціи, Германіи, Англіи. Часто Шекспира осуждали, часто исполняли на сценѣ—надо знать, кто и какъ. Не ищите, гдѣ онъ вдохновлялся (кто же все имѣетъ только отъ себя?), но постарайтесь открыть, откуда онъ черпалъ сюжеты. Истинному переводчику необходимо прочитать все то, что читалъ Шекспиръ. Тамъ для мыслителя есть источники, для копателя—находки. Чтеніе Шекспира было разнообразно и глубоко. Этотъ вдохновенный творецъ былъ прилежнымъ ученикомъ. Поучитесь же такъ, какъ онъ, если хотите его знать. Недостаточно прочитать Бельфора, нужно прочитать и Плутарха; мало прочитать Монтеня, надо прочитать и Саксона Грамматика; мало узнать Эразма, надо узнать и Агриппу; мало знать Фруассара, надо прочитать Платва; мало прочитать Боккачіо, надо прочитать блаж. Августина.—Одна книга проверяетъ другую, тексты взаимно освѣщаютъ другъ друга. Ничѣмъ нельзя пренебрегать въ этой работѣ.

Понять Шекспира—такова задача. Вся эта эрудиція имѣетъ одну цѣль—возвыситься до этого поэта. Вотъ онъ—каменистый путь къ этому раю. Выкуйте себѣ ключъ науки, чтобы открыть такую поэзію.

VII.

«И такимъ путемъ вы узнаете, чей современникъ былъ Тезей изъ «Сна въ лѣтнюю ночь»; вы узнаете, какимъ образомъ чудеса смерти Юлія Цезаря отразились въ «Макбетѣ»; вы узнаете, какое количество Ореста есть въ Гамлетѣ; вы узнаете настоящаго Тимона Афинскаго, настоящаго Шейлока, настоящаго Фальстафа. Шекспиръ былъ могучій ассимиляторъ. Онъ сближалъ прошедшее. Онъ искалъ—находилъ; находилъ—потомъ изобрѣталъ; изобрѣталъ—потомъ творилъ. Вдохновеніе являлось къ нему изъ грубой груды хроникъ; изъ этихъ большихъ томовъ онъ извлекалъ призраковъ, призраковъ вѣчныхъ. Одни изъ нихъ ужасны, другіе очаровательны. Ричардъ III, Глостеръ, Іоаннъ Безземельный, Маргарита, лэди Макбетъ, Регана, Гонерилля, Клавдій, Лиръ, Ромео и Джульетта, Джесика, Пердита, Миранда, Офелія, Корделія,—всѣ эти чудовища, всѣ эти феи, два полюса человѣческаго сердца и двѣ крайности искусства, изображенныя въ вѣчно-живыхъ образахъ, живущихъ таинственной жизнью, неосязаемая какъ облако, безсмертныя, какъ вдохновеніе. Внутреннее уродство—Яго, а виѣшнее—Калибанъ, и около Яго—прелесть Дездемоны и рядомъ съ Калибаномъ—грація Титанія.—Только тогда, когда прочитаны безчисленныя книги, читанныя Шекспиромъ, когда вы вкусите воду изъ тѣхъ же источниковъ, изъ которыхъ пилъ онъ, когда пропитаетесь тѣмъ же, чѣмъ былъ проникнутъ онъ, когда внутренне начертите себѣ прошедшее та-

кимъ, какимъ онъ его видитъ, когда изучите все, что онъ зналъ, когда будете грезить такъ же, какъ грезилъ онъ, когда разберетесь во всѣхъ этихъ дѣяніяхъ, во всей этой исторіи, во всѣхъ этихъ міогахъ, во всей этой философіи,—только тогда, какъ въ награду, осѣнитъ васъ это множество божественныхъ тѣней».

VIII.

А вотъ нѣсколько прекрасныхъ, сердечныхъ строкъ, написанныхъ самимъ Викторомъ Гюго о благороднѣйшей работѣ своего сына.

«Молодой челоѣкъ посвятилъ себя этому громадному труду. Рядомъ съ задачей воспроизвести Шекспира у него была еще другая—его коментировать... Параллельно переводу каждой пьесы онъ помѣстилъ, подъ заглавіемъ «введеніе», и спеціальныя этюды, въ которыхъ всѣ относящіяся къ переводимой пьесѣ вопросы разобраны, обсуждены—и гдѣ—съ книгами въ рукахъ—сказано все за и противъ. Эти 36 введеній къ 36 твореніямъ Шекспира, раздѣленнымъ на 15-ть книгъ съ разными заглавіями, въ общемъ работа обширная.—Работа критическая, филологическая, философская, историческая идетъ подлѣ и подкрѣпляетъ переводъ. Что же касается собственно перевода—онъ точенъ и искрененъ, упоренъ въ рѣшеніи повиноваться тексту; переводъ скромненькій и гордый, и не старается превзойти Шекспира. Комментаторъ кладетъ Шекспира на столъ для вскрытія, а переводчикъ поднимаетъ его опять на ноги, и, увидѣвши Шекспира вскрытымъ,—мы снова видимъ его живымъ. Для тѣхъ, кто хотѣлъ Шекспира полностью, этого перевода не доставало. Съ этихъ поръ нѣтъ болѣе хорошо составленной и богатой бібліотеки безъ Шекспира. Би-

бліотека такъ же неполна безъ Шекспира, какъ и безъ Мольера. Работа появлялась томъ за томомъ и имѣла постоянно этого великаго сотрудника — успѣхъ. — Какъ бы мало ни значило наше одобреніе, мы даемъ его полностью этой работѣ — переводу съ филологической точки зрѣнія и творенію — съ критической и исторической. Это произведеніе издано въ уединеніи. Такія творенія всегда добросовѣстны и вѣрны. Суровая жизнь учитъ строгой работѣ. — Настоящій переводъ, какъ мы увѣрены, съ тѣмъ и серьезная критика Франціи, Англіи и Германіи согласилась, является и окончательнымъ; во-первыхъ, потому, что онъ точенъ, во-вторыхъ — полонъ. Тѣ трудности, о которыхъ мы говорили, и еще многія другія имъ приняты во вниманіе и, по нашему мнѣнію, разрѣшены. Переводчикъ, дѣлая эту попытку, отдался ей весь. Онъ чувствовалъ, исполняя эту задачу, что сооружаетъ монументъ. Этой задачѣ онъ отдалъ 12-ть лучшихъ лѣтъ своей жизни. По нашему мнѣнію, хорошо, что юноша имѣлъ столько серьезности и строгости. Задача трудная, почти устрашающая». —

ГАМЛЕТЪ

Прибавлять ко всему этому больше нечего, да и неумѣстно. Скажу только одно — вотъ какъ оцѣнили Шекспира на Западѣ и какъ у насъ въ Россіи, особенно на сценѣ... Но объ этомъ — «молчаніе».

Н. Россовъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Клавдій, король Даніи.

Гамлетъ, сынъ прежняго и племянникъ царствующаго ко-
роля.

Фортинбрасъ, принцъ норвежскій.

Полоній, сановникъ при дворѣ.

Гораціо, другъ Гамлета.

Лаэртъ, сынъ Полонія.

Вольтимандъ

Корнелій

Розенкранцъ

Гильденштернъ

Осрикъ

Придворный

Патеръ

Марцелло

Бернардо

Франциско, солдатъ.

Рейнальдо, слуга Полонія.

Актеры.

Два могильщика.

Капитанъ.

Англійскіе послы.

Гертруда, королева Даніи, мать Гамлета.

Офелія, дочь Полонія.

Придворные, дамы, офицеры, солдаты, матросы, посланные
и прочіе.

Духъ отца Гамлета.

Дѣйствіе въ Эльсинорѣ.

А К Т Ъ I.

СЦЕНА I.

Эльсиноръ. Платформа передъ замкомъ. Франциско
на стражѣ.

Входитъ Бернардо.

БЕРНАРДО.

Кто тутъ?

ФРАНЦИСКО.

Стой, отвѣчай мнѣ самъ, кто ты?

БЕРНАРДО.

Да здравствуетъ король!

ФРАНЦИСКО.

Бернардо?

БЕРНАРДО.

Я.

ФРАНЦИСКО.

Вы исполнительны—какъ разъ пришли.

ГАМЛЕТЪ.

БЕРНАРДО.

Пробило полночь; спать ступай, Франциско.

ФРАНЦИСКО.

Благодарю за смѣну. Сильный холодъ,
И грустно мнѣ.

БЕРНАРДО.

Спокойно ль все!

ФРАНЦИСКО.

И мышъ

Не промелькнула.

БЕРНАРДО.

Доброй ночи. Если
Моихъ товарищей по стражѣ встрѣтишь—
Скажи, чтобъ шли они скорѣй.

ФРАНЦИСКО.

Да вотъ,

Мнѣ кажется, они.—Кто здѣсь?

[Входятъ Гораціо и Марцелло]

ГОРАЦИО.

Друзья

Отечества.

МАРЦЕЛЛО.

И датскаго монарха

Вассалы.

ФРАНЦИСКО.

Доброй ночи вамъ.

МАРЦЕЛЛО.

Прости,

Примѣрный воинъ. Кто смѣнилъ тебя?

ФРАНЦИСКО.

Бернардо.—Такъ спокойной ночи.

МАРЦЕЛЛО.

Эй,

Бернардо!

БЕРНАРДО.

Здѣсь. Съ тобой Гораціо?

ГОРАЦИО.

Часть

Его.

БЕРНАРДО.

Привѣтъ, Гораціо, привѣтъ,
Марцелло.

ГОРАЦИО.

Что, являлся онъ сегодня?

БЕРНАРДО.

Я ничего не видѣлъ.

МАРЦЕЛЛО.

Вотъ Гораціо

Считаетъ призракъ прихотью мечты,
Не вѣрить, что онъ дважды намъ являлся,
А потому я упросилъ его
На эту ночь на стражѣ съ нами быть,
И если духъ появится опять,
Пусть съ нимъ Гораціо заговорить
И тѣмъ докажетъ правду нашихъ словъ.

ГОРАЦИО.

Безсмыслица—не явится мертвецъ.

БЕРНАРДО.

Присяжь покажься, и твое невѣрье
Въ то, что два раза намъ являлось ночью,
Мы попытаемся опять разсѣять.

ГОРАЦІО.

Послушаемъ, что скажетъ намъ Бернардо.

БЕРНАРДО.

Въ ночь прошлую, когда вонъ та звѣзда,
Свершая путь отъ полюса на западъ,
Сіяла такъ же, какъ сейчасъ сіяетъ,
Я и Марцелло, только пробилъ часъ...

[Входитъ Духъ].

МАРЦЕЛЛО.

Молчи! Смотри, онъ снова появился

БЕРНАРДО.

И въ образѣ усопшаго монарха.

МАРЦЕЛЛО.

Бесѣдуй съ нимъ, Гораццо,—ты ученый.

БЕРНАРДО.

Похожъ онъ на усопшаго монарха?

ГОРАЦІО.

Разительно! Я въ страхѣ, изумленъ.

БЕРНАРДО.

Онъ хочетъ, чтобъ заговорили съ нимъ.

МАРЦЕЛЛО.

Спроси его, Гораццо.

ГОРАЦІО.

Кто ты,

Блуждающій въ полночный этотъ часъ?
Своимъ величьемъ ты напоминаешь
Покойнаго монарха мощный образъ.
Я заклинаю небомъ, говори!

МАРЦЕЛЛО.

Онъ оскорбился.

БЕРНАРДО.

Онъ уходитъ.

ГОРАЦІО.

Стой!

Отвѣтствуй!

[Духъ исчезаетъ].

МАРЦЕЛЛО.

Скрылся, не промолвишь слова.

БЕРНАРДО.

Ну что, Гораццо, ты дрожишь, ты блѣднѣешь?
Вѣдь это не созданіе мечты?
Что скажешь ты теперь?

ГОРАЦІО.

Клянусь Творцомъ,
Я этого бъ никакъ не допустилъ,
Когда бъ воочию не увидалъ!

МАРЦЕЛЛО.

А какъ, похожъ на короля?

ГОРАЦІО.

Какъ ты
На самого себя. Въ такихъ же латахъ

Съ норвежскимъ гордымъ королемъ онъ бился
И такъ же грозно взорами сверкалъ,
Когда, въ горячемъ спорѣ, изъ саней
Разъ польскаго бойца швырнулъ на ледь.—
Необычайно видѣнное здѣсь.

МАРЦЕЛЛО.

Въ такой же часъ съ воинственнымъ величьемъ
Онъ передъ нами дважды проходилъ.

ГОРАЦИО.

Что это можетъ значить—я не знаю,
Но для страны несчастіе предвижу.

МАРЦЕЛЛО.

Да сядемъ же, и разъясни, кто знаетъ,
Зачѣмъ насъ беспокоятъ по ночамъ
Столь тщательною, неусыпной стражей?
И для чего льютъ пушки каждый день,
Въ чужихъ краяхъ снаряды закупаютъ!
Не отличая праздниковъ отъ будней,
Работаютъ на верфяхъ противъ воли?
Что заставляетъ день и ночь трудиться?
Кто мнѣ на это можетъ дать отвѣтъ?

ГОРАЦИО.

Я объясню. Молва идетъ такая:
Король усопшій, что являлся намъ,
Какъ вамъ извѣстно, гордымъ Фортинбрасомъ—
Завистливымъ властителемъ норвежцевъ—
На поединокъ вызванъ былъ. Нашъ Гамлетъ,
Считавшійся героемъ въ этомъ свѣтѣ,
Убилъ въ единоборствѣ Фортинбраса.
И, въ силу рыцарскаго договора,

Всѣ земли Фортинбраса взять себѣ,
Чему и Гамлетъ также подвергался
По отношенію къ своимъ владѣніямъ,
Когда бъ норвежецъ побѣдилъ его.
И вотъ теперь племянникъ Фортинбраса,
Въ задорѣ юности и славолюбія,
Со всей Норвегіи набралъ толпу
Отчаянныхъ, бездомныхъ храбрецовъ,
Что ради хлѣба бросятся на все,
И думаетъ—какъ подтвердилъ и дворъ нашъ—
Потерянные земли съ бою взять.
Вотъ въ чемъ, мнѣ кажется, лежитъ разгадка
Всѣхъ нашихъ снаряженій и тревогъ.

БЕРНАРДО.

И я такъ думаю. Да, не безъ цѣли
Зловѣщій духъ въ оружьи къ намъ являлся.
Онъ такъ похожъ на прежняго монарха,
Виновника и будущей войны.

ГОРАЦИО.

Мрачить онъ разумъ, какъ соринка глазъ.
Такъ нѣкогда въ могучемъ, славномъ Римѣ,
Предъ тѣмъ, какъ палъ побѣдоносный Юлій,
Могила извергала мертвецовъ,
Бродившихъ съ воплемъ въ саванахъ повсюду;
Кометы съ огненнымъ хвостомъ являлись,
Пятнилось солнце, дождь кровавый шелъ
И меркнулъ мѣсяцъ—царь стихій Нептуна.
Какъ будто бы міръ близился къ концу.
Такія же предтечи бѣдъ грядущихъ
Возникли снова на землѣ и въ небѣ
И отразились въ нашемъ государствѣ.

[Духъ возвращается].

Но те... смотрите, онъ опять явился,—
 Я долженъ преградить ему дорогу,
 Хотя бъ изъ-за того пришлось погибнуть.
 Остановись, видѣнье! Если ты
 Имѣешь голосъ, можешь говорить,—
 Заговори со мной! Когда могу
 Я принести тебѣ успокоенье,
 Себѣ спасеніе благимъ дѣяньемъ,—
 Заговори со мной! Иль ты предвидишь
 Судьбу тяжелую твоей странѣ
 И знаешь, какъ предотвратить ее?—
 Заговори со мной! И если ты
 Зарылъ сокровища въ земной утробѣ,
 Нажитыя неправеднымъ путемъ,
 За что—идеть повѣрье—мертвецы
 Осуждены блуждать въ ночное время,—
 Заговори... Держи его, Марцелло!

[Поетъ пѣтухъ].

МАРЦЕЛЛО.

Мнѣ не ударить ли его копьемъ?

ГОРАЦІО.

Ударь, коль онъ уйти захочетъ.

БЕРНАРДО.

Вотъ онъ.

ГОРАЦІО.

Вотъ онъ!

[Духъ уходитъ].

Исчезъ! Его почтенный образъ
 Насильемъ нашимъ только оскорбился.
 Какъ воздухъ не доступенъ онъ ударами,—
 Они одно кощунство передъ духомъ.

БЕРНАРДО.

Онъ, кажется, хотѣлъ заговорить,
 Но тутъ внезапно закричалъ пѣтухъ.

ГОРАЦІО.

И отчего онъ, какъ преступникъ, вздрогнулъ.
 Слыхалъ я, что пѣтухъ—предвѣстникъ утра—
 Своимъ пронзительнымъ и громкимъ пѣньемъ
 Снимаетъ сонъ съ рѣсницъ у бога дня
 И гонитъ отовсюду изъ природы
 Скитающихся, запоздалыхъ духовъ
 Въ ихъ вѣчныя жилища, и теперь
 То подтвердилось намъ на самомъ дѣлѣ.

МАРЦЕЛЛО.

Онъ скрылся тотчасъ, какъ пропѣлъ пѣтухъ.
 Такъ, говорятъ, предъ Рождествомъ Христа
 Всю ночь поетъ пѣтухъ, и въ эту пору
 Не бродятъ духи, ночи благотворны,
 Вліянье звѣздъ и чары вѣдъмъ безсильны,—
 Такъ благостно, священно это время.

ГОРАЦІО.

И я слыхалъ, и вѣрю въ то отчасти.
 Но вотъ и утро въ аломъ одѣяньи
 Изъ-за росистаго холма выходитъ.
 Теперь оставимъ постъ. Я полагаю,
 Что видѣнное нами этой ночью
 Должны мы съ юнымъ Гамлетомъ провѣрить,
 И жизнью поклянусь моею, что духъ
 Предъ нимъ уже безмолствовать не станетъ.
 Согласны ль рассказать ему объ этомъ,
 Какъ требуютъ того любовь и долгъ нашъ?

МАРЦЕЛЛО.

Мы такъ и сдѣлаемъ. Прошу. Я знаю,
Гдѣ легче намъ найти его сегодня!
[Уходятъ.]

СЦЕНА II.

Парадный залъ въ замкѣ.

Трубы. Входятъ Король, Королева, Гамлетъ, Полоній, Лаэртъ,
Вольтимандъ, Корнелій, свита.

КОРОЛЬ.

Какъ ни свѣжо еще воспоминанье
О нашемъ дорогомъ умершемъ братѣ,
Какъ ни законно намъ и государству
Скорбѣть о немъ, но разумъ надъ природой
Верхъ одержалъ, и, помня наше горе,
Мы также помышляемъ о себѣ.
Такъ, бывшую сестру и королеву—
Наслѣдницу воинственной страны—
Мы нынѣ нарекли своей супругой,
Съ подавленной радостью въ душѣ,
Съ улыбкой и слезами на лицѣ,
Смѣясь при гробѣ и грустя на свадьбѣ,
Размѣривъ по-ровну печаль съ весельемъ,
И вашей мудростью нашъ бракъ одобренъ,
За что приносимъ благодарность вамъ.
Затѣмъ, скажу вамъ: юный Фортинбрасъ,
Считая насъ безпомощнымъ чрезмѣрно
И думая, что наше королевство
Со смертью брата очень ослабѣло,

Настолько поддался своимъ мечтаньямъ,
Что къ намъ осмѣлился прислать пословъ,
Черезъ которыхъ требуетъ возврата
Земель, утраченныхъ его отцомъ,
По праву перешедшихъ къ моему
Достойнѣйшему брату. Но о томъ
Довольно. А теперь о нашемъ дѣлѣ
И цѣли настоящаго собранья.
Мы дядѣ Фортинбраса, королю
Норвегіи, письмо пошлемъ. Онъ старъ
И боленъ, и наврядъ ему извѣстно
Про замыселъ племянника,—пускай
Король его поукротитъ; тѣмъ больше,
Что всѣ приготовленія къ войнѣ
Въ владѣніяхъ норвежскихъ происходятъ.
Мы просимъ васъ, Корнелій, Вольтимандъ,
Съ привѣтомъ съѣздить къ старому монарху.
Уполномочиваемъ васъ вести
Переговоры съ нимъ, согласно тѣхъ
Статей, какія есть въ наказѣ нашемъ.
Простите и поспѣшностью явите
Свое усердіе намъ.

КОРНЕЛИЙ И ВОЛЬТИМАНДЪ.

Готовы мы

Всегда его во всемъ вамъ доказать.

КОРОЛЬ.

Я довѣряю вамъ. Счастливый путь.

[Вольтимандъ и Корнелій уходятъ.]

Теперь, что скажете, Лаэртъ? У васъ,
Вы говорили, просьба къ намъ? Какая жъ?
Со мною—датскимъ королемъ—ведя

Разумно рѣчь, бесѣда не безплодна.
 Что можетъ пожелать Лаэртъ, чего бѣ
 Я не исполнилъ и безъ просьбы даже?
 Не ближе сердце головѣ, а руки
 Не болѣе служить готовы ру,
 Чѣмъ твоему отцу корона наша.
 Скажи, Лаэртъ, въ чемъ просьба?

ЛАЭРТЪ.

Государь,

Позвольте мнѣ во Францію вернуться.
 По долгу своему и доброй волѣ
 Приѣхалъ я ко дню коронованья;
 Священный долгъ исполнить, сознаюсь,
 Что къ Франціи опять душа стремится
 И ждетъ на это вашего рѣшенья.

КОРОЛЬ.

Но вашъ отецъ васъ отпустить согласенъ?
 Что скажетъ намъ Полоній?

ПОЛОНІЙ.

Государь,

Онъ вымолилъ согласье у меня
 И я невольно уступилъ ему.
 Пусть уѣзжаетъ, если разрѣшите.

КОРОЛЬ.

Воспользуйся жъ, Лаэртъ, удачнымъ мигомъ,
 Располагай собою какъ угодно.
 А ты, племянникъ мой и сынъ мой, Гамлетъ...

ГАМЛЕТЪ [въ сторону].

Сынъ—не совсѣмъ, и больше, чѣмъ племянникъ (а).

КОРОЛЬ.

Ты все еще подь облакомъ печали?

ГАМЛЕТЪ.

Нѣтъ, государь, я слишкомъ въ блескъ солнца.

КОРОЛЕВА.

Не омрачай себя, мой милый Гамлетъ (b),
 И дружески взгляни на короля.
 Довольно взоры опускать къ землѣ,
 Какъ бы ища въ ней славнаго отца.
 Ты знаешь—общій жребій умирать
 Всему живущему и въ вѣчность скрыться.

ГАМЛЕТЪ.

Да, это общій жребій, королева.

КОРОЛЕВА.

А если такъ, то почему же онъ
 Необычайнымъ кажется тебѣ?

ГАМЛЕТЪ.

Мнѣ кажется? Нѣтъ, правда, королева,
 Я никакого «кажется» не знаю.
 Да, матушка, ни этотъ черный плащъ,
 Ни соблюденье траурной одежды,
 Ни тяжкій стонъ взволнованной груди,
 Ни взоры, полные обильныхъ слезъ,
 Ни выраженье грустнаго лица,—
 Ничто изъ всѣхъ уподобленій скорби
 Не выяснитъ понятія объ мнѣ.
 Что кажется, то можно и сыграть,
 Но что въ душѣ, того не показать
 Прикрасами, убранствами печали.

КОРОЛЬ.

Вотъ это хорошо, похвально, Гамлетъ,
 Воздать дань скорби своему отцу.
 Но ты однако же не знать не можешь,
 Что каждый изъ людей терялъ отца,
 И хотъ обязанъ сынъ о томъ жалѣть,
 Но вѣчная печаль—упрямство злое
 И недостойно истиннаго мужа,
 Строптивость воли передъ небесами
 И дряблость сердца и незрѣлый умъ.
 Зачѣмъ же сѣтовать на неизбѣжность
 Обыкновеннаго явленья! Полно!
 То грѣхъ предъ Богомъ, грѣхъ передъ умершимъ,
 Передъ самой природой и разсудкомъ,
 Который постоянно говоритъ:
 «Такъ быть должно». Оставь напрасный ропотъ
 И посмотри на насъ, какъ на отца;
 Пусть знаетъ міръ, что ты всѣхъ ближе намъ,
 Тебя мы любимъ, какъ родного сына.
 Но ты вернуться хочешь въ Виттенбергъ,
 Къ наукамъ,—это не по сердцу намъ.
 Тебя мы просимъ насъ не покидать,—
 Будь утѣшеньемъ и отрадой намъ,
 Какъ первый изъ придворныхъ, какъ племянникъ
 И сынъ.

КОРОЛЕВА.

Ты просьбу матери своей,
 Мой Гамлетъ, не оставишь безъ вниманья,—
 Отъ насъ ты не уѣдешь въ Виттенбергъ?

ГАМЛЕТЪ.

Мой долгъ повиноваться королевѣ.

КОРОЛЬ.

Вполнѣ хорошій, дружескій отвѣтъ.
 Такъ будь же въ Даніи, какъ сами мы.
 Идемте, королева; мнѣ пріятно,
 Что Гамлетъ здѣсь охотно остается.
 И нынче каждый нашъ заздравный кубокъ
 Пальбою пушекъ небу возвѣстится,
 А небеса на королевскій тостъ
 Откликнутся земнымъ громамъ. Идемъ.
 [Трубы. Всѣ уходятъ, кромѣ Гамлета].

ГАМЛЕТЪ.

О, еслибъ жизнь столь крѣпкой этой плоти
 Растаяла, росой испарилась;
 О, еслибы Предвѣчный Судія
 Не называлъ грѣхомъ самоубійства!
 О Боже, Боже, до чего противны
 И мелочны, и пошлы, и ничтожны
 Дѣянія людей на этомъ свѣтѣ!
 Какая гадость міръ! Онъ—садъ безплодный,
 Заросшій грубой, сорною травой;
 Одно тлетворное владѣтъ имъ!
 И почему до этого дошло?
 Два мѣсяца,—нѣтъ, даже и не два,—
 Какъ умеръ онъ—великій властелинъ,
 Гиперіонъ передъ такимъ Сатиромъ!
 А какъ онъ нѣжно мать мою любилъ—
 Ея лица и вѣтеръ не касался!
 Земля и небо! долженъ ли я помнить?
 Она къ нему пылала тою страстью,
 Какой, казалось, не было конца.
 И черезъ мѣсяцъ! Лучше и не думать.

Непостоянство—женщины названье.
 Единый мѣсяцъ... Не сносила обувь,
 Въ которой шла она, какъ Ниобея,
 За бѣднымъ прахомъ моего отца.
 И вотъ она, она!.. Творецъ небесный!
 Звѣрь неразумный больше бы грустилъ!
 Жена—и брата моего отца!
 Мой дядя такъ же на него похожъ,
 Какъ я на Геркулеса! Мѣсяцъ только...
 Еще глаза ея отъ слезъ притворныхъ
 Распухнутъ не успѣли до-красна—
 Она ужъ замужемъ. О гнусный пылъ—
 Къ кровосмѣшенью быстрая готовность!
 Нѣтъ въ этомъ добраго—и быть не можетъ.
 Терзайся, сердце!—нужно мнѣ молчать.
 [Входятъ Гораціо, Марцелло и Бернардо].

ГОРАЦИО.

Привѣтъ вамъ, принцъ!

ГАМЛЕТЪ.

Я радъ вамъ, и, когда
 Не ошибаюсь, вы—Горацъ?

ГОРАЦИО.

Онъ—

И постоянный вашъ слуга, мой принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

Нѣтъ, только добрый другъ, а не слуга;
 Да, мы друзья. Но что же васъ могло
 Привлечь изъ Виттенберга къ намъ?—Марцелло?

МАРЦЕЛЛО.

Мой добрый принцъ!

ГАМЛЕТЪ.

Я очень радъ васъ видѣть.
 [Къ Бернардо].

Привѣтъ. Чѣмъ вамъ наскучилъ Виттенбергъ?

ГОРАЦИО.

Да обуяла лѣнь, милый принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

И врагъ вашъ этимъ бы мой слухъ обидѣлъ.
 Вы на себя клеветаете,—не вѣрю:
 Я лѣнь у васъ не замѣчалъ.
 Что жъ за дѣла у васъ здѣсь, въ Эльсинорѣ?
 Вѣдь прежде чѣмъ уйдете отсюда,
 Мы пьянствовать научимъ васъ.

ГОРАЦИО.

Мой принцъ,

Я къ похоронамъ короля спѣшилъ.

ГАМЛЕТЪ.

Не смѣйся надо мной, товарищъ дѣтства,—
 На свадьбу матери моей спѣшилъ.

ГОРАЦИО.

Да, принцъ, одно другимъ смѣнилось быстро.

ГАМЛЕТЪ.

Расчетъ, расчетъ, Горацъ! Съ похоронъ
 Холодныхъ блюлъ хватило и на свадьбу.
 Нѣтъ, легче встрѣтиться съ врагомъ на небѣ,
 Чѣмъ пережить подобный день, Горацъ!
 Отецъ мой... Кажется, его я вижу.

ГОРАЦИО.

Гдѣ, принцъ?

ГАМЛЕТЪ.

ГАМЛЕТЪ.

Въ очахъ души моей, Гораціо.

ГОРАЦИО.

Я зналъ его, — прекрасный былъ король.

ГАМЛЕТЪ.

Онъ совершеннымъ челоѣкомъ былъ, —
Ему подобнаго мнѣ не увидѣть.

ГОРАЦИО.

Онъ прошлой ночью словно мнѣ являлся.

ГАМЛЕТЪ.

Являлся? Кто?

ГОРАЦИО.

Монархъ, отецъ вашъ, принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

Монархъ! отецъ мой!

ГОРАЦИО.

Изумленье ваше
Умѣрьте на минуту, со вниманьемъ
Послушайте, — я расскажу вамъ чудо,
Чему свидѣтели вотъ и они.

ГАМЛЕТЪ.

Прошу во имя Бога, Расскажи.

ГОРАЦИО.

Два раза ужъ Марцелло и Бернардо,
Стой на стражѣ, видѣли въ полночь
На вашего отца похожій призракъ,
Вооруженный съ ногъ до головы.Онъ величаво шествовалъ предъ ними
Не далѣе длины его копья,
Являясь трижды ихъ смущеннымъ взорамъ.
И, пораженные великимъ страхомъ,
Они предъ нимъ въ оцѣпенѣнны были.
Узнавъ отъ нихъ объ этомъ, въ третью ночь
Я съ ними самъ отправился на стражу,
Гдѣ ихъ рассказъ на дѣлѣ подтвердился:
Въ тотъ часъ и въ томъ же видѣ духъ явился —
Я помню образъ вашего отца:
Какъ эти руки межъ собой похожи,
Такъ сходенъ духъ съ почившимъ королемъ.

ГАМЛЕТЪ.

Гдѣ это было?

МАРЦЕЛЛО.

Гдѣ стояли стражей.

ГАМЛЕТЪ.

И съ нимъ вы говорили?

ГОРАЦИО.

Да, мой принцъ.
Но онъ молчалъ; разъ, словно бы, желалъ
Заговорить, но тутъ заплѣлъ пѣтухъ —
И духъ исчезъ...

ГАМЛЕТЪ.

Необычайно это.

ГОРАЦИО.

Клянусь вамъ жизнью, благородный принцъ,
Все это истинно, и мы сочли
За долгъ свой рассказать вамъ о видѣнны.

ГАМЛЕТЪ.

Да, да, но это такъ меня тревожить...
Вы нынче ночью будете на стражѣ?

МАРЦЕЛЛО И БЕРНАРДО.

Да, принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

Онъ былъ вооруженъ, сказали?

МАРЦЕЛЛО И БЕРНАРДО.

Да, принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

Вполнѣ?

МАРЦЕЛЛО И БЕРНАРДО.

Отъ головы до ногъ.

ГАМЛЕТЪ.

Его лица вы, значить, не видали?

ГОРАЦИО.

Нѣтъ, видѣли,—наличникъ былъ открытъ.

ГАМЛЕТЪ.

Смотрѣлъ онъ гнѣвно?

ГОРАЦИО.

Нѣтъ, скорѣй печально.

ГАМЛЕТЪ.

Румянъ или блѣденъ былъ?

ГОРАЦИО.

Да, очень блѣденъ.

ГАМЛЕТЪ.

И пристально глядѣлъ на васъ?

ГОРАЦИО.

Все время.

ГАМЛЕТЪ.

Зачѣмъ я не былъ съ вами!

ГОРАЦИО.

Но видѣнье

Васъ ужаснуло бы.

ГАМЛЕТЪ.

Весьма возможно.

А долго ли онъ пробылъ съ вами?

ГОРАЦИО.

До ста

Успѣли бы насчитать, не торопясь.

МАРЦЕЛЛО И БЕРНАРДО.

Нѣтъ, дольше, дольше!

ГОРАЦИО.

Но при мнѣ не дольше.

ГАМЛЕТЪ.

А борода его была сѣдая?

ГОРАЦИО.

Нѣтъ, съ просѣдью такою жъ, какъ при жизни.

ГАМЛЕТЪ.

Сегодня ждите и меня на стражѣ
Быть можетъ, онъ опять придетъ.

ГОРАЦИО.

Навѣрно.

ГАМЛЕТЪ.

И если вновь онъ приметъ видъ отца,
 Я съ нимъ заговорю, хотя бъ самъ адъ,
 Разверзнувшись, мнѣ повелѣлъ умолкнуть.
 Я васъ прошу, когда до этихъ поръ
 Хранили вы молчанье о видѣньи,
 Молчите также въ будущемъ о немъ.
 И чтò сегодня ночью бъ ни случилось —
 Имѣйте въ мысляхъ, но не на словахъ.
 Я за любовь ко мнѣ вознагражу.
 Такъ встрѣтимся мы въ полночь на террасѣ.

Всѣ.

Готовы мы всегда служить вамъ, принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

Я лишь любви отъ васъ хочу. Простите.

[Всѣ уходятъ, кромѣ Гамлета].

Духъ моего отца въ оружіи! Странно...
 Здѣсь тайна есть. Скорѣй бы ночь настала
 До тѣхъ же поръ терпи, моя душа!
 Злодѣйства выползутъ на свѣтъ дневной,
 Хоть ихъ закрой собою шаръ земной!
 [Уходитъ].

СЦЕНА III.

Комната въ домѣ Полонія.

Входятъ Лаэртъ и Офелія.

ЛАЭРТЪ.

Мои всѣ вещи ужъ на кораблѣ.
 Прости, сестра, и при попутномъ вѣтрѣ,
 Какъ явится благопріятный случай,
 Не спи и шли мнѣ вѣсти о себѣ.

ОФЕЛІЯ.

Ты развѣ можешь въ этомъ сомнѣваться!?

ЛАЭРТЪ.

Расположенье жъ Гамлета къ тебѣ —
 Учивость свѣтская, причуда крови,
 Фиалка ранняя природы вешней —
 Цвѣтокъ благоуханный, но непрочный
 И сладостный, мгновеніе — не больше.

ОФЕЛІЯ.

Не больше?

ЛАЭРТЪ.

Да, повѣрь мнѣ, что не больше
 Мы развиваемся не тѣломъ только,
 Но въ этомъ храмѣ умъ и духъ растутъ.
 Допустимъ, принцъ тобою увлеченъ
 Безъ тѣни недостойныхъ пожеланій,
 И тѣмъ не менѣе страшись его:
 Онъ весь во власти своего рожденія,
 Не можетъ онъ собой распоряжаться,
 Какъ прочіе простые горожане;
 Въ его избраніи — благо государства,

Въ своихъ желаньяхъ связанъ онъ съ страной,
 Которой онъ—какъ тѣлу голова.
 Тебя въ своей любви онъ увѣряетъ,—
 Будь разсудительна и вѣрь ему
 Не болѣе, чѣмъ можетъ онъ любить,
 Какъ принцъ, согласный съ волею народа.
 Суди жъ, какъ пострадала бъ честь твоя,
 Когда бъ съ довѣрьемъ случала его
 Любовный бредъ и дерзость буйной страсти—
 Ты потеряла бъ сердце черезъ то
 И омрачила бъ чистоту свою.
 Остерегись же, милая сестра,
 И сохрани себя отъ увлеченья.
 Чистѣйшая изъ дѣвъ не безъ упрека,
 Раскрывъ красы свои передъ луной,—
 Ядъ клеветы и добродѣтели ранить.
 Червякъ съѣдаетъ первенцовъ весны,
 Еще и развернуться не успѣвшихъ.
 На утрѣ юности сырой, росистой
 Всего опаснѣй нездоровый воздухъ.
 Смотри же, осторожнѣй поступай,
 И въ юности, враждующей съ собою,
 Страхъ—наилучшій охранитель твой.

ОФЕЛІЯ.

Совѣтъ благой поставлю стражемъ сердца.
 Но, добрый братъ, не окажись и ты
 Однимъ изъ проповѣдниковъ лукавыхъ,
 Что, указуя къ небу путь тернистый,
 Межъ тѣмъ безпечно и легко идутъ
 Цвѣтистою дорогою удовольствій,
 Наперекоръ своимъ правоученьямъ.

ЛАЭРТЪ.

Не бойся за меня. Но мнѣ пора

[Входитъ Полоній].

А вотъ отецъ. Въ двойномъ благословеньи
 Заключена двойная благодать.
 Вторичный случай мнѣ проститься съ вами.

ПОЛОНІЙ.

Ты здѣсь, Лаэртъ! Скорѣе на корабль!
 Ужъ вѣтромъ паруса его надуты.

Тебя тамъ ждуть. Прими благословенье

[Кладетъ руку на голову его].

Да правила вотъ эти не забудь:

Не говори всего, что на умѣ;

Не дѣлай ничего, не обсудивъ;

Со всѣми ласковъ будь, но не навязчивъ;

Дружись съ тѣмъ, кого узнаешь строго,

Связавъ его съ собою стальною цѣпью;

Но всякому руки не подавай.

Ссоръ избѣгай; поссорившись, держись

Того, чтобъ недругъ твой тебя боялся.

Внимая всѣмъ, съ немногими бесѣдуй;

Чужое мнѣнье слушай, но свое

Имѣй, и одѣвайся такъ богато,

Какъ позволяютъ средства, но безъ вычуръ—

По платью часто виденъ челоуѣкъ,—

Во Франціи жъ въ одеждѣ знаютъ толкъ.

Не занимай и не давай займы—

Нерѣдко одолженіе портитъ дружбу,

И займы расточительность внушаютъ.

А главное, будь вѣренъ самъ себѣ;

За этимъ слѣдуетъ, какъ день за ночью,

Что ты ни передъ кѣмъ не будешь лживъ.
Прости. Благословляю все, что я
Тебѣ сказалъ.

ЛАЭРТЪ.

Почтительно прощаюсь.

ПОЛОНІЙ.

Ступай—пора, и слуги ждутъ тебя.

ЛАЭРТЪ.

Прости, Офелія, не забывай,
Что я сказалъ тебѣ.

ОФЕЛІЯ.

Твои слова

Я заключила въ памяти моей,
Ключъ отъ нея возьми съ собой.

ЛАЭРТЪ.

Прости.

[Уходитъ].

ПОЛОНІЙ.

Офелія, о чемъ была бесѣда?

ОФЕЛІЯ.

О принцѣ Гамлетѣ онъ говорилъ.

ПОЛОНІЙ.

А! это очень кстати. Я узналъ,
Что будто Гамлетъ съ нѣкоторыхъ поръ
Наединѣ съ тобой бываетъ часто,
И ты его охотно принимаешь.
Когда согласно съ истиною это—
О чемъ я былъ уже предупрежденъ—

То для тебя неясно, вѣроятно,
Какъ подобаешь дочери моей
Себя вести, не унижая чести.
Скажи по правдѣ, что у васъ такое?

ОФЕЛІЯ.

Онъ увѣрялъ меня въ своей любви.

ПОЛОНІЙ.

«Въ любви»? Ты разсуждаешь, какъ дитя
Не сознавая, въ чемъ опасность здѣсь.
И ты повѣрила его словамъ?

ОФЕЛІЯ.

Не знаю, право, что и думать мнѣ.

ПОЛОНІЙ.

Вообрази, что ты совсѣмъ ребенокъ,
Когда его пустягъ увѣренія
За чистую монету принимаешь.
Цѣни жъ свое достоинство построже,
Иль слово дерзкое не удержи
И душой назову тебя.

ОФЕЛІЯ.

Отецъ мой,

Онъ такъ учтиво мнѣ въ любви признался.

ПОЛОНІЙ.

«Учтиво»? Что и говорить! Еще былъ

ОФЕЛІЯ.

Свое признаніе онъ увѣнчалъ
Священнѣйшими клятвами.

полоній.

Силки

На ротоу́йныхъ птицъ! Я знаю самъ:
 Когда въ насъ закипаетъ кровь, то сердце
 Внушаетъ клятвы языку безъ счету,
 Но въ этомъ больше блеску, чѣмъ огня—
 Такой огонь мгновенно потухаетъ.
 Смотри на это такъ, какъ есть на дѣлѣ,
 И въ будущемъ скупѣй будь на свиданья,
 Ревнивѣй относись къ своей бесѣдѣ
 И ею каждаго не награждай.
 О принцъ жъ Гамлетъ скажу одно:
 Повѣрь ему лишь въ томъ, что молодъ онъ,
 Что онъ свободѣе тебя безмѣрно.
 Но клятвамъ ты его не довѣрай—
 Онъ личина грязныхъ пожеланій
 И благочестны съ виду для того,
 Чтобъ этимъ было легче обмануть.
 Разъ навсегда тебѣ я говорю:
 Отнынѣ съ принцемъ Гамлетомъ ни слова
 Въ отвѣтъ на бесполезный разговоръ.
 Запомни это хорошо. Ступай.

ОФЕЛІЯ.

Я повинуюсь.

[Уходить].

СЦЕНА IV.

Платформа.

Входятъ Гамлетъ, Гораціо и Марцелло.

ГАМЛЕТЪ.

Холодный воздухъ такъ и леденить.

ГОРАЦИО.

Да, очень холодно, до боли щиплетъ.

ГАМЛЕТЪ.

Который часъ?

ГОРАЦИО.

Навѣрно, скоро полночь.

МАРЦЕЛЛО.

Уже пробило.

ГОРАЦИО.

Развѣ? Я не слышалъ.

Такъ близко время появленья духа.

[За сценой трубы, пушечные выстрѣлы].

Что это означаетъ, принцъ?

ГАМЛЕТЪ.

Король

Всю эту ночь проводить въ пированьи;
 Едва хвастунъ ничтожный, полупьяный
 Осушить кубокъ рейнскаго вина,
 Провозглашая чье нибудь здоровье,
 Ему въ отвѣтъ—громъ пушекъ и литавръ.

ГОРАЦИО.

Но, можетъ быть, такой уже обычай?

ГАМЛЕТЪ.

Да, да; но—я хоть и родился здѣсь
 И къ этому обычаю привыкъ—
 Все жъ лучше бы его не сохранять:
 За эти пиршества у всѣхъ народовъ
 О насъ идетъ нелестная молва—
 Они насъ пьяницами обзываютъ
 И прозвищами грязными клеймятъ.
 Все это омрачаетъ нашу доблесть,
 Какъ ни была бы велика она.
 И частному лицу такая жъ участь,
 Когда оно съ какимъ нибудь порокомъ:
 Съ склонностью ль упорно разрушать
 Всю вѣроятность доводовъ разсудка,
 Иль съ нетерпимую совѣсьмъ привычкой
 (Въ чемъ и винить нельзя,—то отъ природы),
 Но въ мнѣнii общества одно пятно
 Врожденныхъ или случайныхъ недостатковъ,
 При всевозможныхъ прочихъ совершенствахъ,
 Мараешь человѣка навсегда,
 И капля зла вредитъ всему благому.
 [Входитъ Духъ].

ГОРАЦІО.

Взгляните, принцъ, вотъ онъ!

ГАМЛЕТЪ.

О, силы неба!

Святые ангелы, спасите насъ!
 Кто бъ ни былъ ты—духъ мира или проклятыя,
 Небесный свѣтъ или дыханье ада,
 Спасенiя или гибели предвѣстникъ,—
 Но образъ твой меня зачаровалъ!

Къ тебѣ взываю: Гамлетъ, мой король,
 Отецъ! Датчанинъ царственный, отвѣтъ,
 Не оставляй въ мучительномъ незнаньи!
 Скажи, зачѣмъ твои честныя кости,
 Съ обрядами зарытыя въ могилу,
 Съ себя сорвали саванъ гробовой?
 Зачѣмъ извергнуть ты изъ нѣдръ земли
 Тяжелой пастью мраморной гробницы?
 И какъ понять, что твой застывшій трупъ,
 Окованный доспѣхами стальными,
 Является въ сіяніи луны
 И ужасомъ окрашиваетъ ночь,
 И насъ—беспомощныхъ шутовъ природы—
 Сражаетъ мыслями нездѣшной силы?
 Скажи, зачѣмъ? къ чему? Что дѣлать намъ?
 [Духъ манитъ Гамлета].

ГОРАЦІО.

Онъ знаками къ себѣ васъ призываетъ,
 Какъ бы желая сообщить вамъ что-то.

МАРЦЕЛЛО.

Съ какою ласкою онъ васъ манитъ!
 Но слѣдовать за нимъ нельзя.

ГОРАЦІО.

Нельзя!

ГАМЛЕТЪ.

Но онъ молчитъ, и я иду за нимъ.

ГОРАЦІО.

Нѣтъ, принцъ, не слѣдуйте.

ГАМЛЕТЪ.

Чего бояться?

Жизнь для меня ничтожнѣе булавки,
А надъ душой моей не властенъ призракъ—
Она безсмертна такъ же, какъ и онъ.
Опять манить! Я слѣдую за нимъ.

ГОРАЦІО.

А если, принцъ, онъ увлечетъ васъ къ морю
Иль на вершину дикую скалы,
Нависшую надъ бездною пучины?
И тамъ, принявъ невыносимый видъ,
До сумасшествія васъ доведетъ?
Подумайте—ужь самое то мѣсто
Гдѣ пропасти бушующія волны,
Отчаянье способно возбудить.

ГАМЛЕТЪ.

Онъ все манить! Иди,—я за тобой!

МАРЦЕЛЛО.

Вы не пойдете, принцъ!

ГАМЛЕТЪ.

Прочь руки, прочь!

ГОРАЦІО.

Послушайтесь—нельзя идти туда!

ГАМЛЕТЪ.

Судьба меня на это призываетъ
И силу льва Немейскаго дарить
Малѣйшимъ нервамъ въ этомъ существѣ!
[Духъ манить].

Онъ продолжаетъ звать меня Вырываясь! Пустите!
Клянусь, тотъ самъ въ видѣнне превратится,
Кто помѣшаетъ мнѣ идти за нимъ!
Я повторяю, прочь! Иди,—я—вслѣдъ...

[Удаляется за Духомъ].

ГОРАЦІО.

Видѣнне свело его съ ума!

МАРЦЕЛЛО.

Пойдемъ за нимъ: ослушность тутъ законна.

ГОРАЦІО.

Послѣдуемъ. Чѣмъ кончится все это!

МАРЦЕЛЛО.

Подгнило что-то въ Датскомъ королевствѣ.

ГОРАЦІО.

Въ томъ Промыслъ Божій.

МАРЦЕЛЛО.

Слѣдуемъ за нимъ.

[Уходятъ].

СЦЕНА V.

Другая часть платформы.

Входятъ Духъ и Гамлетъ.

ГАМЛЕТЪ.

Куда ведешь? Я дальше не пойду.

ДУХЪ.

Внимай.

ГАМЛЕТЪ.

ГАМЛЕТЪ.

Я слушаю.

ДУХЪ.

Часть недалекъ,

Когда я снова долженъ возвратиться
Къ невыразимымъ мукамъ въ сѣрный пламень.

ГАМЛЕТЪ.

Увы, несчастный духъ!

ДУХЪ.

Не сожалѣй—

Внимательно послушай, что скажу.

ГАМЛЕТЪ.

Моя обязанность тебѣ внимать.

ДУХЪ.

И отомстить за то, что ты услышишь.

ГАМЛЕТЪ.

Что?

ДУХЪ.

Предъ тобой духъ твоего отца.
Я осужденъ бродить ночной порою,
А днемъ страдать въ огнѣ неугасимомъ,
Пока не выгорятъ грѣхи мои,
Свершенные при жизни на землѣ.
Когда бы смѣлъ я рассказать тебѣ
О тайнахъ нынѣшней моей темницы,
Твоя душа отъ одного бы слова
Затрепетала ужасомъ мгновенно
И стала бѣ льдомъ кровь юная твоя,

И выпали бы изъ орбитъ своихъ
Твои глаза—сіяющія звѣзды—
И развились бы и поднялись дыбомъ
Твои волнистые, густые кудри,
Какъ иглы на сердитомъ дикобразѣ.
Но тайны вѣчности не для живущихъ.
О слушай, слушай, слушай! Если ты
Когда нибудь любилъ отца...

ГАМЛЕТЪ.

О Боже!

ДУХЪ.

Отмети за гнусное убійство.

ГАМЛЕТЪ.

Какъ,

Убійство?

ДУХЪ.

Гнусное, какъ всё убійства.
Но это злодѣянье несравненно!

ГАМЛЕТЪ.

Скажи мнѣ все. На крыльяхъ мысли, иль
Любовныхъ грезъ я устремлюсь ко мщенью!

ДУХЪ.

Твою готовность къ этому я вижу,
Иначе бѣ былъ ты хуже сорныхъ травъ,
Тучнѣющихъ у Леты береговъ (с).
Послушай, Гамлетъ: слухъ идетъ такой,
Что я во снѣ змѣей ужаленъ на-смерть;
Такою ложью Данію смутили.

Но знай, мой честный юноша, что змѣй,
Лишившій жизни твоего отца,
Теперь его короною владѣть.

ГАМЛЕТЪ.

Мое предчувствіе—онъ, дядя?

ДУХЪ.

Онъ—

Кровосмѣсительный, развратный звѣрь—
Колдующимъ умомъ и даромъ лести
(Проклятіе дарамъ, ведущимъ къ злу)
Склонилъ къ постыдной страсти королеву,
Такую непорочную по виду.
Что за паденье это было, Гамлеты!
Забыть мою нѣжнѣйшую любовь,
Хранившую всегда обѣтъ свой брачный,
И предпочесть ничтожное творенье!
Но какъ благое не склонить къ грѣху,
Хотя бъ явился онъ въ небесномъ видѣ,
Такъ сладострастіе—соединись
Оно и съ небожителемъ лучистымъ
И насладись въ объятіяхъ его,
Захочетъ снова погрузиться въ грязь.
Но чувствую предутреннюю свѣжесть
И сокращаю мой рассказъ. Въ саду
Полднечною порой я отдыхалъ,
И въ этотъ часъ подкрался дядя твой
Со склянкой сока бѣлены проклятой
И сонному мнѣ въ ухо влилъ ее.
И тотчасъ же она, подобно рутіи,
Проникла въ тѣло—и свернулась кровь,
Какъ молоко отъ дѣйствій кислоты.

И весь покрылся я тогда, какъ Лазарь,
Короемъ гниющихъ нестерпимыхъ струпеѣвъ.
Такъ, сонный, я рукой родного брата
Лишенъ короны, жизни, королевы,
Сраженъ въ разгарѣ всѣхъ моихъ грѣховъ
Безъ причащенія и покаянья.

ГАМЛЕТЪ.

О ужасъ, ужасъ, несказанный ужасъ!

ДУХЪ.

Когда же чувствъ еще ты не утратилъ,
Не допусти, чтобъ царственное ложе
Кровосмѣшеніемъ мерзкимъ загрязнялось.
Но, наказуя гнусное дѣянье,
Самъ не губи души своей грѣхомъ—
Не будь жестокимъ съ матерью твоей.
Пусть судятъ Небеса ее. И скорбь,
Таящаяся у нея въ груди,
Да будетъ наказаніемъ ей. Прости.
Свѣтящій червь вѣщаетъ близость утра—
Уже блѣднѣетъ слабый блескъ его.
Прости, прости! И помни обо мнѣ.

[Исчезаетъ].

ГАМЛЕТЪ.

Воиители небесные! Земля!
И что еще? Адъ не воздвигнуть ли?
Нѣтъ, нѣтъ! Не бейся же, не бейся, сердце!
И не дряхлѣйте такъ поспѣшно, мышцы,—
Храните силы. Помните о тебѣ?
Да, да, блуждающій, несчастный духъ,
Покуда потрясенный этотъ черепъ
Владѣетъ памятью,—онъ не забудетъ.

Забуть тебя? Да я съ души своей
 Сниму всю будничность моихъ замѣтокъ—
 Всю книжную ученость, всѣ мечтанья,
 Всѣ впечатлѣнья отъ прошедшихъ дней
 Всѣ наблюденья юности моею,
 И только твой родительскій завѣтъ,
 Безъ примѣси другихъ понятій низшихъ,
 Въ мозгу моемъ навѣки сохранию.
 Да будетъ мнѣ свидѣтель въ этомъ Небо!
 О мать преступная! О негодай
 Съ улыбкой на устахъ! Замѣтить надо (е),
 Что улыбаться можетъ и злодѣй,
 По крайней мѣрѣ, въ Даніи навѣрно.

[Записываетъ].

Вы, дядя, здѣсь. Теперь слова отца:
 «Прости, прости! И помни обо мнѣ».
 Я поклялся!

ГОРАЦІО И МАРЦЕЛЛО [за сценой].

Принцъ, принцъ!

МАРЦЕЛЛО [за сценой].

Принцъ Гамлетъ!

ГОРАЦІО [за сценой].

Богъ

Васъ сохрани!

ГАМЛЕТЪ.

Да будетъ такъ!

ГОРАЦІО [за сценой].

Го! принцъ!

ГАМЛЕТЪ.

Го! го! Сюда, сюда, мой ясный соколъ!

Входятъ Гораціо и Марцелло.

МАРЦЕЛЛО.

Что съ вами, принцъ?

ГОРАЦІО.

Что новаго у васъ?

ГАМЛЕТЪ.

О чудеса!

ГОРАЦІО.

Принцъ, расскажите намъ.

ГАМЛЕТЪ.

Вы разболтаете.

ГОРАЦІО.

Нѣтъ, принцъ.

МАРЦЕЛЛО.

Нѣтъ, принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

Вотъ видите—и можно ль было думать?
 Но сохраните тайну.

ГОРАЦІО И МАРЦЕЛЛО.

Принцъ, клянемся.

ГАМЛЕТЪ.

Судите жъ, каждый въ Даніи злодѣй....
 Есть въ то же время жалкій негодай.

ГОРАЦІО.

И только, принцъ? Чтобъ это возвѣстять,
 Не стоитъ изъ могилы выходить.

ГАМЛЕТЪ.

Вы правы, правы, и, безъ дальнихъ словъ,
Пожмемъ другъ другу руки и простимся.
Вы можете идти, куда зовутъ
Желанья ваши, иль занятя ваши—
У всякаго желанья и дѣла—
А я... я, знаете ль, пойду молиться.

ГОРАЦІО.

Все это, принцъ, безсвязныя слова.

ГАМЛЕТЪ.

Мнѣ очень жаль, когда они обидны,
Сердечно жаль.

ГОРАЦІО.

Здѣсь нѣтъ обиды, принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

Клянусь святымъ Патрикомъ, есть обида
И очень тяжкая. На счетъ видѣнья
Могу сказать вамъ: это честный духъ;
Но если вы желаете узнать,
Что между нами было—потершите.
Теперь же, школьные друзья мои
И рыцари,—вѣдь вы мои друзья—
Не откажите въ малой просьбѣ мнѣ.

ГОРАЦІО.

Въ чемъ дѣлъ, принцъ?

ГАМЛЕТЪ.

Ни слова никому
О томъ, что видѣли сегодня ночью.

ГОРАЦІО И МАРЦЕЛЛО.

Не скажемъ никому.

ГАМЛЕТЪ.

Клянитесь.

ГОРАЦІО.

Принцъ,

Клянусь!

МАРЦЕЛЛО.

Клянусь и я!

ГАМЛЕТЪ.

О, нѣтъ, мечомъ

Моимъ!

МАРЦЕЛЛО.

Мы имъ ужъ поклялись вамъ, принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

Еще разъ на мечъ моемъ.

ДУХЪ [подъ землей].

Клянитесь!

ГАМЛЕТЪ.

Ага! ты здѣсь? ты требуешь того же?
Другъ гъ подземели, слышите? Клянитесь.

ГОРАЦІО.

Скажите нашу клятву, принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

О томъ

Молчать, что видѣли—мечомъ клянитесь.

ДУХЪ [подъ землей].

Клянитесь!

ГАМЛЕТЪ.

Здѣсь и всюду онъ! Сюда (f),
Сложите руки на моемъ мечѣ,
Клянитесь никому не говорить,
Что видѣли и слышали.

ДУХЪ [подъ землей].

Клянитесь.

ГАМЛЕТЪ.

Такъ, старый кротъ! Ты роешь землю быстро,—
Отличный землекопъ! Сюда, друзья...

ГОРАЦЮ.

Непостижимы таинства природы! (g).

ГАМЛЕТЪ.

И не старайтесь ихъ постичь, Гораццо.
Есть въ небесахъ и на землѣ такое,
Что нашей мудрости и не приснится.
Но къ дѣлу.
Клянитесь мнѣ опять, что никогда,
Какъ я загадочно бъ ни поступалъ,
Хотя бы мнѣ пришлось прослыть безумнымъ,
Вы не скрестите этакъ рукъ своихъ,
Съ значеньемъ не кивнете головой,
Не бросите двусмысленную фразу,
Какъ, напримѣръ: «да, да, мы это знаемъ!»
Иль: «мы могли бы, если бы желали»;
Иль: «еслибъ мы молчать не общались»;
Иль: «еслибъ только смѣли говорить!»...

Итакъ, ничѣмъ не выдайте меня,
Въ чемъ Вседержитель милостью своей
Вамъ да поможетъ въ трудный часъ. Клянитесь.

ДУХЪ [подъ землей].

Клянитесь!

ГАМЛЕТЪ.

Утишь, утишь себя, смятенный духъ!
Съ пріязнью вамъ ввѣряюсь, господа,
И ежели такой бѣднякъ, какъ Гамлетъ,
Что либо можетъ совершить для васъ—
Во имя чувства дружбы и любви,
При Божьей помощи, онъ совершить.
Идемъ. И пальцы на губы, прошу васъ.
Исчезла связь вѣковъ. Проклятый рокъ,
Зачѣмъ мнѣ суждено возобновить
Ее?.. Идемъ, идемъ, друзья!

[Уходятъ].

АКТЪ П.

СЦЕНА I.

Комната въ домѣ Полонія.

Входятъ Полоній и Рейнальдо.

ПОЛОНІЙ.

Отдай ему, Рейнальдо, эти деньги
И письма.

РЕЙНАЛЬДО.

Слушаю васъ, господинъ.

полоній.

Рейнальдо, ты разумно бѣ поступилъ,
Когда бы, прежде чѣмъ къ нему явиться,
Развѣдалъ, какъ онъ тамъ ведетъ себя.

Рейнальдо.

Я, господинъ, такъ и хочу устроить.

полоній.

Вотъ хорошо! Вотъ это хорошо!
Сперва узнай, кто изъ датчанъ теперь
Въ Парижѣ, какъ и гдѣ живутъ, и съ кѣмъ
Знакомы, много ль проживаютъ денегъ.
Узнавши стороною, что сынъ мой имъ
Извѣстенъ, слѣдуй дальше, но опять
Не прямо; намекни, что ты его
Немного знаешь, напимѣрь: «отецъ
Его, друзья его и онъ отчасти
Знакомы мнѣ» Уразумѣль, Рейнальдо?

Рейнальдо.

Уразумѣль прекрасно, господинъ.

полоній.

Итакъ: «отчасти и его» — но только
Отчасти. «Если это тотъ, то онъ
Большой повѣса и способенъ дѣлать
И то и се»... Наговори, что хочешь,
Но только не пятнающее честь, —
Конечно, этого остерегись,
Распространяясь больше о грѣхахъ
Обычныхъ юности.

Рейнальдо.

Какъ напимѣрь —

Игра?

полоній.

Пожалуй, иль кутежъ, иль склонность
Буянить, драться на дуэли, блудъ, —
Объ этомъ можешь говорить свободно.

Рейнальдо.

Но вѣдь и это можетъ опозорить?

полоній.

Ничуть. Все дѣло въ томъ, какъ скажешь ты.
Не нужно представлять его совсѣмъ
Развратнымъ, — я не этого хочу:
Сумѣй заманчиво смягчить его
Проступокъ, объясняй все вспышкѣй крови,
Характеромъ, не терпящимъ стѣсненій,
Что свойственно такъ юности.

Рейнальдо.

Однакожъ,

Мой господинъ...

полоній.

Зачѣмъ все это нужно?

Рейнальдо,

Да, я бы знать желалъ.

полоній.

Ну, вотъ мой планъ —

И думаю вполне благоразумный:
Когда ты сына моего слегка

Съ такими недостатками представишь,
Тогда—замѣть—и тотъ, кого ты будешь
Выпытывать о немъ, весьма возможно,
Его узнаешь изъ твоихъ разспросовъ
И станетъ самъ поддакивать тебѣ,
Сказавъ: «да, сударь мой», иль—«другъ мой», иль—
«Любезный»; словомъ, какъ тамъ величаютъ,
Смотря по званью.

РЕЙНАЛЬДО.

Вѣрно, господинъ.

полоній.

А тамъ... Но что же я хотѣлъ сказать?
На чемъ остановился?

РЕЙНАЛЬДО.

Да на томъ,

Что станетъ онъ поддакивать, что скажетъ—
«Да, сударь мой», иль—«другъ мой»...

полоній.

Да онъ скажетъ...

Онъ скажетъ:—«Я его вѣдь тоже знаю;
Надняхъ, или вчера его я видѣлъ...
Дѣйствительно, какъ вы мнѣ говорили,
Онъ велъ игру и съ тѣмъ вотъ, и съ тѣмъ-то,
И въ ссору впутался, играя въ мячъ,
И предавался пьянству».—Можетъ быть,
Еще онъ скажетъ:—«Видѣлъ также я,
Какъ онъ входилъ въ такой-то домъ разврата»...
Ну, и такъ далѣе,—все въ этомъ родѣ.
Теперь себѣ вполнѣ ты уясняешь,
Что дожъ твоя подхватить рыбку правды

Вотъ такъ-то мы, находчивые люди
И полные глубокаго ума,
Путемъ окольнымъ достигаемъ цѣли.
Такъ, взявши всѣ мои совѣты въ толкъ,
О сынъ ты и разубнаешь все.
Меня ты понялъ ли, иль нѣтъ?

РЕЙНАЛЬДО.

Вполнѣ,

Мой господинъ.

полоній.

Ну, Богъ съ тобой. Прости.

РЕЙНАЛЬДО.

Мой добрый господинъ...

полоній.

Присматривай за нимъ и самъ.

РЕЙНАЛЬДО.

Готовъ,

Мой господинъ.

полоній.

И пусть онъ веселится.

РЕЙНАЛЬДО.

Прекрасно, господинъ.

полоній.

Прости [Рейнальдъ уходитъ].

[Входитъ Офедія].
Офедія? Что скажешь?

Что ты,

ОФЕЛІЯ.

Ахъ, отецъ мой,
Я такъ перепугалась!

ПОЛОНИЙ.

Что съ тобой?

ОФЕЛІЯ.

Я у себя сидѣла за шитьемъ,—
И вдругъ является ко мнѣ принцъ Гамлетъ—
Безъ шляпы и въ небрежномъ одѣяніи,
Съ лицомъ, блѣднѣе, чѣмъ его рубашка,
Съ невѣрною, дрожащею походкой;
А выраженіе въ глазахъ такое,
Какъ будто бы онъ вырвался изъ ада,
Чтобъ рассказать намъ ужасы его.

ПОЛОНИЙ.

Не помѣшался ль отъ любви къ тебѣ?

ОФЕЛІЯ.

Не вѣдаю, но думаю, что такъ.

ПОЛОНИЙ.

О чемъ же велъ онъ разговоръ съ тобой?

ОФЕЛІЯ.

Онъ крѣпко за руку меня схватилъ
И, отступя на всю длину своей
Руки, другою осѣнивъ мой лобъ,
Сталъ такъ разсматривать мое лицо,
Какъ бы желая срисовать его.
И долго онъ стоялъ передо мной,
Потомъ тихонько руку мнѣ потрясъ

И, покачавъ три раза головой,
Такъ глубоко и горестно вздохнулъ,
Что въ немъ какъ будто разрывалась грудь,
Какъ бы ужъ смерть овладѣвала имъ.
И наконецъ меня оставилъ онъ,
Черезъ плечо вперивъ въ меня свой взоръ,
Не обернувшись къ выходу ни разу,
Весь поглащенный мыслью обо мнѣ.

ПОЛОНИЙ.

Такъ, къ королю. Иди и ты со мной.
Безспорно, отъ любви сошелъ съ ума.
Своихъ порывовъ гибельною силою
Любовь сама себя уничтожаетъ,
Она къ такимъ же бѣдствіямъ приводитъ,
Какъ всякая другая страсть на свѣтѣ,
Присущая природѣ человѣка.
Жаль. Не была ль ты съ нимъ чрезчуръ сурова?

ОФЕЛІЯ.

Нѣтъ, мой отецъ, я только поступала
Согласно съ тѣмъ, что приказали вы—
Не принимала писемъ отъ него
И уклонялась отъ свиданій съ нимъ.

ПОЛОНИЙ.

Вотъ отчего и помѣшался онъ!
Прискорбно, что судить о немъ превратно.
Я думалъ, просто онъ съ тобой играетъ
И хочетъ только гибели твоей.
Проклятье подозрѣніямъ моимъ.
Знать, старость такъ чрезмѣрна въ опасеніяхъ,
Какъ молодость чрезмѣрна въ увлеченіяхъ.

Идемъ, идемъ скорѣе къ королю.
Я долженъ это разсказать ему.
Молчать опаснѣе о страсти принца,
Чѣмъ обнаруживать ее. Идемъ.

[Уходятъ].

СЦЕНА II.

Комната въ замкѣ.

Трубы. Входятъ **Король**, **Королева**, **Розенкранцъ**,
Гильденштернъ и свита.

КОРОЛЬ.

Привѣтъ вамъ, Розенкранцъ и Гильденштернъ.
Мы радостно встрѣчаемъ васъ опять
И ждемъ отъ васъ большой услуги намъ.
Вы слышали, какъ измѣнился Гамлетъ;
Я говорю объ этомъ потому,
Что онъ душой и тѣломъ сталъ другой.
Кончина ли отца или что иное
Разсудокъ поразило въ немъ—не знаю.
Вы съ нимъ росли, воспитывались съ нимъ
И близки по лѣтамъ ему и свойствамъ,
Поэтому я попросилъ бы васъ
Остаться съ нами при дворѣ на время
И возбудить въ немъ склонность къ развлеченьямъ,
А вмѣстѣ съ тѣмъ и какъ нибудь развѣдать,
Что сдѣлало его такимъ печальнымъ.
Узнавши это, мы могли бъ найти
И средство исцѣленья для него.

КОРОЛЕВА.

Онъ очень часто говорилъ о васъ,
И я увѣрена, что въ тѣломъ мирѣ

Нѣтъ больше двухъ такихъ людей, къ которымъ
Его пріязнь была бъ сильнѣй, чѣмъ къ вамъ.
Когда вы къ намъ питаете радушье—
Побудьте съ нами при дворѣ немного
И помогите намъ въ надеждахъ нашихъ.
Мы королевски васъ вознаградимъ.

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Во власти царственной величествъ вашихъ
Безъ просьбъ повелѣвать всецѣло нами.

ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ.

Мы повинемся желаньямъ вашимъ—
И безъ конца готовы вамъ служить.

КОРОЛЬ.

Благодарю васъ, Розенкранцъ, и васъ,
Любезный Гильденштернъ.

КОРОЛЕВА.

Благодаримъ васъ,
Любезный Розенкранцъ и Гильденштернъ.
Мы просимъ васъ сейчасъ же навѣстить
Такъ страшно измѣнившагося сына.
Пусть къ Гамлету проводить сихъ господъ.

ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ.

Дай Богъ, чтобъ нашъ пріѣздъ принесъ ему
Веселіе и пользу оказалъ.

КОРОЛЕВА.

Аминь.

[Розенкранцъ и Гильденштернъ и нѣкоторые изъ свиты
уходятъ. Входитъ Полоній].

полоній.

Мой государь, послы, что были
Въ Норвегii, вернулись съ доброй вѣстью.

король.

Ты вѣсти добрыя всегда приносишь.

полоній.

Да, въ самомъ дѣлѣ, государь? Повѣрьте,
Что какъ душа моя во власти Бога,
Такъ эта плоть принадлежитъ лишь вамъ,
А потому осмѣлюсь утверждать,
Что я иль потерялъ способность мыслить,
Иль угадалъ, на чемъ помѣшанъ Гамлетъ.

король.

О, говори! Я жажду это знать.

полоній.

Примите жъ, государь, пословъ сначала.
Мое открытiе—лакомство въ концѣ
Роскошной трапезы.

король.

Почти ихъ самъ
И лично ихъ введи. [Полоній уходитъ].

Онъ говорить,

Гертруда дорогая, что нашелъ
Причину, по какой твой сынъ сошелъ
Съ ума.

королева.

Я думаю, одна причина —
Нашъ бракъ стремительный и смерть отца.

король.

Мы постараемся все разузнать
[Полоній возвращается съ Вольтимандомъ и Корнелиемъ].
Добро пожаловать, друзья мои.
Скажите, Вольтимандъ, что шлетъ намъ братъ —
Король норвежскій?

вольтимандъ.

Истинный обмѣнъ

Привѣтствій и хорошихъ пожеланій.
Онъ послѣ перваго жъ свиданья съ нами
Велѣлъ тотчасъ же прекратить призывъ
Къ походу, что, какъ думалъ онъ, былъ вызванъ
Необходимостью сразиться съ Польшей;
Но, разсмотрѣвъ въ подробности все дѣло,
Король увидѣлъ въ этомъ вамъ опасность
И, сокрушаясь, что его болѣзнь
И старость обезсиливаютъ такъ,
Что онъ становится ловушкой зла,
Строжайше приказалъ призвать къ себѣ
Виновника похода—Фортинбраса.
Племянникъ короля тотчасъ явился,
Смирненно выслушалъ упрёки дяди,
Торжественно поклявшись передъ нимъ
Не подымать оружья противъ васъ.
Старикъ король обрадованъ былъ этимъ
И наградилъ племянника окладомъ
Въ три тысячи червонцевъ въ годъ и даль
Согласіе итти на Польшу съ войскомъ.
Затѣмъ, какъ сказано въ посланьи этомъ,
Онъ проситъ, чтобъ племяннику его

Позволили пройти чрезъ ваши земли,
При обезпеченіи всѣхъ условій,
Поименованныхъ уже въ письмѣ.

КОРОЛЬ.

Вполнѣ мы этимъ можемъ быть довольны
И, прочитавъ посланье на досугъ,
Обдумавши, дадимъ отвѣтъ. Теперь же
Благодаримъ васъ за успѣшный трудъ.
Располагайте отдыхомъ своимъ,
А ночью будемъ вмѣстѣ пировать.
Сердечнѣйше привѣтствуемъ пріѣздъ вашъ.
[Послы уходятъ].

ПОЛОНІЙ.

Окончено прекрасно это дѣло.
Такъ, повелитель мой и королева,
Пускаться въ разсужденія о томъ,
Что есть величество и что есть долгъ
И почему день—день, а ночь есть ночь,
И время—время, значить проводить
И день, и ночь, и время понапрасну.
И, слѣдственно, какъ краткость есть душа
Ума, а велерѣчье лишь покровъ
Его—я буду на слова не щедръ.
Вашъ благородный сынъ сошелъ съ ума,
Затѣмъ, что выраженіе «сойти
Съ ума» и значить... что сойти съ ума.
Но мы оставимъ это...

КОРОЛЕВА.

Да, поменьше
Цвѣтовъ риторики и больше дѣла.

ПОЛОНІЙ.

Тутъ нѣтъ ея, клянусь вамъ, королева.
Что онъ лишентъ разсудка, это правда
И правда то, что это удручаетъ,
А удручаетъ потому, что правда —
Преглупая фигура. Ну, довольно—
Я къ краснорѣчью больше не прибѣгну.
Установимъ, что онъ лишентъ разсудка.
Теперь намъ остается отыскать
Причину только этого афекта
Или, вѣрнѣе, этого дефекта,
Затѣмъ, что собственно дефектъ въ афектѣ
Не безъ причины тоже появился.
Итакъ, вотъ что мы видимъ въ результатѣ,
А этотъ результатъ таковъ. Прошу
У васъ вниманія къ моимъ словамъ:
Я дочь имѣю; эта дочь моя,
И вотъ она, по долгу послушанья —
Замѣтите—мнѣ передала сей листъ.
Теперь вы сами можете судить.

[Читаетъ].

«Небесному созданію, царицѣ
Души моей, Офеліи прелестной»...
«Прелестной» — пошлое опредѣленье.
Однако же послушайте и дальше:

[Читаетъ].

«На бѣлоснѣжной несравненной груди...
Пусть эти строки»... И такъ дальше.

КОРОЛЕВА.

И это Гамлетъ пишетъ къ ней?

полоній.

Прошу

Немного потерпите; все прочту.

[Читаетъ].

«Не вѣрь въ сіянье звѣздъ огнемъ,
Въ ходъ солнца на пути своемъ
И въ святость истины самой,
Но вѣруй, что любима мной.

«О милая Офелія, я плохо пишу стихи, мое чувство не укладывается въ размѣренные строки, но не сомнѣвайся въ моей нѣжной любви. Прости, твой навсегда, безцѣнная моя, пока дышу. Гамлетъ».

Послушное дитя не скрыло это
И сообщила мнѣ подробно все,—
Всѣ обстоятельства его признаній.

король.

И какъ же отнеслась она къ нему?

полоній.

А вы какимъ считаете меня?

король.

Достойнымъ, преданнымъ намъ человѣкомъ.

полоній.

И это мнѣ бѣ хотѣлось доказать.
Какъ вы бы поглядѣли на меня,
Когда бы я, узнавъ о страсти принца
(Что я безъ дочери давно замѣтилъ),
Остался бы безгласнымъ и слѣпымъ,
Какъ записная книжка неподвижнымъ?

Чѣмъ могъ бы я и вамъ и королевѣ
При этомъ оправдать свое молчанье?
Нѣтъ, я отнесся къ дѣлу очень строго
И дѣвочкѣ своей сказалъ открыто:
Принцъ Гамлетъ недоступенъ для тебя,—
Объ этомъ нечего и говорить.
Затѣмъ, внушительно ей предложилъ
Насколько можно избѣгать съ нимъ встрѣчь;
Не принимать подарковъ отъ него
И посланныхъ къ себѣ не допускать.
Она вполне послушалась меня,
А онъ — отринутый — рѣчь сокращаю —
Сталъ унывать, утратилъ аппетитъ,
Лишился сна и, падая все ниже,
Ужъ окончательно сошелъ съ ума
И тѣмъ насъ ввергнулъ въ страшную печаль.

король.

Ужель отъ этого? Какъ полагаешь?

королева.

Весьма возможно, да, весьма возможно.

полоній.

Желалъ бы знать, случилось ли хоть разъ,
Чтобъ положительное «да» мое
Въ осуществленьи оказалось «нѣтъ»?

король.

Такого случая я не припомню.

полоній [указывая на свою голову].

Снимите жъ голову мою, когда
И въ данномъ случаѣ я ошибаюсь:

Коль обстоятельства въ моихъ рукахъ,
Я доберусь до истины, хотя бѣ
Ее зарыли въ самый центръ земли.

КОРОЛЬ.

Но какъ удостовѣримся мы въ этомъ?

ПОЛОНІЙ.

Вы знаете, что въ этой галереѣ
Онъ иногда часа четыре бродить.

КОРОЛЕВА.

Дѣйствительно, онъ часто здѣсь гуляетъ.

ПОЛОНІЙ.

Вотъ въ этакій моментъ я дочь мою
Съ нимъ и сведу, а мы уйдемъ сюда
За занавѣсъ, послушаемъ ихъ рѣчи.
И ежели не любить онъ ее
И не любовь разстроила въ немъ умъ,
Тогда мнѣ не въ совѣтъ засѣдать,
А мызой иль извозомъ управлять.

КОРОЛЬ.

Ну что же, испытаемъ это средство.

КОРОЛЕВА.

Идетъ... читаетъ... Бѣдный, какъ печаленъ!

ПОЛОНІЙ.

Уйдите же, прошу, уйдите оба,
А я сейчасъ же съ нимъ заговорю.

[Король, королева, придворные уходятъ. Входитъ Гамлетъ,
читалъ].

Какъ здравствуетъ добрый нашъ Гамлетъ?

ГАМЛЕТЪ.

Прекрасно, слава Богу.

ПОЛОНІЙ.

Меня вы знаете, мой принцъ?

ГАМЛЕТЪ.

Отлично—вы рыбакъ.

ПОЛОНІЙ

Нѣтъ, принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

Желалось, чтобъ вы были также честны.

ПОЛОНІЙ.

Такъ же честенъ, принцъ?

ГАМЛЕТЪ.

Да, въ этомъ мірѣ честный человѣкъ едва ль найдется
и въ десяткахъ тысячъ.

ПОЛОНІЙ.

Чистѣйшая то правда, принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

И если солнце—богъ, лаская падаль, рождаетъ въ ней
червей... У васъ есть дочь?

ПОЛОНІЙ.

Есть, принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

Такъ запретите жъ ей гулять на солнцѣ. Зачатіе есть
благодать небесъ, но если упадетъ на вашу дочь оно—смот-
рите, другъ.

полоній.

Что этимъ вы сказать хотите? [въ сторону]. А все о дочери! Сначала не узналъ меня, сказалъ, что я рыбакъ. Онъ далеко зашелъ въ своемъ безумьи. Въ юности и я изъ-за любви страдалъ не мало и былъ почти такимъ же, какъ и онъ. Попробую еще поговорить. Что вы читаете, мой принцъ?

ГАМЛЕТЪ.

Слова, слова, слова.

полоній.

Но въ чемъ же именно тутъ дѣло, принцъ?

ГАМЛЕТЪ.

Чье дѣло, съ кѣмъ?

полоній.

Въ чемъ суть того, что вы читаете, мой принцъ?

ГАМЛЕТЪ.

Въ злословіи. Вотъ этотъ негодай-сатирикъ описываетъ, что у стариковъ сѣдые волосы, въ морщинахъ лица, слезащія взоры, слабый умъ и слабыя, дрожащія колѣни. Хотя я этому глубоко вѣрю, но обнародывать такіа вещи считаю совершенно неприличнымъ. И вы могли бъ состариться, какъ я, когда бы, словно ракъ, способны были ползти назадъ на жизненномъ пути (h).

полоній [въ сторону].

Хоть и безуміе, но въ немъ видна система. Принцъ, здѣсь сквозить—уйти бы вамъ.

ГАМЛЕТЪ.

Въ могилу?

полоній.

Да, тамъ дѣйствительно нѣтъ сквозняковъ. [Въ сторону]. Какъ онъ однако ловко отвѣчаетъ! Безумцы иногда такъ здраво говорятъ, что превосходятъ самый строгій умъ. Пойду обдумать, какъ устроить встрѣчу межъ нимъ и дочерью.—Достойный принцъ, позвольте ль оставить васъ?

ГАМЛЕТЪ.

Ни съ чѣмъ я не разстался бъ такъ охотно, какъ съ жизнью, съ жизнью, съ жизнью (i).

полоній.

Простите, принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

Несноснѣйшій глупецъ!

[Входятъ Розенкранцъ и Гильденштернъ].

полоній.

Вы принца Гамлета хотите видѣть?—Вотъ онъ.

РОЗЕНКРАНЦЪ (Полонію).

Спаси васъ Богъ.

(Полоній уходитъ).

ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ.

Любезный принцъ!

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Добрѣйшій принцъ!

ГАМЛЕТЪ.

Милѣйшіе друзья! Что, Гильденштернъ? Что, Розенкранцъ? Ну, какъ живется вамъ?

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Какъ незначительнымъ сынамъ земли.

ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ.

Счастливымъ тѣмъ, что въ чрезмѣрномъ счастьи—
не самая верхушка колпака Фортуны.

ГАМЛЕТЪ.

И не подошва башмаковъ ей?

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Нѣтъ, принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

Вы, значить, въ центрѣ милостей Фортуны?

ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ.

Дѣйствительно, мы пользуемся ими.

ГАМЛЕТЪ.

Такъ вы съ ней оба въ близкихъ отношеньяхъ? Неудивительно—она блудница. Что новаго?

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Да ничего, принцъ. Только развѣ то, что міръ становится честнѣе.

ГАМЛЕТЪ.

Такъ, вѣроятно, близокъ Страшный Судъ. Но ваша новость—взоръ. Скажите мнѣ, чѣмъ провинились вы передъ Фортуной, что васъ она отправила въ тюрьму?

ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ.

Въ тюрьму, принцъ?

ГАМЛЕТЪ.

Конечно. Данія—тюрьма.

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Тогда и цѣлый міръ тюрьма.

ГАМЛЕТЪ.

Великолѣпная,—гдѣ столько камеръ, застѣнковъ, всевозможныхъ тайниковъ. И Данія одна изъ худшихъ тюремъ.

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Мы думаемъ иначе, принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

Ну, такъ для васъ она и не тюрьма—все относительно въ понятяхъ нашихъ: мнѣ Данія тюрьма.

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Тому причиной ваше честолюбе — вашъ духъ въ ней чувствуетъ себя стѣсненнымъ.

ГАМЛЕТЪ.

О Боже, даже въ скорлупѣ орѣха я чувствовалъ себя бѣ владыкой міра, когда бы не мучительные сны.

ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ.

Вотъ эти сны и означаютъ честолюбе: основа честолюбія—тѣнь сна.

ГАМЛЕТЪ.

Да вѣдь и самый сонъ есть только тѣнь.

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Безспорно. Честолюбе такъ воздушно и такъ неуловимо, что его иначе и назвать нельзя, какъ только тѣнью тѣни.

ГАМЛЕТЪ.

Итакъ, всѣ наши нищія—тѣла, а короли, гигантскіе герои,—лишь тѣни ихъ? Идемте ко двору—я, право, умничать не въ состоянн.

РОЗЕНКРАНЦЪ И ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ.

Готовы вамъ служить.

ГАМЛЕТЪ.

Не говорите такъ. Я не хочу васъ смѣшивать съ толпой моихъ льстецовъ; скажу вамъ прямо — мнѣ они несносны. Но, дружески, зачѣмъ вы въ Эльсинорѣ?

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Единственно, чтобъ видѣть васъ, принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

Я нищъ и благодарностью, но все же благодарю васъ, милые друзья, хотя, конечно, благодарность эта не цѣнится и въ грошъ. Скажите жъ мнѣ, васъ вызвали, иль вы здѣсь добровольно?

ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ.

Но что же вамъ сказать, принцъ?

ГАМЛЕТЪ.

Что вамъ угодно, лишь отвѣтъ на мой вопросъ. Вы присланы? Я въ вашихъ взглядахъ прочелъ признаніе, и ваша скромность его не въ силахъ утаить. Я знаю, добрыйшій нашъ король и королева за вами посылали?

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Съ какой же цѣлью, принцъ?

ГАМЛЕТЪ.

Вотъ это вы и объясните мнѣ. Я умоляю васъ правами дружбы, созвучьемъ полнымъ нашихъ юныхъ лѣтъ, и всѣмъ, чѣмъ только можетъ заклинать ораторъ болѣе меня искусный. Скажите прямо, присланы ко мнѣ иль нѣтъ?

РОЗЕНКРАНЦЪ [тихо Гильденштерну].

Какъ поступить?

ГАМЛЕТЪ [въ сторону].

О, я отлично понимаю васъ?—Когда вы любите меня—не лгите.

ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ.

Да, принцъ, за нами посылали.

ГАМЛЕТЪ.

И я скажу—зачѣмъ. Мое предчувствіе
Избавитъ васъ отъ труднаго признанья,
И вѣрность королю и королевѣ
Ни на волосъ не можетъ пострадать.
Съ недавнихъ поръ,—не знаю почему,—
Я не могу ужъ больше веселиться,
Я позабылъ о всѣхъ моихъ занятяхъ
И чувствую въ душѣ такую грусть,
Что это превосходное созданье—
Земля—мнѣ кажется безплоднымъ мысомъ,
А небо—этотъ величавый сводъ,
Блестящій золотомъ горящихъ звѣздъ—
Смѣшенъ ядомъ ядовитыхъ испареній.
Что совершеннѣй въ мірѣ человека?
Что благороднѣе его ума?
Что безграничнѣе его талантовъ?
И что изящнѣй образа его?
Дѣяньями онъ ангеламъ подобенъ
А разумѣньемъ самому Творцу,—
Вѣнецъ творенія! вселенной царь!
Но что же для меня онъ—этотъ прахъ,
Лишь безконечно утонченный... Нѣтъ,

ГАМЛЕТЪ.

Я не люблю людей и даже женщинъ.
Хотя улыбка ваша говоритъ,
Что вы тому не вѣрите.

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Напротивъ, принцъ...

ГАМЛЕТЪ.

Зачѣмъ же усмѣхнулись вы, когда я произнесъ что не люблю людей!

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Я думалъ, принцъ, что если вамъ несносны люди, то какъ же отнесетесь вы къ актерамъ, которые направились сюда?—Мы ихъ опередили на дорогѣ.

ГАМЛЕТЪ.

Напротивъ, кто играетъ королей,—того приму со всеѣмъ радушьемъ и почетомъ; и храбрый рыцарь также здѣсь найдеть работу своему мечу, и шутъ заставитъ хохотать особенно смѣшливыхъ, любовникъ вздоховъ даромъ не растратить, а героиня обнаружить душу, хотя бы бѣлому стиху пришлось хромать отъ этого. Что это за актеры?

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Тѣ самые, которыхъ вы любили—городскіе трагики.

ГАМЛЕТЪ.

Но что же заставляетъ ихъ скитаться?—И репутація и сборы лучше на постоянномъ мѣстѣ.

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Мнѣ кажется, послѣднія нововведенія.

ГАМЛЕТЪ.

И что же, слава ихъ не ослабѣла—театръ ихъ такъ же постоянно полонъ?

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Нѣтъ, далеко не полонъ.

ГАМЛЕТЪ.

А почему?—Испортились они?

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Нѣтъ, ихъ старательность не измѣнилась, но появилось цѣлое гнѣздо дѣтей, не оперившихся птенцовъ, которыхъ нискъ находить одобренье. Они теперь въ такомъ большомъ почетѣ и такъ относятся къ «простымъ театрамъ»—какъ называютъ всѣ другія сцены—что многіе и изъ носящихъ мечъ, боясь гусиныхъ перьевъ ихъ друзей, всеѣмъ уже не смотреть прочихъ труппъ.

ГАМЛЕТЪ.

Какъ, дѣти и играютъ на театрѣ? Но кто же имъ даетъ на содержанье? И бросятъ ли они свое искусство, когда лишатся дѣтскихъ голосовъ, иль, возмужавъ, пойдутъ въ обычные актеры? При скудости ихъ средствъ, возможно это. Вспомнать ли они тогда добромъ тѣхъ авторовъ, которые теперь ихъ будущность такъ унижаютъ?

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Не разъ за то происходили схватки, а публика еще и поощряла: бывало пьеса не давала сбору, когда изъ-за нея не враждовали до потасовки авторъ и актеры.

ГАМЛЕТЪ.

Возможно ли?

ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ.

Да, и проломленныхъ головъ не мало.

ГАМЛЕТЪ.

И дѣти одержали верхъ?

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Да, принцъ, и Геркулесъ и грузъ его теперь въ рукахъ у нихъ (j).

ГАМЛЕТЪ.

Неудивительно: вотъ дядя мой теперь властитель Дании, и тѣ, кто раньше на него смотрѣлъ съ гримасой, сейчасъ десятками и сотнею дукатовъ оплачиваютъ маленькій портретъ его. Да, дьяволъ поberi все это—тутъ что-то сверхъестественное скрыто, что философія должна бѣ развѣдать.

[Трубы за сценой].

ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ.

Вотъ и актеры!

ГАМЛЕТЪ.

Я очень радъ васъ видѣть въ Эльсинорѣ. Давайте руки: вѣжливость, любезность—обычный долгъ радушія и моды, и я хочу принять васъ, какъ друзей, чтобъ не могли вы послѣ мнѣ сказать, что я съ актерами (приму ихъ должно) гостепріимнѣй вѣлъ себя, чѣмъ съ вами. Я отъ души вамъ приношу привѣтъ. Но дядя-мой отецъ и тетка-мать ошиблись слишкомъ сильно.

ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ.

Въ чемъ, милый принцъ?

ГАМЛЕТЪ.

Я сумасшествую при сѣверо-восточномъ вѣтрѣ, при южномъ же сумѣю отличить...—ну—сокола отъ цапли (к).

ПОЛОНІЙ [входя].

Здравствуйте, господа.

ГАМЛЕТЪ.

Вниманье: это взрослое дитя еще не вышло изъ пеленъ своихъ.

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Онъ, можетъ, снова въ нихъ попадѣть—Вѣдь старость—говорять—второе дѣтство.

ГАМЛЕТЪ.

Заранѣ скажу, что онъ пришелъ намъ возвѣститъ пріѣздъ актеровъ. Да, и это было въ понедѣльникъ утромъ.

ПОЛОНІЙ.

Принцъ, я скажу вамъ новость.

ГАМЛЕТЪ.

И я скажу вамъ новость... Въ то время въ Римѣ былъ актеромъ Росцій.

ПОЛОНІЙ.

Пріѣхали актеры, принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

Не можетъ быть!

ПОЛОНІЙ.

Даю вамъ слово.

ГАМЛЕТЪ.

«И каждый актеръ былъ верхомъ на ослѣ» (е).

ПОЛОНІЙ.

Во всемъ свѣтѣ нѣтъ лучше этихъ актеровъ, какъ для трагедій, комедій, исторій пасторальныхъ, пасторально-комическихъ, историко-пасторальныхъ, трагико-историческихъ, трагико-комико-историко-пасторальныхъ и отдѣль-

нихъ сценъ безъ опредѣленнаго наименованія. Для нихъ не слишкомъ мраченъ и Сенека, для нихъ и Плавтъ не черезчуръ забавенъ. Ихъ исполненіе вѣдъ подражанія, какъ въ пьесахъ правильныхъ, такъ и безъ всякихъ правилъ.

ГАМЛЕТЪ.

О Іефеай—Израиля судья,
Что за сокровище имѣешь ты!

ПОЛОНІЙ.

Какое же сокровище, принцъ?

ГАМЛЕТЪ.

«Прекрасную, единственную дочь,
Любимую любовью безпредѣльной»

ПОЛОНІЙ [въ сторону].

А все про дочь!

ГАМЛЕТЪ.

Не такъ ли, старый Іефеай?

ПОЛОНІЙ.

Коль разумѣете меня подъ Іефеаемъ, принцъ, то у меня действительно есть дочь, которую я глубоко люблю.

ГАМЛЕТЪ.

Совсѣмъ невѣрно ваше заключеніе.

ПОЛОНІЙ.

А что же вѣрно, принцъ?

ГАМЛЕТЪ.

А вотъ что

«Случилось то, что Богомъ рѣшено»... А остальное

можно отыскать въ полудуховной пѣснѣ въ первой части... Я прерываю—и причина—вотъ.

[Входятъ нѣсколько актеровъ].

Прошу васъ, господа, я очень радъ вамъ. О, старый другъ, какъ обросло твое лицо съ тѣхъ поръ, какъ видѣлъ я тебя послѣдній разъ! Ну, что жъ, ты прибылъ въ Данію затѣмъ, чтобъ подразнить меня своей бородкой? А! молодая героиня, я готовъ поклясться Пресвятою Дѣвой, что вы теперь ужъ подскочили къ небу на весь венеціанскій каблучокъ! Дай Богъ, чтобъ не надтреснулъ голосъ вашъ, какъ старая, негодная монета. Однако, какъ французскіе соколыничы, скорѣй набросимся на все, что встрѣтимъ. Ну, проведите мнѣ свое искусство—какойнибудь горячій монологъ!

ПЕРВЫЙ АКТЕРЪ.

Какой же, принцъ?

ГАМЛЕТЪ.

Мнѣ вспоминается одинъ отрывокъ. На сценѣ онъ ни разу не читался, а ежели и былъ произнесенъ, то ужъ невѣрное не больше разу—такъ пьеса не понравилась толпѣ. Но я и многіе, чье мнѣніе выше, нашли ее вполне хорошей вещью, написанной и скромно и съ искусствомъ. Я помню, утверждали, что въ стихахъ нѣтъ соли для приправы содержанья, а въ мысляхъ слишкомъ мало украшеній, но въ этомъ видѣли изящный вкусъ. Я тамъ особенно любилъ одинъ отрывокъ: то—монологъ Энея предъ Дидоной, и болѣе всего то мѣсто, гдѣ онъ излагаетъ злую смерть Пріама. И ежели оно еще въ умѣ—начни его вотъ съ этого стиха:

«Жестокосердый Пирръ, какъ звѣрь Гирканскій»...

Не такъ, но именно начало съ Пирра.

«Жестокосердый Пирръ, въ доспѣхахъ черныхъ,
Какъ памятная ночь рѣзни, огня,

Когда, подъ властью замысловъ тлетворныхъ,
Пирръ скрылся въ нѣдрахъ страшнаго коня,—
Теперь еще свирѣпѣе явился:

Въ крови отцовъ, сыновъ и женъ, и дѣвъ
Отъ головы до пятъ онъ обатрился,
Убийствами свой насыщая гнѣвъ!
И въ улицахъ, пожарами пылавшихъ,
Собою путь къ злодѣйствамъ освѣщавшихъ,
Пирръ, въ брызгахъ ссохшейся крови на немъ,
Палимый огненными языками,
Сверкая молниеносными очами,
Пріама ищетъ поразить мечомъ»...

Прошу.

полоній.

Ей-Богу, принцъ, прочитано чудесно, сердечно, благо-
родно!

первый актеръ.

«И вотъ уже его онъ настигаетъ.
Напрасно бьется съ греками Пріамъ:
Мечъ прагѣдовъ изъ длани выскользаетъ
И падаетъ во прахъ, и остается тамъ.
Пирръ къ старцу ринулся бойцомъ неравнымъ:
И только что взмахнулъ надъ нимъ мечомъ,
Пріамъ ужъ палъ подъ взмахомъ безпощаднымъ,
Сраженный свистомъ стали, какъ бичомъ.
И, словно чувствуя его паденье,
Градъ Илионъ пылающей вершиной
Внезапно рушился въ одно мгновеніе
Всесокрушающей громовою лавиной.
Явленіе это Пирра поразило,
Рука, таившая Пріамову кончину,

Мгновенно въ воздухъ какъ бы застыла,
И онъ собой напомнилъ ту картину,
Гдѣ былъ изображенъ злодѣй въ ужасный мигъ
Борьбы межъ волею и преступленьемъ.
И Пирръ, въ раздумьи, головой поникъ.
Но какъ предъ бурей часто нѣтъ волненья,
Недвижны тучи, вѣтеръ не шумитъ
И гробовая всюду тишина;
А часъ настанетъ,—громъ заговоритъ,
Природа пробуждается отъ сна—
И страшно все вдругъ въ мірѣ затрепещетъ,—
Такъ и свирѣпый Пирръ, очнувшись отъ раздумья,
Мечомъ своимъ неумолимымъ блещетъ,
Предавшись снова ярости безумья.
И никогда циклоповъ даже млатъ,
Ковавшихъ Марсу грозное вооруженье,
Не наносилъ такихъ ударовъ рядъ,
Исполненныхъ лютейшаго ожесточенья!
Позоръ, позоръ негодницѣ Фортуны!
О боги олимпійскіе, внимайте:
Вы злую власть ея оставьте втуне,
И ободъ, спицы колеса ея сломайте,
И съ высоты Олимпа вы ее столкните
И въ бездну преисподней заключите!»

полоній.

Но это очень длинно.

Гамлетъ.

Да, въ родѣ вашей бороды. Не худо бъ ихъ вмѣстѣ къ
брадобрѣю отослать. Прошу васъ дальше продолжать, мой
другъ. Онъ снитъ, когда не слышитъ пошлыхъ шутокъ. Ну,
продолжайте—о Гекубѣ.

ПЕРВЫЙ АКТЕРЪ.

«О если бы кто могъ увидѣть тутъ
Полураздѣтую царицу!»

ГАМЛЕТЪ.

Полураздѣтую царицу?

ПОЛОНІЙ.

«Полураздѣтую царицу!»—Хорошо, прекрасно!

ПЕРВЫЙ АКТЕРЪ.

«Босую, съ ветхимъ покрываломъ на главѣ,
Еще за часть короною блиставшей,
И, вмѣсто одѣянья, въ простынѣ,
Ея сухія чресла прикрывавшей.
Безпомощно она металась средь огней,
Стремясь ручьями слезъ пожаръ залить
И ядомъ преисполненныхъ рѣчей
Фортуны вѣроломство обличить.
И сами боги при ея стенаньи,
Какъ Пирръ рубилъ въ куски ея супруга,
Коль имъ не чужды смертнаго страданья,
Ея бѣдой растрогали бѣ другъ друга,
И очи ихъ слезами бѣ оросились,
И небеса бы воплемъ огласились!»

ПОЛОНІЙ.

Взгляните, какъ онъ поблѣднѣлъ! Его глаза увлажнены слезами... Довольно, я прошу—довольно!

ГАМЛЕТЪ.

Прекрасно, другъ, а остальное послѣ. Я васъ прошу принять ихъ хорошо; актеры—хроника и отраженіе вѣка. Плохая эпитафія по смерти для васъ не такъ страшна, какъ ихъ злословье при жизни вашей.

ПОЛОНІЙ.

Я отнесусь къ нимъ по заслугамъ, принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

О, нѣтъ, напротивъ, несравненно лучше. Когда бѣ цѣнили только по заслугамъ, то кто жѣ тогда бы могъ избѣгнуть розогъ? Примите ихъ согласно съ вашимъ саномъ; чѣмъ меньше въ нихъ достоинствъ на вниманье, тѣмъ выше будетъ ваша доброта.

ПОЛОНІЙ.

Пойдемте, господа.

ГАМЛЕТЪ.

Ступайте же за нимъ, друзья мои, а завтра мы увидимъ представленіе. Да, старый другъ, вы можете ль сыграть намъ «Смерть Гонзаго»?

ПЕРВЫЙ АКТЕРЪ.

Можемъ, принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

Вотъ хорошо. А въ случаѣ нужды моихъ стиховъ двѣнадцать иль шестнадцать вамъ въ эту пьесу можно ль вставить?

ПЕРВЫЙ АКТЕРЪ.

Можно, принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

И превосходно! Слѣдуйте за нимъ, за этимъ господиномъ. Но, смотрите, насмѣшками его не осыпайте.

Друзья, до вечера разстанусь съ вами;
Я очень радъ васъ видѣть въ Эльсинорѣ.

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Мой добрый принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

Богъ съ вами.

[Розенкранцъ и Гильденштернъ уходятъ].

Наконецъ-то я одинъ!

О, я презрѣнный, жалкій человѣкъ!
 Не удивительно ли, что актеръ,
 При вымыслѣ, воображеніи страсти,
 Способенъ такъ играть своей душой,
 Что и блѣднѣетъ, и теряетъ голосъ,
 И ужасается, и слезы льетъ,
 Весь отдаваясь своей мечтѣ.
 И все изъ-за чего? Изъ-за Гекубы?
 А что такое для него Гекуба?
 Что онъ Гекубѣ? И о чемъ тутъ плакать?
 Когда бъ у насъ одинъ былъ поводъ къ скорби,
 То чтѣ тогда онъ могъ бы совершить!
 Онъ затопилъ бы весь театръ слезами,
 Громовой рѣчью растерзалъ бы слухъ.
 Виновнаго бы сдѣлалъ сумасшедшимъ,
 Невиннаго ошеломилъ бы страхомъ,
 Заставилъ бы задуматься невѣжду,
 Оцѣпенѣнъ бы сковалъ толпу!
 А я—медлитель, черствый негодяй—
 Мечтаньями безплодными терзаюсь,
 За короля и слова не промолвлю,
 Чей тронъ и жизнь похищены такъ низко!
 Я трусь? Но кто же скажетъ, что я подлъ?
 Или дерзнетъ мнѣ черепъ раскроить?
 Или вцѣпиться въ волосы мои
 И бросить прядь ихъ въ мое лицо;
 Или грубо надругаться надо мной
 И сжать гортань мою названьемъ «лжецъ!»

Да, кто дерзнулъ бы посягнуть на это?
 А я смиренно бъ снесъ все оскорбленья—
 Я сердцемъ голубь, у меня нѣтъ жолчи,
 Чтобъ горячо почувствовать обиду,—
 Не то давно бъ насытилъ хищныхъ птицъ
 Негоднымъ трупомъ этого мерзавца!
 О гнусный, кровожадный сластолюбецъ,
 Безжалостный, безсовѣстный предатель!
 О, мщеніе! Какой ослиный пылъ!
 Сынъ милаго, погибшаго отца,
 Влекомый къ мести небомъ и землей,
 Я, какъ распутница, словами тѣшусь,
 Ругаюсь, какъ торговка, судомойка.
 Какъ отвратительно! Проснись, разсудокъ!
 Я слышалъ, что преступники въ театрѣ
 Бывали такъ потрясены искусствомъ,
 Что тутъ же признавались въ злодѣяньяхъ.
 Безъ словъ убійство можетъ говорить
 Чудеснымъ, но понятнымъ языкомъ:
 Я передъ дядею велю представить
 Похожее на гибель моего
 Отца. Я стану наблюдать за нимъ,
 Проникну въ глубину его души,
 И если вздрогнетъ онъ—мой долгъ мнѣ ясенъ.
 Прекрасный видъ принять умѣетъ демонъ,
 Онъ, можетъ, зная слабость и тоску
 Мою (чѣмъ власть его еще сильнѣй),
 Влечетъ меня на вѣчное мученье...
 Нѣтъ, мнѣ улики нужны повѣрнѣй.
 Итакъ, за представленіемъ слѣдя,
 Я уловлю въ немъ совѣсть короля.

[Уходитъ].

АКТЪ III.

СЦЕНА I.

Комната въ замкѣ.

Входятъ Король, Королева, Полоній, Офелія, Розенкранцъ
и Гильденштернъ.

КОРОЛЬ.

И вамъ не удалось никакъ узнать,
Зачѣмъ онъ притворяется безумнымъ
И нарушаетъ миръ своей души
Опаснымъ, своенравнымъ поведеніемъ?

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Онъ сознаетъ, что умъ его разстроенъ,
Но что тому виной—не говоритъ.

ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ.

Понять его для насъ недостижимо —
И онъ съ особой хитростью безумья
Отъ всѣхъ вопросовъ нашихъ уклонялся,
Не допуская насъ къ душѣ своей.

КОРОЛЕВА.

А какъ онъ принялъ васъ?

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Вполнѣ прилично.

ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ.

Но словно бы насилуя себя.

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Разспрашивалъ, но скупо отвѣчалъ.

КОРОЛЕВА.

Вы предлагали ли ему развлечься?

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Мы по дорогѣ встрѣтили актеровъ
И сообщили это принцу. Онъ
Какъ будто бы обрадовался имъ.
Теперь актеры прибыли сюда.
И, кажется, онъ хочетъ, чтобъ они
Сегодня вечеромъ предъ нимъ сыграли.

ПОЛОНІЙ.

Да, это правда. Принцъ черезъ меня
Просилъ на это поглядѣть и ваши
Величества.

КОРОЛЬ.

Ну—что жъ, я очень радъ,
Что онъ теперь въ такомъ расположеніи.
Старайтесь, господа, въ немъ поощрять
Веселости.

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Охотно, государь.

[Розенкранцъ и Гильденштернъ уходятъ].

КОРОЛЬ.

Уйди и ты, любезная Гертруда.
Мы межъ собой устроили тайкомъ,
Что Гамлетъ вдругъ появится и будто
Случайно здѣсь Офелію увидитъ.
Ея отецъ и я—законный сыскъ —

Займемъ такой удобный уголокъ,
Гдѣ мы, не бывъ замѣчены, увидимъ,
О чемъ они заговорять при встрѣчѣ,
И заключимъ, любовь или что другое
Гнететъ его.

КОРОЛЕВА.

Я повинуюсь вамъ. —

Любезная Офелія, какъ я
Хочу, чтобъ ваша красота была
Разгадкой, почему разстроены Гамлетъ.
Тогда прекраснѣйшія свойства ваши
Его опять бы сдѣлали здоровымъ
Къ взаимной вашей чести.

ОФЕЛІЯ.

Еслибъ такъ!

[Королева уходитъ].

ПОЛОНІЙ.

Офелія, ты здѣсь должна гулять.
А мы, властитель мой, когда угодно,
Тутъ спрячемся [Къ Офеліи]. А ты же сдѣлай видъ,
Что будто углубилась въ чтенье книги (m),
Чѣмъ объяснишь свое уединенье.
Мы часто всѣ въ притворствѣ пребываемъ;
Извѣстно, что благочестивымъ видомъ,
Или лицемѣрно-честнымъ обращеньемъ
И дьявола усахарить возможно.

КОРОЛЬ.

О, къ сожалѣнью, это справедливо.

[Въ сторону].

И какъ меня слова тѣ уличаютъ!

Развратницы накрашенной лицо
Не такъ противно, какъ мое злодѣйство.
О бремя тяжкое!

ПОЛОНІЙ.

Онъ ужъ идетъ!

Намъ надобно укрыться, государь.

[Король и Полоній уходятъ; входитъ Гамлетъ].

ГАМЛЕТЪ.

Быть, или не быть? Вотъ въ чемъ вопросъ. Что глубже:
Сносить безропотно удары стрѣлъ
Безжалостной судьбы, или стать лицомъ
Предъ моремъ бѣдствій и окончить ихъ
Борьбою? Умереть — уснуть, не больше,
И знать, что съ этимъ сномъ исчезнуть всѣ
Волненья сердца, тысячи страданій —
Наслѣдье праха. О, такой конецъ
Желанный! Умереть — уснуть. Уснуть?
А сновидѣнья? Вотъ она — преграда:
Какія грезы скрыты въ смертномъ снѣ,
Когда освободимся мы отъ плоти?
Вотъ почему такъ долговѣчно горе.
Иначе, кто бъ переносилъ насмѣшки
И кровожадность вѣка, гнетъ тирановъ,
Высокомѣрье гордецовъ, тоску
Отвергнутой любви, судей безстыдство,
Законовъ медленность, презрѣнье тли
Къ заслугѣ скромной, ежели одинъ
Ударъ кинжала успокоить можетъ?
Кто бъ, обливаясь потомъ и стеною,
Бродилъ подъ бременемъ земныхъ невзгодъ,
Когда бъ не страхъ чего-то послѣ смерти

ГАМЛЕТЪ.

Передъ таинственной страной, откуда
 Не возвращался ни единый путникъ?
 Вотъ отчего слабѣетъ наша воля
 И заставляетъ насъ скорѣй терпѣть
 Зло жизни, чѣмъ бѣжать къ безвѣстнымъ бѣдамъ.
 Такъ всѣхъ насъ трусостью объемлетъ совѣсть,
 Такъ вянетъ въ насъ рѣшимости румянецъ,
 Смѣняясь блѣднымъ цвѣтомъ размысленья,
 И замысловъ великихъ начертанья
 Чрезъ то не облакаются въ дѣянья.
 Прелестная Офелія! О нимфа,
 Меня въ своихъ молитвахъ не забудь.

ОФЕЛІЯ.

Какъ провели вы это время, принцъ?

ГАМЛЕТЪ.

Благодарю васъ, — хорошо.

ОФЕЛІЯ.

Есть у меня отъ васъ подарки, принцъ,
 Я ихъ давно хочу вамъ возвратить.
 Возьмите ихъ.

ГАМЛЕТЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, я никогда
 И ничего вамъ не дарилъ.

ОФЕЛІЯ.

Дарили, принцъ, и это вамъ извѣстно.
 И каждый изъ своихъ подарковъ вы
 Вручали мнѣ съ такимъ привѣтомъ нѣжнымъ,
 Что я цѣнила ихъ еще дороже.
 Но ароматъ сердечности исчезъ,
 А потому, прошу, возьмите ихъ

Назадъ. Для душъ открытыхъ даръ безцѣнный
 Съ утратою дарителя — даръ бранный.
 Возьмите же ихъ, принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

Вы цѣломудренны?

ОФЕЛІЯ.

Принцъ!

ГАМЛЕТЪ.

Красивы?

ОФЕЛІЯ.

Что этимъ вы сказать хотите, принцъ?

ГАМЛЕТЪ.

Когда вы цѣломудренны, красивы, то ваше цѣломудріе
 должно чуждаться красоты.

ОФЕЛІЯ.

Но что жъ достойнѣе для красоты, чѣмъ цѣломудріе?

ГАМЛЕТЪ.

Конечно; но, къ прискорбью, красота скорѣе развра-
 щаетъ цѣломудріе, чѣмъ цѣломудріе возвышаетъ красоту.
 Когда-то это было парадоксомъ, теперь же стало аксіомой.
 Я любилъ васъ прежде.

ОФЕЛІЯ.

Да, принцъ, и я имѣла основанье повѣрить этому.

ГАМЛЕТЪ.

Не нужно было вѣрить. Добродѣтель не прививается на-
 столько къ намъ, чтобъ уничтожить въ насъ и самый слѣдъ
 несовершенства нашей старой плоти. Я не любилъ васъ.

ОФЕЛІЯ.

Тѣмъ больше я была обманута.

ГАМЛЕТЪ.

Ступайте въ монастырь. Зачѣмъ плодить собою грѣшниковъ? Я не безчестенъ, а все жъ заслуживаю столько порицаній, что лучше бѣ было мнѣ и не родиться. Я гордъ, злопамятенъ, честолюбивъ, во мнѣ живутъ такіе недостатки, что ихъ нельзя опредѣлить уму, нельзя нарисовать воображенію,—не хватаетъ времени, чтобъ ихъ осуществить. И для чего бѣ такимъ, какъ я—негоднымъ—ютиться между небомъ и землей? Мы всѣ мерзавцы, никому не вѣры. Идите въ монастырь... Гдѣ вашъ отецъ?

ОФЕЛІЯ.

Онъ дома, принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

Такъ пусть оттуда онъ и не выходитъ, и строить дурака не при другихъ, а только у себя. Прости.

ОФЕЛІЯ [въ сторону].

О Небо, помоги ему!

ГАМЛЕТЪ.

А если выйдешь замужъ, дамъ тебѣ въ приданое такое заклинанье: будь цѣломудренна, какъ ледъ, чиста, какъ снѣгъ, но клеветы не избѣжишь. Укройся въ монастырь. Прости. Когда жъ ты непременно хочешь выйти замужъ—го выбери себѣ въ мужа глупца, а умнымъ очень хорошо извѣстно, что за чудовищъ вы изъ нихъ творите. Итакъ, скорѣе въ монастырь. Прости.

ОФЕЛІЯ [въ сторону].

О сонмъ небесныхъ силъ, спаси его!

ГАМЛЕТЪ.

Слыхалъ я также о красотахъ вашихъ. Вамъ Всемогущій далъ одно лицо, вы жъ превращаете его въ другое; вы скачете, кривляетесь, нарочно картавите, созданьямъ Божества даєте злыя имена въ насмѣшку и называете свое распутство наивностью. Чудесно! Но довольно: вотъ это и свело меня съ ума. Я говорю, у насъ еще не будетъ браковъ... И только тѣ, которые женились, пускай живутъ, но кромѣ одного. А прочіе останутся какъ были... Скорѣе въ монастырь!

[Уходитъ].

ОФЕЛІЯ.

Какое совершенство въ немъ погибло!
Блестящій царедворецъ, храбрый воинъ,
Ученый, цвѣтъ, опора королевства,
Предметъ изящества и подражанья—
Все рушилось! И мнѣ—глубоко-скорбной —
Несчастнѣйшей, вкусившей медъ его
Обѣтовъ гармоничныхъ, привелось
Теперь свидѣтельницей быть тому,
Что этотъ благородный умъ разстроено,
Какъ колокольчиковъ разбитый звонъ, —
И чудный образъ юности цвѣтущей
Отнынѣ омраченъ безумьемъ. Горе!
Что прежде видѣла и что сейчасъ
Я вижу!

[Король и Полоній возвращаются].

КОРОЛЬ.

Нѣтъ, онъ не любовью боленъ;
Въ его рѣчахъ хотя и мало связи,
Но въ нихъ безумія я не замѣтилъ.

Его душа въ себѣ скрываетъ что-то,
И это можетъ кончиться несчастьемъ.
Предупредить бѣду я такъ рѣшилъ:
Отправить въ Англію его немедленно,
Чтобъ получить недоданную дань.
Моря и страны новыя въ пути
Разнообразіемъ своимъ, быть можетъ,
Излечать то, что онъ отъ насъ таитъ
И отчего онъ сталъ неузнаваемъ.
Что вы на это можете сказать?

ПОЛОНІЙ.

Я эту мысль полезной нахожу,
Но всетаки мое предположеніе,
Что основаніе его печали—
Нераздѣленная любовь. Ну что,
Офелія? А, впрочемъ, то, что принцъ
Сказалъ, не повторяй, мы знаемъ. Ваше
Величество, какъ вамъ угодно будетъ,
Такъ вы и поступите съ принцемъ, но
Я все же посовѣтовалъ бы вамъ,
Чтобы сейчасъ же послѣ представленія
Съ нимъ королева-мать поговорила
Наединѣ, прося его открытъ
Причину своего унынія, также
Чтобъ въ обращеніи она была
Суровѣе, а я—когда согласны—
Ихъ разговоръ подслушаю. И если
Ей не удастся выпытать его—
Рѣшите съ нимъ, какъ скажетъ вашъ разсудокъ,—
Отправьте въ Англію или въ заключеніе.

КОРОЛЬ.

И я вполне такъ поступлю. Безумье
Людей, отмѣченныхъ высокимъ саномъ,
Оставить безъ надзора невозможно.

СЦЕНА II.

Заль въ замкѣ.

Входятъ Гамлетъ и нѣсколько актеровъ.

ГАМЛЕТЪ.

Прошу—произносите монологъ согласно съ тѣмъ, что я
вамъ объяснялъ—безъ напряженія, легко, свободно. А если
станете выкрикивать стихи, въ чемъ многіе изъ васъ не
безъ грѣха, тогда я предпочелъ бы, чтобы ихъ проговорилъ
какой-нибудь разносчикъ. Не надо также слишкомъ разво-
дить руками, и даже въ высшемъ напряженіи страсти ста-
райтесь быть умѣренны. Меня всегда до глубины души вол-
нуетъ, когда, въ косматомъ парикѣ, невѣжа терзаетъ въ
ключья сильныя мѣста, и только оглушаетъ уши черни, спо-
собной восхищаться крикомъ и кривляньемъ. Онъ стѣбитъ
плети за свое юродство, бѣснуясь хуже Термаганта (о).
Прошу васъ, избѣгайте это.

ПЕРВЫЙ АКТЕРЪ.

Ваше высочество, я поручусь за себя.

ГАМЛЕТЪ.

Не будьте также чересчуръ и вялы, пусть васъ наста-
вить собственный разсудокъ. Движенія согласуйте со сло-
вами, слова съ движеніями. И что всего важнѣй—храните

простоту. Все, что преувеличено, роняетъ смыслъ театра, вся цѣль котораго была и есть и будетъ — показывать, какъ въ зеркалѣ, природу, изображать порокъ и добродѣтель въ ихъ собственныхъ чертахъ, согласно съ даннымъ вѣкомъ. Когда жъ все это будетъ очень рѣзко или слабо, — хоть и разсмѣшить невѣждъ, но оскорбить понятія знатковъ; а мнѣніе и одного изъ нихъ для васъ должно важнѣе быть, чѣмъ всѣ восторги остальныхъ. Да, есть актеры — я видѣлъ ихъ и ихъ весьма хвалили, которые — безъ всякаго пристрастия — не походили ни на христіанъ, ни на язычниковъ. Такъ страшно были, что думалось, — они сотворены какимъ нибудь поденщикомъ природы, — столь человѣчество тускнѣло въ ихъ игрѣ.

ПЕРВЫЙ АКТЕРЪ.

Надѣюсь, что мы достаточно отдѣлались отъ этихъ недостатковъ, принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

Совсѣмъ отдѣляйтесь. Да пусть шуты не говорятъ, чего у нихъ нѣтъ въ роли. Изъ нихъ — и многіе, чтобы смѣшить толпу, ломаются въ такой моментъ, когда необходимо полное вниманье. Такія выходы недопустимы и обличаютъ жалкое тщеславье. Идите, приготовьтесь.

[Актеры уходятъ].

[Входятъ Полоній, Розенкранцъ и Гильденштернъ].

Ну что, король придетъ на представленье?

ПОЛОНІЙ.

Да, вмѣстѣ съ королевой и сейчасъ же.

ГАМЛЕТЪ.

Ну, такъ велите же спѣшить актерамъ?

[Полоній уходитъ].

Не поторопите ли ихъ и вы?

РОЗЕНКРАНЦЪ И ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ.

Охотно, принцъ.

[Розенкранцъ и Гильденштернъ уходятъ].

ГАМЛЕТЪ.

Гораціо, гдѣ же ты?

ГОРАЦИО.

Я здѣсь, добрейшій принцъ, къ услугамъ вашимъ.

ГАМЛЕТЪ.

Ты, мой Гораціо, лучший изъ людей
Среди встрѣчавшихся со мною въ жизни.

ГОРАЦИО.

О милый принцъ!..

ГАМЛЕТЪ.

Не думай, что я лъщу.

Мнѣ выгодъ отъ тебя не ждать. Весь твой
Достатокъ — здравый умъ. Ты имъ живешь,
А потому зачѣмъ лстать бѣдняку?
Языкъ медоточивый изощряютъ
Для глупой роскоши. Пусть гнутся тамъ
Послушныя колѣни, гдѣ даютъ
За пресмыкательство награду. Слушай:
Съ тѣхъ поръ какъ юная душа моя
Приобрѣла способность выбирать
Людей, ея избранникъ — ты одинъ.
Ты переносишь такъ свои страданья,
Какъ будто бѣ ты и не страдалъ вѣки.
Ты одинаково благословляешь

И счастье и несчастье. И тотъ
 Блаженъ, въ комъ мысль и кровь слились настолько,
 Что онъ не служить дудкою Фортуны,
 Звучащею по прихоти ея.
 Произнеси мнѣ имя человѣка,
 Способнаго не быть рабомъ страстей,
 Я сохраню его въ душѣ души
 Моей, какъ сохранялъ тебя. Но вотъ что:
 Сейчасъ предъ королемъ сыграютъ пьесу.
 Одна изъ сценъ напоминаетъ смерть
 Отца. Прошу, замѣтивъ это мѣсто,
 Всѣмъ существомъ смотри на короля,
 И если онъ при этомъ не смутится,
 То духъ, который намъ являлся—демонъ,
 И подозрѣнія мои черны,
 Какъ кузница Вулкана. Все вниманье:
 Я прикую мой взоръ къ его лицу
 И что увидимъ, вмѣстѣ и обсудимъ.

ГОРАЦІО.

Согласенъ, принцъ. И если что нибудь
 Онъ утаитъ во время представленья
 И увидишь—я заплачу за кражу.

ГАМЛЕТЪ.

Идутъ. Надѣтъ необходимо маску.
 Займи же мѣсто.

Датскій маршъ. Трубы. Входятъ **Король, Королева, Полоній, Офелія, Розенкранцъ, Гильденштернъ**, придворные и стража съ факелами.

КОРОЛЬ.

Какъ поживаетъ нашъ племянникъ Гамлетъ?

ГАМЛЕТЪ.

Великолѣпно, какъ хамелеонъ—
 Глотаю воздухъ щедрыхъ обѣщаній...
 Вамъ такъ и каплуновъ не откормить.

КОРОЛЬ.

Такой отвѣтъ не для меня, Гамлетъ, и эти выраженья
 не мои.

ГАМЛЕТЪ.

Теперь они и не мои уже. [Къ Полонію]. Вы говорили,
 что играли сами на сценѣ въ университетѣ?

ПОЛОНІЙ.

Да, принцъ, и слылъ большимъ актеромъ.

ГАМЛЕТЪ.

Кого же вы играли?

ПОЛОНІЙ.

Юлія Цезаря. Меня убивалъ Брутъ въ Капитоліи.

ГАМЛЕТЪ.

Вполнѣ онъ оправдалъ свое названье, зарѣзавъ капи-
 тальнаго тельца. Ну, что актеры наши?

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Готовы, принцъ; ждутъ только вашихъ приказаній.

КОРОЛЕВА.

Садись со мною, милый Гамлетъ.

ГАМЛЕТЪ.

Нѣтъ, матушка, здѣсь есть магнитъ сильнѣе.

ПОЛОНІЙ [королю].

Ого! Вы слышите!

ГАМЛЕТЪ.

Позволите ль прилечь къ вамъ на колѣни?

[Ложится у ногъ Офеліи].

ОФЕЛІЯ.

Нѣтъ, принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

Но только головой?

ОФЕЛІЯ.

Можно, принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

Вы думали, что я скажу вамъ грубость?

ОФЕЛІЯ.

Я ничего не думала, принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

Ну что жъ, и мысль заманчива—лежать въ ногахъ у дѣвушки.

ОФЕЛІЯ.

Что вы сказали, принцъ?

ГАМЛЕТЪ.

Ничего.

ОФЕЛІЯ.

Вы веселы, принцъ?

ГАМЛЕТЪ.

Кто, я.

ОФЕЛІЯ.

Вы, принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

О Боже, вашъ угодливый забавникъ! Что жъ людямъ дѣлать, какъ не веселиться? Какъ весела, смотрите, мать моя, а только два часа, какъ умеръ мой отецъ!

ОФЕЛІЯ.

Нѣтъ, принцъ, уже четыре мѣсяца.

ГАМЛЕТЪ.

Такъ много! Пусть же дьяволъ носить трауръ, а я себя украшу соболями. О небеса, два мѣсяца со дня его кончины и однако не забыть! Ну есть надежда, что великій человѣкъ переживетъ себя хоть полугодомъ... Но я готовъ поклясться Пресвятою Дѣвой, для этого необходимо стронуть церкви, иначе онъ подвергнется забвенью, какъ деревянная лошадка съ такою надписью: «Увы, увy! Позабыть деревянный конекъ!» (р).

Звуки трубъ. Начинается пантомима. Входятъ влюбленные король и королева, обнимаются; она на колѣняхъ выражаетъ ему свою любовь, онъ поднимаетъ ее и склоняетъ голову на ея плечо, затѣмъ ложится на дерновое ложе. Увидавъ, что онъ заснулъ, королева уходитъ; тогда появляется незнакомецъ, снимаетъ съ короля корону, цѣлуетъ ее, вливаетъ ядъ въ ухо короля и удаляется. Королева снова приходитъ и, найдя короля мертвымъ, сильными жестами выражаетъ свое горе, потомъ опять приходитъ отравитель съ двумя или тремя безмолвными лицами и притворно присоединяются къ ея горю. Умершаго уносятъ. Отравитель объясняется королевѣ въ любви, предлагаетъ ей подарки. Королева сначала колеблется, отталкиваетъ его, но въ концѣ соглашается на его любовь, затѣмъ оба уходятъ.

ОФЕЛІЯ.

Что это означаетъ, принцъ?

ГАМЛЕТЪ.

Да что-то злое.

ОФЕЛІЯ.

Быть можетъ, въ пантомимѣ содержаніе пьесы?
[Входитъ Прологъ].

ГАМЛЕТЪ.

А вотъ онъ объяснить намъ все. Актеры чужія тайны
сохранять не могутъ.

ОФЕЛІЯ.

И онъ объяснить намъ эту пантомиму?

ГАМЛЕТЪ.

Да, какъ и всякую и даже вашу. Не постыдитесь лишь
ему представить, а онъ не постыдится объяснить, что это
значить.

ОФЕЛІЯ.

Какъ злы вы, принцъ, я лучше буду слушать пьесу.

ПРОЛОГЪ.

«Для насъ и представленія
Мы просимъ снисхожденія,
Вниманья и терпѣнья».

[Уходитъ].

ГАМЛЕТЪ.

Что этимъ выражается—прологъ?

ОФЕЛІЯ.

Какъ коротко!

ГАМЛЕТЪ.

Какъ женская любовь.

[Входятъ два актера — король и королева].

АКТЕРЪ-КОРОЛЬ.

«Ужъ тридцать разъ вокругъ суши и морей (q).
На колесницѣ Фебъ свершилъ путь свой
И тридцать разъ, блестя красой чужихъ лучей,
Двѣнадцать лунъ пронзали мракъ ночной
Съ тѣхъ поръ, какъ чарами любви цѣпей
Намъ сплелъ сердца и руки Гименей».

АКТЕРЪ-КОРОЛЕВА.

«Пусть столько жъ разъ и солнца и луна
Еще надъ нашей жизнью пролетятъ,
Не будетъ наша страсть отъ этого бѣдна.
Но мысли мрачныя меня томятъ:
Ты захворалъ и потерялъ веселье...
А можетъ, другъ, не велика бѣда:
У женщины тревожное волненье
Съ любовью неразлучно никогда.
Въ любви мы холодны иль пламенны безмѣрно,
Моя жъ любовь доказана тебѣ—
Она съ тревогою моею равномѣрна:
Онѣ всегда между собой въ борьбѣ.
Чѣмъ страсть сильнѣй, тѣмъ болѣе мученья,
Мученье жъ придаетъ ей больше увлеченья».

АКТЕРЪ-КОРОЛЬ.

«Нѣтъ, жизнь моя, разстанусь я съ тобой,
Я угасаю, кровь слабѣй течетъ,
Ты жъ будешь жить, и можетъ быть другой
Супругъ»...

АКТЕРЪ-КОРОЛЕВА.

«Остановись! Ничто не завлечетъ
Къ измѣнѣ отвратительной меня...»

Пусть буду жить, всю жизнь свою кляня,
Когда осмѣлюсь полюбить другого—
Убийца мужа лишь выходить за второго!»

ГАМЛЕТЪ [въ сторону].

Полян! полян!

АКТЕРЪ-КОРОЛЕВА.

«Вступитъ въ супружество вторичный разъ
Насъ принуждаетъ лишь корысти глазъ.
Супругъ умершій снова бѣ мной терзался,
Когда бѣ другой со мной соединялся».

АКТЕРЪ-КОРОЛЬ.

«Я вѣрю въ искренность твоихъ рѣчей.
Но прочны ли намѣренья людей?
Они собою память намъ изображаютъ:
Въ началѣ сильныя, потомъ ослабѣваютъ.
На деревѣ такъ плодъ зеленый зрѣетъ
И падаетъ легко, когда поспѣетъ...
И обѣщанія, въ разгарѣ увлеченья,
Имѣютъ ли когда осуществленья!
Въ пылу любви чего не обѣщаешь,
Но охладѣлъ—и все позабываешь.
Гдѣ легче горе, тамъ любовь бѣднѣй.
Непостоянень міръ. Зачѣмъ же изумляться,
Что съ счастьемъ и любви возможно измѣняться?
До сей поры еще никто не знаетъ,
Что самовластныя—любовь или счастье:
Случится сильному попасть въ несчастье—
И сонмъ друзей его, гляди, ужъ отпадаетъ.
Возвысился бѣднякъ—враги ему друзья;
Такъ горе съ радостью всегда одна семья.

Несчастье въ друзьяхъ враговъ приобретаетъ,
А счастье жъ вездѣ друзей себѣ встрѣчаетъ.
Но снова говорю—удѣлъ такой
Сыздана предназначенъ намъ судьбой.
Рѣшаемъ такъ, выходить же иное,
Мечты мои, а исполненіе ихъ чужое.
Рѣшила вѣрной быть моя подруга,
Но... я умру—и ты опять супруга».

АКТЕРЪ-КОРОЛЕВА.

«Пускай земля не дастъ мнѣ пропитанья,
А небо—благъ и ночь—отдохновенья,
Пусть день лишитъ меня привѣтнаго сіянья,
Пускай отчаянныя гаситъ мое веселье,
Пусть жизнь моя въ тюрьму мнѣ обратится
И радость чистая печалью отравится,
Проклятье вѣчное пусть будетъ надо мной,
Коль, овдовѣвъ, рѣшусь другого быть женой!»

ГАМЛЕТЪ.

Что ежели она нарушитъ клятвы?

АКТЕРЪ-КОРОЛЬ.

«О, клятвы страшныя! Но силы оставляютъ,
Я утомленъ, душа забыться сномъ желаетъ...
Мой другъ, теперь пока оставь меня».

[Засыпаетъ].

АКТЕРЪ-КОРОЛЕВА.

«Пусть сонъ желанный укрѣпитъ тебя,
И пусть ничто нашъ миръ не омрачаетъ».

[Уходитъ].

ГАМЛЕТЪ.

Какъ нравится вамъ пьеса, королева?

ГАМЛЕТЪ.

КОРОЛЕВА.

Я нахожу у нея слишкомъ много общаній.

ГАМЛЕТЪ.

Она, навѣрное, ихъ сдержитъ.

КОРОЛЬ.

Тебѣ извѣстно содержанье пьесы? И нѣтъ ли въ ней какого неприличья?

ГАМЛЕТЪ.

Нѣтъ; здѣсь для шутокъ только отравляютъ—обиднаго нѣтъ ровно ничего.

КОРОЛЬ.

А какъ названье?

ГАМЛЕТЪ.

«Ловушка на мышей», но въ переносномъ смыслѣ. Изображается одно убійство, случившееся въ Вѣнѣ. Короля зовутъ Гонзаго, а жену его Баптистой. Сейчасъ увидите—прегнутое дѣянье! Но вашего величества и насъ всѣхъ съ чистой совѣстью то не задѣнетъ.

«Пусть бьетъ себя чесоточная кляча—

У насъ отъ этого не будетъ плача»...

[Входитъ Луціанъ].

Вотъ Луціанъ—племянникъ короля.

ОФЕЛІЯ.

Вы прекрасно исполняете роль хора, принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

Я могъ бы также объяснить и то, что бы могло случиться между вами и вашимъ другомъ при горячей встрѣчѣ.

ОФЕЛІЯ.

Вы колки, принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

Одинъ вашъ вздохъ—и колкости моей не стало.

ОФЕЛІЯ.

Ни хуже, и не лучше.

ГАМЛЕТЪ.

Вотъ такъ вы ошибаетесь въ мужьяхъ. Ну, начинай, убійца, брось свое ломанье, начинай—

«Уже о мщеніи воронъ вопіетъ».

ЛУЦІАНЪ.

«Душа черна, рука сильна, ужасенъ ядъ;
Удобный часъ—ничей не видитъ взглядъ.
Ты, влага смертоносная травы проклятой,
Ты, трижды зараженная Гекатой,
Своей волшебной силой мнѣ вонми
И жизнь его въ мгновеніе возьми!»

[Вливаетъ ядъ въ ухо спящаго].

ГАМЛЕТЪ.

Онъ отравляетъ короля въ саду затѣмъ, чтобъ завладѣть его престоломъ; его зовутъ Гонзаго. Это былъ, написана отличнымъ итальянскимъ языкомъ. Сейчасъ увидите, какъ отравитель пріобрѣтетъ любовь жены Гонзаго!

ОФЕЛІЯ.

Король поднялся съ мѣста!

ГАМЛЕТЪ.

Какъ? испугался ложнаго огня!

КОРОЛЕВА.

Что съ тобою, мой король?

полоній.

Прекратите представлѣніе!

король.

Огня сюда! скорѣй уйдемте!

всѣ.

Огня, огня, огня!

[Всѣ, кромѣ Гамлета и Гораціо, уходятъ].

ГАМЛЕТЪ.

Пусть лань пронзенная кричить,
А невреждаемая рѣзвится,
Одинъ заснулъ, другой не спитъ—
И такъ на свѣтѣ все вертится!

Когда бъ судьба меня чрезчуръ зажала, то эта сцена
да султанъ на шляпѣ, да пары двѣ прованскихъ розъ на
башмакахъ (г), меня могли бъ принять въ актеры, другъ
мой!

ГОРАЦІО.

На половинную долю (S).

ГАМЛЕТЪ.

На полную!

Самъ Зевсъ царилъ надъ нами, другъ Дамонъ,
Но этотъ вѣкъ прошелъ,
Теперь вскарабкался на царскій тронъ
Совсѣмъ... совсѣмъ... павлины!

ГОРАЦІО.

Вы могли бы закончить въ рѣмъ!

ГАМЛЕТЪ.

О, дорогой Гораціо, теперь мнѣ слово каждое изъ рѣчи
духа дороже тысячи червонцевъ. Ты замѣтилъ?

ГОРАЦІО.

И очень, принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

Когда дошло до отравленья?

ГОРАЦІО.

Я все время смотрѣлъ на него.

ГАМЛЕТЪ.

Ха-ха! Эй, музыку, эй, флейтчиковъ сюда!

Когда король не любитъ представленья (г),
[Входятъ Розенкранцъ и Гильденштернъ].
Такъ значитъ онъ не любитъ представленья.
Эй, музыку сюда!

ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ.

Добрѣйшій принцъ, позвольте вамъ сказать два слова.

ГАМЛЕТЪ.

Хоть цѣлую исторію.

ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ.

Принцъ, король...

ГАМЛЕТЪ.

Что съ нимъ?

ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ.

Удалился къ себѣ и очень возбужденъ.

ГАМЛЕТЪ.

Виномъ?

ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ.

Нѣтъ, принцъ, гнѣвомъ.

ГАМЛЕТЪ.

Вы оказались бы мудрѣй, когда бы увѣдомили доктора объ этомъ; мое жъ леченіе ему не въ пользу.

ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ.

Добрѣйшій принцъ, прошу васъ говорить опредѣленно, безъ уклоненія отъ сути разговора.

ГАМЛЕТЪ.

Смиряюсь, говорите.

ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ.

Въ ужасномъ огорченіи королева-ваша мать меня послала къ вамъ.

ГАМЛЕТЪ.

Прошу васъ...

ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ.

Любезный принцъ, я знаю цѣну этого привѣтствія. Когда угодно вамъ отвѣтить мнѣ: благоразумно, я выполню препорученіе королевы, въ противномъ случаѣ, простите, я уйду и тѣмъ закончу это дѣло.

ГАМЛЕТЪ.

Я не могу.

ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ.

Чего, принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

Отвѣтить вамъ благоразумно: мой мозгъ разстроенъ, но такой отвѣтъ, какой доступенъ мнѣ — къ услугамъ вашимъ, или, вѣрнѣй, къ услугамъ королевы... Итакъ, вы говорите, мать моя...

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Находить ваше поведеніе крайне удивительнымъ.

ГАМЛЕТЪ.

О дивный сынъ, столь удивившій мать свою! Однако же за этимъ удивленьемъ не слѣдуетъ еще чего нибудь?

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Она желаетъ съ вами говорить предъ тѣмъ, какъ вы пойдете почивать.

ГАМЛЕТЪ.

Мы повинемся, хоть десять разъ она будь нашей матерью. Затѣмъ что дальше?

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Вы нѣкогда меня любили, принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

Да и теперь еще люблю. Клянусь руками!

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Любезный принцъ, что жъ за причина вашего разстройства? Вы сами угнетаете себя, тая отъ друга то, что васъ тревожитъ.

ГАМЛЕТЪ.

Мнѣ не даютъ продвинуться, любезный.

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Но какъ же это можетъ быть, когда и самъ король назначилъ васъ наслѣдникомъ престола?

ГАМЛЕТЪ.

Да, но... «покуда травка подрастетъ»... Пословица немного обветшала

[Возвращаются актеры съ флейтами].

А вотъ и флейтчики. Прошу одну. Зачѣмъ вы все вокругъ меня вертитесь, какъ бы желаете загнать въ тенета?

ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ.

О, принцъ, когда я слишкомъ смѣлъ въ своемъ стараньи, то это происходитъ только отъ любви къ вамъ.

ГАМЛЕТЪ.

Я что-то не совсѣмъ васъ понимаю. Сыграйте что нибудь на этой флейтѣ.

ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ.

Не могу, принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

Прошу васъ.

ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ.

Право, не могу, принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

Я умоляю васъ.

ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ.

Да я не въ состояннн взять ни одной ноты, принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

Но это, вѣрьте, не труднѣй, чѣмъ лгать: перебирайте пальцами отверстия и приложите ротъ сюда—и флейта заговоритъ отличной музыкой. Взгляните.

ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ.

И все же я не сумѣю извлечь изъ нея гармонн.

ГАМЛЕТЪ.

Какое-жъ я ничтожество для васъ! Вамъ хочется меня игрушкой сдѣлать, вы будто бы хотите доказать, что знаете, какъ подойти ко мнѣ, чтобъ овладѣть вполнѣ моею тайной... Хотите вырвать изъ моей души всѣ струны отъ начала до

конца, и между тѣмъ и изъ такой вещицы, гдѣ столько удивительныхъ мелоднй, вы не умѣете извлечь и звука! Да неужели жъ вы вообразили, что мною легче овладѣть, чѣмъ флейтой? Предоставляю называть меня какимъ угодно инструментомъ, вы даже можете разбить меня, но вы не можете играть на мнѣ.

[Возвращается Полоннй].

Мое почтенн, достойнѣншнй.

ПОЛОННЙ.

Принцъ, королева желаетъ говорить съ вами и немедленно.

ГАМЛЕТЪ.

Вы видите ль тамъ облако? На видъ чуть не верблюдъ!

ПОЛОННЙ.

Клянусь обѣдней, очень походить на верблюда.

ГАМЛЕТЪ.

Иль на хорька?

ПОЛОННЙ.

Спина вотъ точно, какъ у хорька!

ГАМЛЕТЪ.

Иль у кита?

ПОЛОННЙ.

Совсѣмъ какъ у кита!

ГАМЛЕТЪ.

Итакъ, я къ матери сейчасъ приду. [Въ сторону]. Они дѣйствительно сведутъ меня съ ума. Сейчасъ приду.

ПОЛОННЙ.

Такъ я и передамъ. [Уходитъ].

ГАМЛЕТЪ.

Сказать «сейчасъ» — легко. Друзья, простите.
[Всѣ, кромѣ Гамлета, уходятъ].

Насталъ таинственный полночный часъ,
Когда могилы извергаютъ мертвыхъ
И самый адъ на міръ заразой пышетъ!
Теперь я выпилъ бы горячей крови,
Свершилъ бы то, предъ чѣмъ бы дрогнулъ день...
Скрѣпись — мать ждетъ. О, сердце, не забудь
Святую связь родства. Душа Нерона
Не завладѣетъ этой мощной грудью,
Не доведу суровость до злодѣйства!
Пускай слова въ кинжалы обратятся —
Я измѣню порывамъ чувствъ моихъ —
И что скажу — на дѣлѣ не исполню.

[Уходитъ].

СЦЕНА III.

Комната въ замкѣ.

Входятъ Король, Розенкранцъ и Гильденштернъ.

КОРОЛЬ.

Несносенъ онъ и намъ небезопасно
Терпѣть его безумье. Приготовьтесь,
Я вамъ сейчасъ же грамоты вручу
И съ вами въ Англію его отправлю.
Нашъ санъ не можетъ допустить смятенія,
Чѣмъ сумасшествіе всегда грозитъ.

ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ.

Готовы мы. Заботы ваши святы
О сохраненіи вашего народа,
Живущаго своимъ лишь государемъ.

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Мы всѣ должны бороться противъ золь,
Особенно же тотъ, кто заключаетъ
Въ себѣ спокойствіе тысячей подвластныхъ.
Властитель умираетъ не одинъ,
Но, какъ водоворотъ, уноситъ все,
Что только было на его пути.
Монархъ — громади́йшее колесо
На самой высочайшей изъ вершинъ;
Къ его зубцамъ могучимъ прикрѣпляютъ
Огромное число предметовъ меньшихъ,
И ежели падетъ оно, съ нимъ вмѣстѣ
Погибнетъ и малѣйшая вещица.
Король одинъ ни разу не страдаетъ:
Съ нимъ вмѣстѣ и народъ его рыдаетъ.

КОРОЛЬ.

Прошу васъ, поспѣшите же къ отъѣзду.
А мы опасность эту закуемъ —
Она чрезу́ръ свободна.

РОЗЕНКРАНЦЪ И ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ.

Не замедлимъ.

[Розенкранцъ и Гильденштернъ уходятъ].

[Входитъ Полоній].

ПОЛОНІЙ.

Принцъ къ матери пошелъ, мой государь;
Я за коврами спрячусь, все услышу.
Она его, повѣрьте, устыдитъ.

Но какъ сказали вы — и очень здраво —
 Что кромѣ матери необходимо,
 Чтобъ слышалъ ихъ еще бы кто-нибудь —
 Вѣдь мать всегда пристрастна по природѣ —
 Я самъ прослушаю бесѣду ихъ.
 Прощайте, государь, и раньше чѣмъ
 Изволите пойти въ опочивальню,
 Явлюсь и расскажу все, что услышу.

КОРОЛЬ.

Благодарю. [Полоній уходитъ].

О, гнусный мой проступокъ!

Смрадъ отъ него доходить до небесъ.
 Проклятье первое на этомъ злѣ,
 Проклятье древнее — убійство брата!
 Съ молитвой къ Богу глазъ поднять не смѣю,
 Хотя и страстное на то желанье.
 Огромность злодѣянья моего
 Сражаетъ силу этого влеченья,
 И я сейчасъ, какъ человѣкъ, который,
 Взявъ на себя свершеніе двухъ дѣлъ,
 Стоитъ въ недоумѣніи, не зная,
 Съ какого же изъ нихъ начать работу —
 И ничего не дѣлаетъ въ концѣ!..
 Ужели для моихъ проклятыхъ рукъ,
 Хотя бы сплошь покрытыхъ кровью брата,
 Дождя не хватить у благихъ небесъ,
 Чтобъ ихъ отмыть до свѣжной бѣлизны!
 Къ чему жъ тогда и милосердіе, если
 Оно не можетъ умягчить проступокъ?
 Къ чему двоякая въ молитвѣ сила,
 Какъ не къ тому, чтобъ обезвредить грѣхъ

И испросить для грѣшника прощенье?
 Осмѣлюсь взоры къ небесамъ возвести, —
 Проступокъ мой ужъ прошлое теперь.
 Но, Господи, какъ мнѣ начать молитву?
 «Прости мнѣ гнусное мое убійство?»
 Возможно ли: оно дало мнѣ все,
 Чѣмъ я владѣю чрезъ него — короной,
 Могуществомъ моимъ и королевой.
 Простятся ли когда грѣхи тому,
 Кто благоденствовалъ отъ нихъ плодовъ?
 Продажность правосудья въ этомъ свѣтѣ!
 Хотя и можетъ оправдать проступокъ —
 Вѣдь золоту послушенъ и законъ, —
 Но тамъ, на небѣ, ухищреній нѣтъ:
 Тамъ дѣло явится въ прямомъ значеніи
 И тамъ отъ насъ за наши прегрѣшенья
 Потребуютъ строжайшаго отчета.
 Но что же, что же остается мнѣ?
 Испробовать, что можетъ совершить
 Раскаянье? Чего оно не можетъ!..
 Но если я раскаяться безсиленъ?
 О тяжкое мученье! Грудь черна,
 Какъ смерть. Душа, погязшая въ грѣхахъ,
 Ты тщетно рвешься убѣжать отъ нихъ!
 О духи неба, помогите мнѣ!
 Согнитесь, непреклонныя колѣни,
 Стальное сердце, размягчись, какъ мышцы
 Новорожденного младенца. Можетъ,
 Еще возможно для меня прощенье.
 [Становится на колѣни; входитъ Гамзетъ].

ГАМЛЕТЪ.

Желанный мигъ — онъ углубленъ въ молитву.
 Рѣшусь. И онъ отправится на небо?
 Отмщу ли тѣмъ? Обдумать надо. Извергъ
 Сгубилъ отца, а я — единый сынъ
 Его — на небеса убійцу шлю.
 О, то наградой, а не местию будетъ.
 Онъ умертвилъ предательски отца,
 Среди роскошествъ и въ пылу грѣховъ,
 Расцвѣтшихъ словно май, и что съ отцомъ
 Теперь, — извѣстно одному Творцу.
 Умъ и догадки наши говорятъ,
 Что очень нелегко ему сейчасъ.
 Убить злодѣя на молитвѣ, — мечь ли,
 Когда готовъ онъ къ переходу въ вѣчность?
 Нѣтъ, мечь въ ножны, дождись иной минуты,
 Застанъ его во снѣ или въ пьяномъ буйствѣ,
 Въ кровососѣтельныхъ объятыхъ страсти,
 Въ разгарѣ игръ и гнѣвныхъ сквернословій,
 Въ дѣяньи, чуждомъ и слѣда спасенья, —
 Тогда его низвергни вверхъ пятами
 Съ его проклятой, черною, какъ адъ,
 Душой. Мать ждетъ. Но это замедленье
 Тебѣ, жалчайшему, не дастъ спасенья.

[Уходитъ].

КОРОЛЬ [вставая].

Слова на небѣ, мысли жъ всѣ въ земномъ;
 Безъ мысли слово — грѣхъ предъ Божествомъ.

[Уходитъ].

СЦЕНА IV.

Покои королевы.

Входятъ Королева и Полоній.

полоній.

Сейчасъ онъ будетъ здѣсь. Построже съ нимъ.
 Скажите, что ведетъ себя онъ дико,
 Что, будучи защитницей ему,
 Вы подвергаетесь большому гнѣву.
 Я спрячусь тутъ. Итакъ, суровѣй съ нимъ.

КОРОЛЕВА.

Ручаюсь за себя. Не беспокойтесь.
 Вотъ онъ идетъ, я слышу, — удалитесь,
 [Полоній прячется за коверомъ].

ГАМЛЕТЪ [входя].

Что вамъ угодно, мать, — говорите?

КОРОЛЕВА.

Ты оскорбилъ отца жестоко, Гамлетъ.

ГАМЛЕТЪ.

Отецъ мой вами оскорбленъ жестоко.

КОРОЛЕВА.

Твои слова безумье, Гамлетъ. Полно!

ГАМЛЕТЪ.

А ваши — преступленіе. Довольно!

КОРОЛЕВА.

Что это значитъ, Гамлетъ?

ГАМЛЕТЪ.

Что угодно?

КОРОЛЕВА.

Да ты забылъ, кто я?

ГАМЛЕТЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, клянусь.

Вы королева, вы супруга дяди
И, къ сожалѣнію, вы — мать моя.

КОРОЛЕВА.

Такъ пусть съ тобой другіе говорятъ!

ГАМЛЕТЪ.

Останьтесь, сядьте и ни шагу съ мѣста
Я зеркало открою передъ вами,
Гдѣ отразится вся душа твоя.

КОРОЛЕВА.

Что хочешь сдѣлать ты? Убить меня?
Ко мнѣ, на помощь!.. Ахъ!

ПОЛОНІЙ [за коврами].

Сюда, на помощь!

ГАМЛЕТЪ.

А! мышь! Червонецъ объ закладъ — мертва!
Мертва! [Пронзаетъ мечомъ коверъ].

ПОЛОНІЙ [за коврами].

Убить я!

КОРОЛЕВА.

Горе! Что ты сдѣлалъ?

ГАМЛЕТЪ.

Не знаю что... Король?

КОРОЛЕВА.

Кровавое, безумное дѣянье.

ГАМЛЕТЪ.

Да, да, кровавое, почти такое жъ,
Какъ умертвить властителя и стать
Женою брата мужа своего.

КОРОЛЕВА.

Что! Умертвить властителя — сказалъ?

ГАМЛЕТЪ.

Да, королева, это я сказалъ...
А ты, навязчивый, презрѣнный шутъ,
Прости. Тебя я принялъ за другого —
Сановиѣ — вини судьбу свою.
Губительна услужливость чрезъ мѣру.
Да не ломайте рукъ и успокойтесь.
Я растерзаю сердце вамъ, когда
Порокъ не превратилъ его въ желѣзо,
Не закалилъ до омертвѣнья чувства.

КОРОЛЕВА.

Но что жъ я сдѣлала? За что такъ строго
Меня коришь?

ГАМЛЕТЪ.

Такое преступленіе,
Что скромности стыдливый ликъ тускнѣетъ
И добродѣтель кажется притворствомъ;
Любви невинной розы увядаютъ
И превращаются въ гнилую язву.

ГАМЛЕТЪ.

О, этимъ преступленьемъ брачный долгъ
 Низводится до клятвы игрока,
 И самый бракъ становится игрушкой.
 Какъ передъ днемъ послѣдняго суда
 Проступокъ этотъ зажигаетъ небо
 И омрачаетъ скорбью шаръ земной.

КОРОЛЕВА.

Увы, какое жъ это преступленье,
 Когда о немъ одно воспоминанье
 Ужъ вызываетъ страшную грозу?

ГАМЛЕТЪ.

Смотри сюда, на эти двѣ картины:
 На нихъ представлены родные братья.
 Что за величье въ этихъ очертаньяхъ:
 Лицо Зевеса, кудри Аполлона,
 Взоръ Марса—повелительный, суровый,
 И станъ Гермеса—вѣстника боговъ
 На высотѣ заоблачной горы.
 Всѣ боги неба отразились въ смертномъ
 И дали міру образецъ созданья.
 И это былъ твой мужъ. Теперь взгляни
 Сюда: вотъ настоящій твой супругъ!
 Какъ колосъ Фараонова видѣнья, (и)
 Сожравшій своего родного брата!
 Но гдѣ жъ глаза? И какъ съ прекрасныхъ горъ
 Упасть въ болото и питаться имъ?
 Иль ты слѣпа? Вѣдь это не любовь,—
 Въ твои лѣта кровь не бурлить потокомъ,
 А мирно служить доводамъ разсудка.
 Что жъ за разсудокъ былъ въ такой замѣнѣ?
 Вѣдь есть же у тебя способность думать,

Иначе—что могла бъ ты понимать?
 Но, видно, параличъ разбилъ твой умъ,
 Само бъ безумье не ошиблось такъ
 При выборѣ столь рѣзкаго несходства.
 Глаза, слухъ, осязанье, обонянье
 И даже часть больная добрыхъ чувствъ
 Такъ грубо обманутыя не могла...
 Утраченъ стыдъ—ужъ больше не краснѣютъ!
 Да, если адскій пылъ въ крови матроны,
 То добродѣтель юности мятежной
 Пусть таетъ воскомъ въ собственномъ огнѣ!
 И что порочнаго кипѣтъ распутствомъ,
 Когда и самый ледъ горитъ пожаромъ,
 И разумъ сводничаетъ вожделѣнью?

КОРОЛЕВА.

О, Гамлетъ, замолчи! Ты въ глубь души
 Проникъ—и черныхъ, вѣчныхъ пятенъ рядъ
 Ее покрылъ предъ взорами моими.

ГАМЛЕТЪ.

И все же жить въ поту любви зловонной
 На мерзкомъ ложѣ страшнаго разврата
 И тѣшиться позорнымъ наслажденьемъ
 Въ болотѣ гнуснаго свиного хлѣва?

КОРОЛЕВА.

О Гамлетъ, перестань! Твои слова
 Кинжалами вонзаются въ мой слухъ!

ГАМЛЕТЪ.

Убийца, злой, ничтожный негодяй,
 Холодъ, не стоящій и сотой доли
 Убитаго властителя! Король

Шутовъ и воръ, схватившій съ пьедестала
Великую корону и тайкомъ
Ее унесшій подъ своей одеждой.

КОРОЛЕВА.

Молчи!

ГАМЛЕТЪ.

Властитель изъ негодныхъ лоскутовъ...

[Входитъ Духъ].

О, войны небесные, спасите,
Крылами вашими меня закройте!
Чего ты хочешь, образъ величавый?

КОРОЛЕВА.

О Боже, онъ съ ума сошелъ!

ГАМЛЕТЪ.

Меня не упрекать ли ты приходишь,
Что время провожу въ безплодномъ гнѣвѣ,
Не исполняя грозный твой заветъ?
О, говори!

ДУХЪ.

Не забывай. Я здѣсь
Затѣмъ, чтобъ укрѣпить твою рѣшимость.
Смотри, въ какомъ смятеніи мать твою.
Утѣшь ее въ ея борьбѣ душевной, —
У слабыхъ страшень пылъ воображенья.
Бесѣдуй съ ней.

ГАМЛЕТЪ.

Что съ вами, королева?

КОРОЛЕВА.

Увы, съ тобою что? Зачѣмъ глядишь
Съ такимъ сосредоточеньемъ ты въ пространство

И съ воздухомъ безплотнымъ говоришь,
И мыслью дикою горитъ твой взоръ?
Какъ войны, поднятые тревогой,
Взвились дыбомъ волосы твои
И въ нихъ какъ словно бы проникла жизнь.
О милый сынъ, терпѣннемъ холоднымъ
Умѣрь огонь недуга твоего.
Кого ты видишь тамъ?

ГАМЛЕТЪ.

Его! его!

Смотри, какъ блѣденъ онъ и какъ глядитъ!
Лицо такое и такой удѣлъ
И въ камняхъ бы нашли себѣ участие:
О, отвори свой безотрадный взоръ, —
Ты уничтожишь имъ мою рѣшимость,
И за тебя не кровь пролью, а слезы.

КОРОЛЕВА.

Съ кѣмъ говоришь!

ГАМЛЕТЪ.

Ты ничего не видишь?

КОРОЛЕВА.

Нѣтъ, ничего; хотя, что здѣсь — все вижу.

ГАМЛЕТЪ.

И ничего не слышишь?

КОРОЛЕВА.

Ничего!

За исключеньемъ словъ.

ГАМЛЕТЪ.

Гляди сюда:

Гляди—отецъ мой, какъ живой! Взгляни,
Вотъ онъ уходитъ, вотъ ушелъ.

[Духъ исчезаетъ].

Все это

КОРОЛЕВА.

Лишь только плодъ разстроеннаго мозга, —
Безуміе порою создаетъ
Искусѣннѣе образы видѣній.

ГАМЛЕТЪ.

«Безуміе»? Но пульсъ мой съ вашимъ схожъ,
Его мелодія вполнѣ здорова.

Что говорилъ я—не безумье было.

Хотите, я припомню всѣ слова?

Такъ сумасшедшій поступать не можетъ.

О, не врачуй души бальзамомъ лести,
Свой грѣхъ считая за мое безумье.

Душевныхъ ранъ бальзамъ тотъ не залечитъ,

Онъ лишь слегка затянетъ ихъ; внутри жъ

Незримый гной все будетъ разливаться

И заразить тебя кругомъ. Молись

За прошлое, грядущаго страшись

И почвы плевеламъ не удобряй.

Не упрекай меня за эти рѣчи.

Въ нашъ развращенный, ожирѣвшій вѣкъ

И добродѣтель ползаетъ предъ зломъ,

Моля позволить быть ему защитой.

КОРОЛЕВА.

Ты на-двое разсѣкъ мнѣ сердце, Гамлетъ!

ГАМЛЕТЪ.

Отбрось, отбрось его гнилую часть
И, обновленная, живи съ здоровой.
Прости. Не раздѣляй же ложа съ дядей,
Хоть съ виду добродѣтельно будь,
Коль нѣтъ ея. Чудовище-привычка,
Уничтожающая въ насъ благое,
И ангеломъ бываетъ иногда —
Черезъ нея намъ добрыя дѣянья
Отрадны такъ, какъ легкія одежды.
И стоитъ только воздержаться нынче,
Какъ завтра жъ воздержанье будетъ легче,—
Чѣмъ далѣе, тѣмъ легче. О, привычка
Срываетъ и клеймо самой природы.
Волшебное могущество ея
И демона способно укротить
И выгнать вонъ. Еще разъ, доброй ночи.
Теперь благослови меня, когда
Сама отъ Бога ждешь благословленья.
[Указывая на Полонія].

А этого мнѣ жаль. Но небесамъ
Угодно насъ съ нимъ вмѣстѣ наказать.
Я исполнитель воли ихъ и мечъ.
За смерть его отвѣтитъ я сумѣю.
Ночь добрая. И если быть жестокъ,
То изъ любви къ тебѣ. Зло свершено,
Но худшее недалекѣ. Два слова...

КОРОЛЕВА.

Скажи, что дѣлать мнѣ?

ГАМЛЕТЪ.

Отнюдь не то,
О чемъ просилъ. Пусть жирный вашъ король
Опять васъ привлечетъ на ложе страсти
И щиплетъ щеки, мышкой называетъ,
Пускай за пару грязныхъ поцѣлуетъ,
Щекоча шею вамъ рукой проклятой,
Заставитъ васъ подробно рассказать
О мнимомъ помѣшательствѣ моемъ;
Вы передайте все ему. Похвально!
Не королевѣ жъ умной и прекрасной,
Такія обстоятельства скрывать
Отъ этой жабы, мерзкаго кота,
Летучей мыши. О, возможно ль это?
Нѣтъ, вопреки разсудку, стань на крышу
Съ корзиною и выпусти оттуда
Всѣхъ птицъ; сама жъ, какъ обезьяна въ баснѣ,
Въ корзину влѣзь и голову сломай.

КОРОЛЕВА.

Когда слова дыханье, а дыханье
Есть жизнь, то у меня не хватитъ жизни,
Чтобъ вымолвить твои слова, повѣрь.

ГАМЛЕТЪ.

Вы знаете, я въ Англію назначенъ?

КОРОЛЕВА.

Ахъ, я забыла—это рѣшено.

ГАМЛЕТЪ.

Готовы письма—и два школьныхъ друга,
Которымъ вѣрю я, какъ двумъ ехиднамъ,
Уполномочены ихъ отвезти

И приготовить путь мнѣ въ западню.
Ну, что же, пусть работаютъ друзья.
Забавно, мастера подземныхъ минъ
Его снарядомъ же взорвать на воздухъ.
И будетъ ужъ особеннымъ несчастьемъ,
Когда за ихъ подкопную работу
Я не взорву ихъ также до луны...
А эту пададь нужно прочь убрать.
Ночь добрая... Однако, какъ сталъ важенъ
И молчаливъ совѣтчикъ, говорунъ,
Всю жизнь прожившій, какъ пустой болтунъ!..
Спокойной ночи, матеръ.

А К Т Ъ IV.

СЦЕНА I.

Комната въ замкѣ.

Входятъ. Король, Королева, Розенкранцъ и Гильденштернъ.

КОРОЛЬ.

Но есть причина этого разстройства
И ты должна мнѣ сообщить ее.
Гдѣ сынъ твой?

КОРОЛЕВА.

Прошу васъ на минуту удалиться.

[Розенкранцъ и Гильденштернъ уходятъ.]
Ахъ, мой супругъ, что видѣть мнѣ пришлось!

КОРОЛЬ.

Что жъ именно! Что съ Гамлетомъ, Гертруда?

КОРОЛЕВА.

Бѣснуется, какъ въ бурю вѣтеръ съ моремъ.
Въ припадкѣ изступленья, услыхавъ,
Что за коврами что-то шевелится,
Онъ выхватилъ вдругъ мечъ и крикнулъ—мышы!
И добраго, почтеннѣйшаго старца,
Скрывавшагося тамъ, убилъ въ безумыи.

КОРОЛЬ.

Преступно! Вѣдь и мы могли бѣ тамъ быть,
И съ нами тоже бы могло случиться.
Его свобода гибельна для всѣхъ.
Кто за пролитье крови дастъ отвѣтъ?
Насъ за нее осудятъ несомнѣнно,
И мы должны употребить всѣ силы,
Чтобъ юнаго безумца обезвредить.
Любя его съ такой слѣпою страстью,
Мы поступаемъ лишь во вредъ ему.
Такъ одержимый скверною болѣзью
До той поры стыдится въ ней признаться,
Пока онъ заживо не разложится.
Гдѣ онъ теперь?

КОРОЛЕВА.

Понесъ куда-то трупъ

Полонія. Но и въ безумыи онъ
Влестить, какъ золото въ рудѣ, среди
Металловъ грубыхъ. Горестно онъ плачетъ
О томъ, что совершилъ такой проступокъ.

КОРОЛЬ.

Пойдемъ скорѣй, Гертруда. И едва
Забрезжитъ солнце на вершинахъ горъ,

Мы Гамлета отправимъ на корабль.
А что касается его злодѣйства,
То всею нашей властью и искусствомъ
Мы это дѣло облить сумѣемъ.
Эй, Гильденштернъ!

[Розенкранцъ и Гильденштернъ возвращаются].

Друзья мои, возьмите

Кого нибудь съ собою на подмогу:
Безумнымъ Гамлетомъ убить Полоній;
Изъ комнатъ королевы онъ его
Повлечь и гдѣ-то спрятать. Вы должны
Увидѣть Гамлета и разспросить
Его помягче. Трупъ снести въ часовню.
Поторопитесь же. Идемъ, Гертруда,
И созовемъ умнѣйшихъ изъ друзей,
Откроемъ имъ, что думаемъ мы сдѣлать
И что уже совершенно, къ несчастью.
Быть можетъ, шопотъ злобной клеветы,
Что облетаетъ цѣлый мѣръ собой
И такъ же вѣрно попадаетъ въ цѣль,
Какъ смертоносный пушечный огонь,—
Не долетитъ до насъ и грянетъ лишь
Въ неуязвимый воздухъ. О, уйдемъ
Скорѣй. Душа моя полна смятенья,
Меня терзаютъ страшныя сомнѣнья.

СЦЕНА II.

Другая комната въ замкѣ.

Входитъ Гамлетъ.

ГАМЛЕТЪ,

Упрятанъ хорошо.

РОЗЕНКРАНЦЪ и ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ [за сценой].

Принцъ Гамлетъ, Гамлетъ!

ГАМЛЕТЪ.

Что тамъ за крикъ? Кто Гамлета зоветъ?

А! вонъ они явились сюда!

[Входятъ Розенкранцъ и Гильденштернъ].

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Что сдѣлали вы съ трупомъ, принцъ?

ГАМЛЕТЪ.

Смѣшалъ

Его съ землей, съ которой онъ въ родствѣ.

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Скажите, гдѣ его вы положили,
Чтобъ мы могли отнесть его въ часовню.

ГАМЛЕТЪ.

Не думайте.

РОЗЕНКРАНЦЪ.

О чемъ?

ГАМЛЕТЪ.

О томъ, что я, беречь умѣя вашу тайну,
Не въ состоянн сберечь своей.
И что отвѣтить королевскій сынъ,
Когда его допрашиваетъ губка?

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Вы губкой называете меня?

ГАМЛЕТЪ.

Да, уважаемый, я васъ считаю губкой, вбирающей въ себя награды, приказанья, всё королевскія соизволенья. Такого сорта слуги биногда бывають и полезны королю? Онъ бережетъ ихъ, словно обезьяна, что за щеку кладетъ орѣхи про запасъ: едва захочетъ что нибудь король изъ всего, что вы въ себя вобрали,—ему васъ стоитъ только подавить—и снова вы, какъ губка, сухи.

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Я васъ не понимаю, принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

Отрадно—грубый слухъ для необычной рѣчи глухъ.

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Принцъ, вы должны сказать, гдѣ тѣло, и слѣдовать за нами къ королю.

ГАМЛЕТЪ.

Оно у короля, король же не при тѣлѣ. Король есть нѣчто.

ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ.

Нѣчто, принцъ?

ГАМЛЕТЪ.

Или ничто. Ведите же меня къ нему. Ну, хоронись, лиса, и всѣ за нею (w).

[Уходитъ].

СЦЕНА III.

Другая комната въ замкѣ.

Входитъ **Король** съ придворными.

КОРОЛЬ.

Я приказалъ сыскать его и трупъ.
Опасно то, что на свободѣ, принцъ;
Но наказать его путемъ закона
Нельзя: народъ къ нему горитъ любовью,
Толпа глазами судить, не умомъ,—
Она лишь только кару замѣчаетъ,
Вину жъ преступника не хочетъ видѣть.
Чтобъ это дѣло мирно разрѣшить,
Его изгнанье нужно объяснить
Уже давно обдуманнмъ рѣшенемъ.
Въ отчаянной болѣзни неизбѣжно
Отчаянное средство къ исцѣленью,
Или ничто не можетъ исцѣлить.

[Входитъ Розенкранцъ].

Ну, что такое происходитъ тамъ?

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Куда дѣвалъ онъ тѣло, государь,
О томъ никакъ мы не могли узнать.

КОРОЛЬ.

А гдѣ онъ самъ?

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Въ сосѣднемъ помѣщени,
Подъ стражею и ждетъ велѣній вашихъ.

КОРОЛЬ.

Ввести его сюда.

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Эй, Гильденштернъ,

Введите принца!

[Входятъ Гамлетъ и Гильденштернъ].

КОРОЛЬ.

Гамлетъ, гдѣ Полоній?

ГАМЛЕТЪ.

На ужинѣ.

КОРОЛЬ.

На ужинѣ! Но гдѣ же?

ГАМЛЕТЪ.

Гдѣ ѣсть не онъ, а гдѣ его ѣдятъ.

Съ нимъ общество разѣвшихся червей; въ съѣдобномъ червь—первѣйшій изъ царей. Мы кормимъ на убой животныхъ для того, чтобъ послѣ откормить себя; себя жъ откармливаемъ для червей. Король откормленный и тощій нищій—два блюда къ одному столу. Таковъ конецъ обоимъ.

КОРОЛЬ.

Увы, увy!

ГАМЛЕТЪ.

Возможно, удить рыбу на червя, который «скушалъ» короля—и съѣсть ее, поѣвшую червя такого.

КОРОЛЬ.

Что этимъ ты намѣренъ мнѣ сказать?

ГАМЛЕТЪ.

Хочу сказать, какъ можетъ и король въ кишкахъ у нищаго свершить свой путь.

КОРОЛЬ.

Но гдѣ же всетаки Подоній?

ГАМЛЕТЪ.

На небесахъ,—пусть тамъ его поищутъ; коль не найдутъ—ищите сами гдѣ нибудь; но, впрочемъ, ежели и черезъ мѣсяцъ онъ не отыщется, то, говоря открыто, тогда онъ будетъ выданъ обоняньемъ подъ лѣстницей, ведущей въ галерею.

КОРОЛЬ [нѣкоторымъ придворнымъ].

Ищите тамъ.

ГАМЛЕТЪ.

Онъ не уйдетъ—дождется васъ.

[Придворные уходятъ].

КОРОЛЬ.

Скорбя о томъ, что совершилъ ты, Гамлетъ,
И ради безопасности твоей,
Рѣшили мы немедленно тебя
Отправить въ Англію. Собирайся въ путь.
Корабль и спутники твои готовы
Отплыть ужъ.

ГАМЛЕТЪ.

Въ Англію?

КОРОЛЬ.

Да, Гамлетъ.

ГАМЛЕТЪ.

Хорошо.

КОРОЛЬ.

И въ этомъ ты вполне бы убѣдился,
Когда бы зналъ намѣренія мои.

ГАМЛЕТЪ.

Вотъ Херувимъ, который видитъ ихъ.
Поѣдемъ съ Англію. Простите, мать.

КОРОЛЬ.

Твой любящій отецъ, мой Гамлетъ.

ГАМЛЕТЪ.

Нѣтъ, мать. Отецъ и мать—мужъ и жена; мужъ и жена—одна и та же плоть. Итакъ, мы въ Англію поѣдемъ, мать.

[Уходитъ].

КОРОЛЬ.

Идите вслѣдъ за нимъ и постарайтесь
Скорѣе на корабль его завлечь;
Не тратьте времени и непремѣнно
Сегодня же отправиться онъ долженъ.
Все дѣло ужъ оформлено. Спѣшите.

[Розенкранцъ и Гильденштернъ уходятъ].

Ну, Англія, когда пріязнь моя
Тебѣ нужна—а это несомнѣнно—
Чему способствуютъ мои побѣды:
Еще недавно датскіе мечи
Тебѣ удары тяжело наносили
И ранъ твоихъ красны еще слѣды,—
Ты не дерзнешь перечить нашей волѣ
И Гамлета тотчасъ же умертвишь.
Исполни жъ, Англія, мое желанье:
Меня онъ, какъ горячка, угнетаетъ—
И ты должна моимъ лекарствомъ быть.
Пока же не исполнится рѣшенье,
До той поры не знать мнѣ утѣшенья.

[Уходитъ].

СЦЕНА IV.

Равнина въ Даніи.

Входитъ **Фортинбрасъ** съ войскомъ.**ФОРТИНБРАСЪ.**

Монарху датскому привѣтъ свой шлю,—
 Прошу сказать ему, что Фортинбрасъ,
 Съ его согласья, просить позволенья
 Пройти чрезъ датскія владѣнья съ войскомъ.
 О томъ, гдѣ встрѣтить насъ—извѣстно вамъ.
 А если что нибудь отъ насъ угодно
 Его величеству, придемъ къ нему
 Съ поклономъ сами. Такъ и передайте.

КАПИТАНЪ.

Я все исполню, принцъ.

ФОРТИНБРАСЪ.

Впередъ, но тихо.

[Фортинбрасъ съ войскомъ уходитъ; входятъ Гамлетъ, Розенкранцъ, Гильденштернъ и другіе].

ГАМЛЕТЪ.

Скажите мнѣ, какое это войско?

КАПИТАНЪ.

Норвежское.

ГАМЛЕТЪ.

Куда оно идетъ?

КАПИТАНЪ.

На часть владѣній польскихъ.

ГАМЛЕТЪ.

Кто начальникъ?

КАПИТАНЪ.

Всѣмъ войскомъ управляетъ Фортинбрасъ,
 Норвежскаго властителя племянникъ.

ГАМЛЕТЪ.

Что жъ—онъ намѣренъ въ глубь страны проникнуть
 Или удовольствоваться лишь границей?

КАПИТАНЪ.

Отвѣтитъ справедливо, безъ прикрасъ,
 Такъ мы идемъ пріобрѣсти такой
 Клочокъ земли, какой намъ ничего
 Не дастъ. Я даже и пяти червонцевъ
 Не заплатилъ бы за него. Ни намъ,
 Ни Польшѣ онъ не можетъ быть полезенъ.

ГАМЛЕТЪ.

Такъ Польша биться за него не станетъ.

КАПИТАНЪ.

Напротивъ, онъ ужъ окруженъ войсками.

ГАМЛЕТЪ.

Двѣ тысячи людей и двадцать тысячъ
 Дукатовъ загубить необходимо,
 Чтобъ о соломенкѣ рѣшить вопросъ.
 Таковъ нарывъ богатства и покоя—
 Онъ прорывается у насъ внутри
 Негаданно и намъ приноситъ смерть.
 Благодарю покорно.

КАПИТАНЪ.

Богъ надъ вами.

[Уходитъ].

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Угодно ли вамъ, принцъ, продолжить путь?

ГАМЛЕТЪ.

Я тотчасъ же приду; впередъ ступайте.

[Всѣ кромѣ Гамлета уходятъ].

Какъ все винить меня и клонить къ мщенью!

И что такое человѣкъ, когда

Вся жизнь его проходить въ снѣ и пищѣ?

Животное онъ—больше ничего.

Но Тотъ, Кто создалъ насъ съ такимъ умомъ,

Что мыслью мы способны обнимать

Грядущіе и прошлые вѣка,

Не для того намъ далъ небесный духъ,

Чтобъ онъ у насъ въ бездѣйствіи погасъ.

Чѣмъ объясню медлительность свою?

Звѣриною ли тупостью забвенья,

Иль страхомъ размышленья объ исходѣ—

Три четверти трусливости тутъ вижу

И только четверть доводовъ разсудка.

Зачѣмъ живу, бесплодно повторяя:

«Я долженъ это сдѣлать непременно»,

Межъ тѣмъ молчу, имѣя все для дѣла:

И силу, и желаніе, и поводъ.

Весь міръ примѣромъ можетъ мнѣ служить.

Хотя бы этотъ нѣжный, слабый принцъ,

Ведущій сильное, большое войско.

Въ порывѣ вдохновеннаго величья,

Онъ шутить надъ невѣдомымъ грядущимъ,—

Изъ-за какой-то скорлупы идетъ
 На встрѣчу легкомысленной Фортуны,
 Столь часто гибельной для слабыхъ смертныхъ.
 Тотъ истинно великій человѣкъ,
 Кто безъ причинъ глубокихъ не возстанетъ,
 Но вмѣстѣ съ тѣмъ и бьется за бездѣлку,
 Когда задѣта честь. А что же я?
 Мать опозорена, отецъ отравленъ.
 Ни здравый смыслъ, ни побужденіе крови
 Меня не пробудили ото сна.
 Съ стыдомъ гляжу, какъ двадцать тысячъ войска,
 Изъ-за надеждъ честолюбивой славы—
 Слѣшать на гибель, точно на постели,
 Сражаясь за такой клочокъ земли,
 Гдѣ всѣмъ имъ даже и не умѣститься,
 Гдѣ и могилъ не хватаетъ для убитыхъ.
 Отнять только кровь—моя стремленье
 Иль будъ онъ достоинъ лишь презрѣнья!

СЦЕНА V.

Эльсиноръ. Комната въ замкѣ.

Входятъ Королева, Горацио и Придворный.

КОРОЛЕВА.

Я не хочу съ ней говорить.

ПРИДВОРНЫЙ.

Она

Отчаянно и неотступно молить,
 Нельзя къ ней отнестись безъ сожалѣнья.

КОРОЛЕВА.

Что жь нужно ей?

ПРИДВОРНЫЙ.

Отца все вспоминаетъ

И говорить, что міръ несправедливъ,
 Бьетъ въ грудь себя и стонетъ тяжело;
 Въ рѣчахъ ея безсмыслица почти,
 Но наводящая на размышленья,—
 Въ ея движеніяхъ, намекахъ, взорахъ
 Есть хоть туманный, но ужасный смыслъ.

ГОРАЦІО.

Во избѣжаніе опасныхъ толковъ,
 Необходимо съ ней поговорить.

КОРОЛЕВА.

Пускай войдетъ.

[Придворный уходитъ.]

[Въ сторону]. Такое свойство зла:

Больной душѣ моей страшна и мелочь.
 Злодѣйство никому не довѣряетъ
 И черезъ то себя же обличаетъ.

[Входитъ Придворный съ Офеліей.]

ОФЕЛІЯ.

Гдѣ Даніи прекрасная царица?

КОРОЛЕВА.

Что, что, Офелія?

ОФЕЛІЯ [поетъ].

Какъ угадать въ толпѣ большой
 Мнѣ друга твоего?
 По шляпѣ, обуви простой
 И жезлу у него (х).

КОРОЛЕВА.

Ахъ, милая, что значить эта пѣсня?

ОФЕЛІЯ.

Прошу еще послушайте [Поетъ].

Увы, ужъ жизнь его застыла
 И въ землю онъ зарытъ;
 Травой заросла могила
 И камнемъ онъ прикрытъ.

О-охъ!

КОРОЛЕВА.

Ну полно же, Офелія!

ОФЕЛІЯ.

Нѣтъ, прошу, послушайте [Поетъ].

Бѣлье снѣга саванъ гробовой...
 [Входитъ Король].

КОРОЛЕВА.

Ахъ, посмотрите на это!

ОФЕЛІЯ [поетъ].

Былъ милый весь въ цвѣтахъ,
 Но слезъ любви подруги молодой
 Ужъ не увидѣлъ прахъ.

КОРОЛЬ.

Какъ поживаете, дитя мое?

ОФЕЛІЯ.

Я, хорошо. Да сохранить васъ Богъ... А, говорятъ, сова
 дочь хлѣбопека (у). О Боже, намъ извѣстно, что мы зна-
 чимъ, но неизвѣстно, чѣмъ мы можемъ быть. Благослови
 Создатель вашъ обѣдъ.

КОРОЛЬ [въ сторону].

Все бредить о своемъ отцѣ.

ОФЕЛІЯ.

Прошу, не будемъ говорить объ этомъ, но если спросить, что все это значить, откройте вотъ что:

День Валентиновъ наступаетъ (z).
И въ дымкѣ утреннихъ лучей
Моя душа ужъ поспѣшаетъ
Быть Валентиною твоей.
Онъ услыхалъ, онъ вострепнулся,
Мгновенно двери отворилъ
И съ ней наединѣ замкнулся,
Но ужъ не дѣвой отпустилъ.

КОРОЛЕВА.

Прекрасная Офелія...

ОФЕЛІЯ.

Да, въ самомъ дѣлѣ... Только не клянись.
Вотъ я dokonчу: [Поетъ].

Спаситель, Пресвятая,
Въ мужчинахъ нѣтъ стыда:
Жениться обѣщая —
Лишь губять насъ всегда.

А онъ отвѣтилъ:

— Я женился бъ можетъ статься, —
Ты жъ поспѣшила мнѣ отдаться.

КОРОЛЬ.

Давно ли это съ нею?

ОФЕЛІЯ.

Но я надѣюсь, все пойдетъ отлично, необходимо только потерпѣть; но все же не могу не плакать, когда подумую,

что онъ зарыть въ сырую землю. Братъ узнаетъ все. Благодарю за добрый вашъ совѣтъ; подайте же сюда мой экипажъ... Покойной ночи милымъ дамамъ, покойной ночи милымъ дамамъ, покойной ночи, покойной ночи.

[Уходитъ].

КОРОЛЬ.

Идите вслѣдъ за ней. И я прошу васъ
Какъ можно лучше охранять ее.

[Гораціо уходитъ].

Глубокой скорби ядъ въ нее проникъ,
Его источникъ — смерть ея отца.
Гертруда, о моя Гертруда, бѣды
Охватываютъ насъ не въ-одиночку,
А полчищемъ: убить отца ея,
Затѣмъ, отплыть сына твоего,
Изгнавшаго себя своимъ проступкомъ,
И возмущеніе всего народа
Кривыми толками о томъ, какъ былъ
Убитъ Полоній, промахъ нашъ, что мы
Тайкомъ его затѣмъ-то хоронили,
Офеліи внезапное безумье, —
А безъ ума мы истуканы, звѣри —
И въ довершеніе всѣхъ нашихъ бѣдъ —
Изъ Франціи Лаэртъ вернулся тайно.
Онъ въ мрачномъ раздраженіи заперся
Въ своемъ жилищѣ, отравляя слухъ свой
Навѣтами наушниковъ презрѣнныхъ.
Они, за неимѣнемъ точныхъ данныхъ,
Конечно, на меня вину всю сложать.
Все это, какъ убійственный снарядъ,
Наносить мнѣ смертельные удары.

[Слышенъ шумъ].

КОРОЛЕВА.

Ахъ, что за крики тамъ?

КОРОЛЬ.

Сюда! Эй, стража!
Сказать, чтобъ охраняли всюду двери.

[Входитъ другой Придворный].

Что тамъ за шумъ?

ПРИДВОРНЫЙ.

Спасайтесь, государи!

Самъ океанъ, свои вздымая волны,
Не такъ стремительно глотаеъ долы,
Какъ, во главѣ разнузданной толпы,
Лаэртъ всю вашу стражу поражаетъ.
Ужъ королемъ его зоветъ народъ!
Какъ будто только что созданъ міръ —
Забыты всѣ преданья и обычай —
Единые вершители порядка —
И чернь кричить: «Лаэртъ пусть нами правитъ!»
Махаеъ шляпами и рукоплещеъ,
И вопить къ небесамъ: «Лаэртъ король нашъ!
Лаэртъ король нашъ!»

КОРОЛЕВА.

Лають хорошо.

Но все жъ на ложный слѣдъ они напали...

О датскія, презрѣнныя собаки!

[Шумъ за сценой].

КОРОЛЬ.

Сломали двери!

[Лаэртъ, за нимъ народъ].

ЛАЭРТЪ [вооруженный].

Гдѣ король? Друзья,

Останьтесь тамъ.

НАРОДЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, и мы войдемъ!

ЛАЭРТЪ.

И васъ прошу остаться.

НАРОДЪ.

Пусть такъ будетъ!

ЛАЭРТЪ.

Благодарю. Посторожите входъ. —
Король презрѣнный, возврати отца!

КОРОЛЕВА.

Прошу васъ успокоиться, Лаэртъ!

ЛАЭРТЪ.

Да если каплю хоть спокойной крови
Почувствую я у себя въ груди,
Тогда я буду незаконный сынъ,
И матери невинное чело
Клеймомъ развратницы омрачено!

КОРОЛЬ.

Но что причиною этого возстанья?
Оставь, Гертруда, не страшись за насъ.
Власть короля божественна настолькоъ,
Что передъ ней измѣна можетъ быть
Сильна лишь на словахъ, но не на дѣлѣ.
Скажи, Лаэртъ, чѣмъ недоволенъ ты?
Скажи же... Не мѣшай ему, Гертруда.

ЛАЭРТЪ.

Гдѣ мой отецъ?

КОРОЛЬ.

Онъ умеръ.

КОРОЛЕВА.

Мы невинны.

КОРОЛЬ.

Пускай исполнѣ онъ выяснитъ, что хочетъ.

ЛАЭРТЪ.

Какъ умеръ мой отецъ? Себя провести
Я не позволю,—къ дьяволу присягу!
Долгъ подданнаго, совѣсть, добродѣтель —
Все въ преисподнюю! Не утрашусь
И вѣчнаго мученья. Я теперь
Вполнѣ къ землѣ и небу безучастенъ.
Пускай свершится то, что быть должно;
Я полонъ только мстью за отца.

КОРОЛЬ.

И что же, въ этомъ кто тебѣ мѣшаетъ?

ЛАЭРТЪ.

Моя лишь воля—и ничто другое.
А что касается до средствъ отмщенья —
Я съ малой силой многого добьюсь.

КОРОЛЬ.

Любезный нашъ Лаэртъ, стремясь найти
Винныхъ въ смерти твоего отца,
Ужель захочешь также погубить
И невинныхъ съ ними?

ЛАЭРТЪ.

Нѣтъ, однихъ

Винныхъ.

КОРОЛЬ.

Ты желаешь ихъ узнать?

ЛАЭРТЪ.

За это бъ я друзьямъ раскрылъ объятья
И ихъ насытилъ бы своею кровью,
Какъ благородный, нѣжный пеликанъ.

КОРОЛЬ.

Вотъ эта рѣчь, достойная тебя,
Какъ сына добраго и дворянина.
Что я невиненъ въ смерти твоего
Отца и глубоко о ней скорблю —
Должно твой разумъ озарить, какъ день.

НАРОДЪ [за сценой].

Впустить ее!

ЛАЭРТЪ.

Что это? что за шумъ?

[Офелія возвращается].

О, пламень, иссуши мой мозгъ!... О, слезы,
Сильнѣйшей солью выжгите глаза!
За сумасшествіе твое, клянусь,
Я стану мстить до той поры, пока
Не выкупятъ его цѣной тягчайшей.
О дѣва милая, о роза мая!
Прекрасная Офелія! Сестра!
Ужели юной дѣвушки разеудокъ
Непрочень такъ же, какъ жизнь старика?

О, какъ чувствительна любви природа:
Часть наилучшую себя самой
Приносить въ жертву другу своему!

ОФЕЛІЯ [поетъ].

Съ непокрытымъ лицомъ его въ гробъ несли,—
О горе, лютейшее горе!
И на гробъ его слезы ручьями текли,—
О горе, лютейшее горе!
Прости, мой голубокъ!

ЛАЭРТЪ.

Когда бъ и въ разумѣ она зывала къ мщенью,
Я не былъ бы сильнѣй къ нему подвигнутъ!

ОФЕЛІЯ.

Вамъ нужно пѣть: «клади внизъ его какъ можно
глубже». И такой припѣвъ я нахожу умѣстнымъ. Рѣчь
идеть о злобномъ управителѣ, который похитилъ дочь
у своего хозяина.

ЛАЭРТЪ.

Загадочный бредъ.

ОФЕЛІЯ.

Вотъ розмаринъ—на память обо мнѣ...
Пожалуйста будь вѣренъ мнѣ, мой другъ...
Вотъ незабудка—не забудь меня.

ЛАЭРТЪ.

Есть скрытый смыслъ въ ея безумьѣ: вѣрность въ со-
единеніи съ памятью.

ОФЕЛІЯ.

Вотъ тминъ, вотъ колокольчики, вотъ рута—для васъ и
также для меня немного,—ее зовутъ воскресной благодатью.

А вотъ и маргаритка! По фіалокъ нѣтъ—завяли послѣ
смерти моего отца; но, говорятъ, онъ умеръ безъ страданій...
[Поетъ].

Любезный мой Робинъ, все счастье мое...

ЛАЭРТЪ.

У ней печаль и скорбь, и самыя мученья
Проникнуты благою красотой.

ОФЕЛІЯ [поетъ].

Онъ не вернется къ намъ опять?

Онъ не вернется къ намъ опять?

Ахъ, умеръ, дорогой—

И я умру съ тобой.

Нѣтъ, нѣтъ, онъ не вернется къ намъ...

Онъ былъ съ сѣдою бородой

И съ бѣлоснѣжной головой...

Скончался онъ, скончался онъ!

Къ чему теперь и плачь и стоишь!

Пошли ему Господь покой...

Всѣхъ христіанскихъ душъ въ молитвѣ помяну... И со-
храни васъ Богъ! [Уходитъ].

ЛАЭРТЪ.

Ты видишь это, Господи!

КОРОЛЬ.

Лаэртъ,

Дай раздѣлить съ тобой твою печаль,—

Ты въ этомъ мнѣ не можешь отказать.

Сзови мудрейшихъ изъ своихъ друзей,

И пусть они разсудятъ насъ съ тобою.

И если косвенно или прямо я

Причина смерти твоего отца—

Бери себѣ престолъ, корону, жизнь

Мою. Но если я не виновать,
Будь терпѣливъ—и мы съ тобой понцемъ,
Чѣмъ можно дать покой твоей душѣ.

ЛАЭРТЪ.

Да будетъ такъ. Внезапная кончина
И похороны тайно, безъ трофеевъ,
Безъ рыцарскихъ обрядовъ,—это все
О мщеніи ужасномъ вопіеть,
И я потребовать суда обязанъ.

КОРОЛЬ.

Такъ именно вамъ должно поступить.
Преступника никакъ нельзя щадить,
И я прошу васъ слѣдовать за мною.

СЦЕНА VI.

Другая комната въ замкѣ.

Входятъ Гораціо и Слуга.

ГОРАЦІО.

Кто это хочетъ говорить со мной?

СЛУГА.

Матросы, сударь, съ грамотами къ вамъ.

ГОРАЦІО.

Пускай войдутъ. [Слуга уходитъ].

Не знаю, чье привѣтствье,
И изъ какой страны писать мнѣ могутъ,
Коль не отъ принца Гамлета оно?
[Входитъ Матросы].

ПЕРВЫЙ МАТРОСЪ.

Благословеніе Божіе надъ вами!

ГОРАЦІО.

Благославеніе Божье и тебѣ.

ПЕРВЫЙ МАТРОСЪ.

И Онъ благословитъ, когда захочетъ. Вотъ, сударь, грамоты вамъ отъ посла, отправленнаго въ Англію,—возьмите, коль васъ зовутъ Гораціо, какъ мнѣ сказали.

ГОРАЦІО [читаетъ].

«Гораціо, когда прочтешь посланье, доставь матросамъ доступъ къ королю,—у нихъ есть также письма и къ нему. Мы на морѣ не пробыли двухъ сутокъ, какъ уже встрѣтили воинственныхъ пиратовъ. Мы, зная, что корабль нашъ грузенъ на ходу, невольно обратились въ храбрецовъ; во время схватки я вскочилъ на бортъ къ пиратамъ, но они вдругъ отцѣпились, и я одинъ попалъ къ нимъ въ плѣнъ. Они со мною обращались, какъ великодушные злодѣи, зная, конечно, чтò творять. Необходимо мнѣ услужить имъ. Постарайся, чтобъ доставили мои посланья королю, затѣмъ, бѣги ко мнѣ такъ быстро, какъ если бъ ты бѣжалъ отъ самой смерти. Я прошепчу тебѣ такое, чтò сдѣлаетъ тебя нѣмымъ, но все жъ слова мои не такъ сильны, какъ то, что составляетъ сущность ихъ. Матросы эти проведутъ тебя ко мнѣ. А Розенкранцъ и Гильденштернъ плыть продолжаютъ въ Англію. Прощай. Твой, какъ тебѣ извѣстно,

Гамлетъ».

Идемъ. Я письма ваши помогу вамъ
Доставить къ королю. Затѣмъ меня
Скорѣй къ тому сведите, кто ихъ далъ вамъ.

[Уходятъ].

СЦЕНА VII.

Другая комната въ замкѣ.

Входятъ **Король** и **Лаэртъ**.

КОРОЛЬ.

Теперь должны вы оправдать меня
Своею совѣстью и отъ души
Во мнѣ увидѣть друга своего.
Вы сами слышали, что тотъ, кто былъ
Убийцей вашего отца, хотѣлъ
Покончить собственно съ моею жизнью.

ЛАЭРТЪ.

Да, это такъ, но только почему
Не наказали вы дѣянье злое,
Къ чему обязывали васъ вашъ санъ,
Разсудокъ, собственная безопасность?

КОРОЛЬ.

По двумъ весьма внушительнымъ причинамъ;
Для васъ онѣ не важны, можетъ быть,
Но для меня значительный въ нихъ смыслъ.
Мать-королева сыну своему
И разумъ свой и душу посвятила.
А я—на радость иль на горе, все
Равно—такъ связанъ съ ней всѣмъ существомъ,
Что безъ нея и шагу не ступлю,
Уподобляясь звѣздѣ, что только
Въ своихъ предѣлахъ двигаться способна.
Вторичная жъ причина та, что онъ
Любимъ столь сильно грубою толпой,
Что даже и пороки всѣ его

Собой любовь такая покрываетъ,
И какъ источникъ въ камень превращаетъ
Растенія, такъ и его проступокъ
Толпа святыней можетъ объявить
И стрѣлы, обращенныя къ нему,
При страшномъ возмущеніи ея,
Въ концѣ меня же могутъ поразить.

ЛАЭРТЪ.

Я потерялъ достойнаго отца,
Лишилась разума моя сестра,
Которая—о, позднее признание—
Для всѣхъ временъ могла бъ стать совершенствомъ,
Но все же часть отмщенія настанетъ.

КОРОЛЬ.

Вы сна себя лишите этой мыслью;
Но не подумайте, что я такъ слабъ,
Что безнаказанно себя позволю
За бороду схватить и это шуткой
Счесть. Скоро выскажусь вполне предъ вами.
Я вашего отца любилъ настолько,
Насколько самого себя люблю,
И это я надѣюсь доказать.

[Входитъ вѣстникъ съ письмами.]

Что новаго!

ВѢСТНИКЪ.

Вотъ письма, государь,
Отъ Гамлета—для васъ и королевны.

КОРОЛЬ.

Отъ Гамлета? Кто ихъ принесъ?

ВѢСТНИКЪ.

Матросы,

Какъ говорить, но я ихъ не видалъ;
 Мнѣ эти письма Клавдію вручилъ,
 Ему жъ ихъ посланный принесъ.

КОРОЛЬ.

Лаэртъ,

Я ихъ прочту тебѣ. А ты ступай.

[Вѣстникъ уходитъ]. [Король читаетъ].

«Высокій и могущественный, извѣщаю васъ, что я, на-
 гимъ, высаженъ на берегъ вашихъ владѣній. Завтра дерзну
 испросить позволенія предстать передъ вашими королев-
 скими очами и, обратясь къ вамъ съ мольбою о прощеніи,
 рассказать всѣ обстоятельства, при которыхъ я такъ странно
 и неожиданно возвратился. Гамлетъ».

Что это? И вернулись ли другіе?

Иль это ложь—и больше ничего?

ЛАЭРТЪ.

А почеркъ знаете?

КОРОЛЬ.

Да, Гамлетъ пишетъ.

«Нагимъ». А здѣсь приписано—«одинъ».

Что посоветуете мнѣ?

ЛАЭРТЪ.

Я самъ

Не знаю, что подумать, государь.
 Но пусть онъ явится. Душа моя
 Разбитая ужъ радостью трепещетъ
 При мысли, что могу сказать ему
 Въ глаза и скоро: «вотъ что сдѣлалъ ты!»

КОРОЛЬ.

Нѣтъ, этого нельзя. Но какъ иначе?
 Хотите ль положиться на меня?

ЛАЭРТЪ.

Да, государь. Ни звука лишь о мирѣ.

КОРОЛЬ.

Миръ только для души твоей. Когда
 Вернулся онъ и не захочетъ вновь
 Свершить второе путешествіе, я
 Придумалъ планъ, ему грозящій смертью;
 Мнѣ за нее не будетъ порицанья,
 И даже мать его насъ не осудитъ
 И эту смерть случайной назоветъ.

ЛАЭРТЪ.

Совѣтамъ вашимъ повинуюсь я
 Охотно, если ихъ орудьемъ буду.

КОРОЛЬ.

Такъ именно и будетъ. Съ той поры,
 Какъ ты изъ Даніи уѣхалъ, здѣсь
 Тебя нерѣдко очень восхваляли,
 Особенно одно твое искусство,
 Рождавшее во многихъ зависть даже,
 Хотя, по мнѣ, оно среди другихъ
 Твоихъ способностей не очень важно.

ЛАЭРТЪ.

Какое же искусство, государь?

КОРОЛЬ.

На шпальтѣ юности обычный бантъ,
 Но щегольство для юности прилично,

Какъ мѣховое одѣянье старцамъ,
 Дающее здоровье и величье.
 Два мѣсяца тому назадъ здѣсь жилъ
 Нормандскій дворянинъ. Видалъ французовъ
 Не мало я, да и сражался съ ними;
 Имъ, какъ наѣзdnикамъ, цѣны не знаю,
 Но этого волшебникомъ зову:
 Онъ словно приростаетъ къ своему
 Сѣдлу и править лошадию такъ ловко,
 Какъ будто воплощается въ нее.
 Я и придумать бы не могъ всего
 Того, что дѣлалъ онъ съ своимъ конемъ.

ЛАЭРТЪ.

Нормандецъ, говорите?

КОРОЛЬ.

Да, нормандецъ.

ЛАЭРТЪ.

Клянусь душою, то Ламондъ навѣрно.

КОРОЛЬ.

Онъ самый.

ЛАЭРТЪ.

Я знакомъ съ нимъ очень близко.
 Онъ красота всей націи, безспорно.

КОРОЛЬ.

Онъ о тебѣ намъ много говорилъ,
 Восторженно превознося свое
 Искусство фехтоваться на рапирахъ:
 «Какъ было бъ любопытно посмотрѣть—
 Сказалъ онъ—если бъ кто нибудь дерзнулъ

Съ тобою выступить на поединокъ». Онъ увѣрялъ, что у него въ отчизнѣ Никто съ тобой не можетъ фехтоваться, Что лучше, сражаясь съ тобой, Теряли разомъ всѣ свои приемы. И Гамлетъ, слушая ихъ похвалы, Къ тебѣ такою завистью проникся, Что только и мечталъ о томъ, когда Приѣдешь ты, чтобъ и ему съ тобой Помѣряться въ единоборствѣ, но...

ЛАЭРТЪ.

Что значить это «но», мой государь?

КОРОЛЬ.

Любилъ ли своего отца Лаэртъ,
 Иль онъ—бездушная картинка скорби?

ЛАЭРТЪ.

Къ чему вы задали такой вопросъ?

КОРОЛЬ.

Я знаю, что его любили вы,
 Но и любовь у времени во власти,
 И въ самомъ яркомъ пламени ея
 Всегда находится большой нагаръ,
 Который угашаетъ этотъ пламень—
 И онъ въ своемъ же преизбыткѣ мреть.
 И то, что страстно мы желаемъ сдѣлать,
 Нельзя откладывать на долгій срокъ,
 Вѣдь такъ измѣнчивы желанья наши;
 Въ нихъ столько жъ поводовъ для колебаній,
 Какъ сколько языковъ и рукъ, и всякихъ
 Случайностей встрѣчается на свѣтѣ,

И это все кончается потомъ
 Одними вздохами, которыхъ вредъ
 Уже въ томъ, что, временно даря покой,
 Затѣмъ еще сильнѣй отягощаютъ.
 Но прикоснемся къ главному предмету:
 Вернется Гамлетъ — какъ поступишь ты?

ЛАЭРТЪ.

Его зарѣжу я, хотя бы въ церкви!

КОРОЛЬ.

Да, для убійцы нѣтъ нигдѣ защиты,
 Для мщенія границъ не существуетъ, —
 Но все жъ пока запишись въ своемъ жилищѣ.
 Вернувшись, Гамлетъ будетъ знать, что здѣсь ты.
 Я вновь велю хвалить твое искусство, —
 Мы тѣмъ еще усилимъ блескъ его,
 Который придалъ похвалою тебѣ
 Французъ. А далѣе, мы васъ сведемъ,
 Побившись объ закладъ о васъ обоихъ.
 Прямой и чуждый подозрѣнья, Гамлетъ
 Оружія осматривать не станетъ,
 Тогда легко ты выберешь рапиру
 Съ отточеннымъ концомъ. Ударомъ ловкимъ
 Ты отомстишь ему за смерть отца.

ЛАЭРТЪ.

Вполнѣ съ совѣтомъ вашимъ соглашаюсь.
 Теперь я отправлю свою рапиру:
 Однимъ врачомъ мнѣ проданъ ядъ смертельный, —
 Предъ нимъ безсильны всѣ лекарства въ мірѣ.
 Въ снадобье это опустить клинокъ, —
 Царапины достаточно одной,

Чтобъ челоуѣка погубить совѣтъ.
 Я омочу конецъ рапиры ядомъ:
 Одинъ уколъ — и Гамлету ужъ смерть.

КОРОЛЬ.

Намъ это строго нужно обсудить,
 Представить ясно положенье дѣла,
 И ежели оно невыполнимо
 И въ немъ узнають скоро нашу цѣль,
 То лучше бъ за него не приниматься.
 Поэтому, на случай, нужно намъ
 Другой исходъ найти. Сообразимъ.
 Торжественно побьемся объ закладъ
 О вашихъ преимуществахъ... Нашелъ!
 Когда, разгорячась на поединкѣ,
 Вы сильную почувствуете жажду —
 Для этого сильнѣе нужно драться —
 И онъ потребуетъ себѣ воды,
 То мной ужъ будетъ приготовленъ кубокъ.
 Одинъ глотокъ — и онъ въ рукахъ у насъ.
 Коль ускользнетъ онъ отъ твоей рапиры,
 То ядовитое питье его
 Прикончитъ носомнѣнно. Что за шумъ?
 [Входитъ Королева].
 Что скажешь, дорогая королева?

КОРОЛЕВА.

За горемъ горе по пятамъ летитъ
 Громадною толпою, — утонула
 Твоя сестра, Лаэртъ!

ЛАЭРТЪ.

Что! утонула?

КОРОЛЕВА.

На берегу ручья я знаю иву, —
 Посеребренные листы ея
 Въ его струяхъ зеркальныхъ отразились.
 Туда пришла она въ гирляндахъ разныхъ —
 Изъ маргаритокъ, лютика, крапивы
 И блѣдно-фіолетовыхъ султановъ:
 Ихъ пастухи зовутъ такъ неприлично.
 У скромныхъ дѣвушекъ цвѣты такіе
 Извѣстны подъ названьемъ «мертвый палецъ».
 Когда къ склонившимся вѣтвямъ она
 Прильнула, чтобъ на нихъ расположить
 Свои вѣнки, предательскія вѣтви
 Подъ нею обломились, и она,
 Въ цвѣтахъ, упала въ плачущій потокъ.
 Но платье не давало ей тонуть,
 И, какъ сирена, поплыла она
 Съ напѣвами отрывковъ древнихъ пѣсень,
 Не сознавая гибели своей,
 Какъ бы живя въ родной для ней стихіи.
 Но это очень длится не могло:
 Намокшая одежда потянула
 Своею тяжестью ее ко дну,
 И бѣдную, съ ея напѣвомъ нѣжнымъ,
 Смерть въ илистомъ потокѣ схоронила.

ЛАЭРТЪ.

Такъ утонула?

КОРОЛЕВА.

Утонула, да!

ЛАЭРТЪ.

Несчастная Офелія! И такъ
 Водой ты въ избыткѣ залита,
 А потому не буду больше плакать,
 Хотя меня невольно душатъ слезы,
 Какъ стыдъ ни умѣряй мою печаль.
 Но выплачусь — и женственность моя
 Съ слезами испарится навсегда.
 Простите, государь. Есть много словъ
 Во мнѣ кипучаго негодованья,
 Но имъ мѣшаетъ глупыхъ слезъ потокъ.
 [Уходитъ].

КОРОЛЬ.

Ну, наконецъ-то, милая Гертруда,
 Я бѣшенство его уgomонилъ!..
 Теперь боюсь, чтобъ снова онъ не вспыхнуть.
 Пойдемъ за нимъ.
 [Уходятъ].

А К Т Ъ V.

СЦЕНА I.

Кладбище.

Входятъ два могильщика съ лопатами.

ПЕРВЫЙ МОГИЛЬЩИКЪ.

Да развѣ ту, которая сама хотѣла, умереть, можно схоронить по-христіански?

второй могильщикъ.

Значить, можно; копай скорѣй могилу; о смерти ея уже былъ судъ — и рѣшили похоронить по христіанскому обряду.

первый могильщикъ.

Но какъ же это? Развѣ она утопилась неумышленно, какъ бы въ родѣ самозащиты?

второй могильщикъ.

Должно такъ и разсудили.

первый могильщикъ.

Можетъ, тутъ было какое оскорбленіе. Все дѣло въ томъ, если я топлюсь умышленно, это дѣйствіе, а дѣйствіе составляютъ три части: возникновеніе, дѣланіе и завершеніе, — значить она утопилась умышленно.

второй могильщикъ.

Послушай-ка, товарищъ-гробокопатель.

первый могильщикъ.

Дай докончить. Вотъ вода — хорошо; вотъ человѣкъ — хорошо. Когда человѣкъ пошелъ къ водѣ и утопился, значить, хотѣлъ иль не хотѣлъ — пошелъ. Вотъ ты и размысли. А ежели вода побѣжить къ нему и утопить его, — такъ онъ себя не утопилъ. Значить, кто самъ не хотѣлъ своей смерти, тотъ неповиненъ въ пресѣченіи своей жизни.

второй могильщикъ.

Развѣ такъ выходитъ по закону?

первый могильщикъ.

По закону, — да еще по слѣдственному закону.

второй могильщикъ.

А хочешь скажу по правдѣ? Кабы она не была дворянкой, не похоронили бы ее по-христіански.

первый могильщикъ.

Вотъ, вотъ — истинно! Въ томъ-то и бѣда, что знатымъ людямъ и топить-то или вѣшаться удобнѣе, чѣмъ намъ, хотя и такимъ же христіанамъ. Давай-ка заступь. Нѣтъ дворянина древнѣе по роду, чѣмъ садовникъ, землекопъ и могильщикъ — адамово ремесло у нихъ.

второй могильщикъ.

А развѣ Адамъ былъ дворянинъ? (аа)

первый могильщикъ.

Онъ многое имѣлъ для этого.

второй могильщикъ.

Ой ли?

первый могильщикъ.

Да что ты? никакъ язычникъ? а? Ты понимаешь Писаніе? Тамъ говорится: «Адамъ копалъ землю». А какъ онъ могъ копать, если у него ничего не было? Попробуй-ка, разрѣши этотъ вопросъ; но если не разрѣшишь, сознайся.

второй могильщикъ.

Задавай.

первый могильщикъ.

Кто можетъ строить крѣпче каменщика, корабельщика или плотника?

второй могильщикъ.

Тотъ, кто дѣлаетъ висѣлицы. Его постройка можетъ пережить тысячи жильцовъ.

ПЕРВЫЙ МОГИЛЬЩИКЪ.

Ты не глушь, право; висѣлица... это благотворно. Но кому отъ висѣлицы благотворно? Тому, кто дѣлаетъ злое дѣло. Вотъ ты тоже дѣлаешь зло, говоря, что висѣлица строится прочнѣе церкви, значить тебя слѣдуетъ повѣсить. Ну-ка, другой отвѣтъ.

ВТОРОЙ МОГИЛЬЩИКЪ.

О томъ, кто строить прочнѣе каменщика, корабельщика или плотника?

ПЕРВЫЙ МОГИЛЬЩИКЪ.

Да, скажи-ка — и пошелъ себѣ гулять.

ВТОРОЙ МОГИЛЬЩИКЪ.

А вотъ, право слово, скажу.

ПЕРВЫЙ МОГИЛЬЩИКЪ.

Ну!

ВТОРОЙ МОГИЛЬЩИКЪ.

Какъ предъ Богомъ, не знаю, что сказать.

[Входятъ Гамлетъ и Гораціо и становятся въ отдаленіи].

ПЕРВЫЙ МОГИЛЬЩИКЪ.

Не ломай напрасно свою башку: какъ ни бей лѣниваго осла — шибче не побѣжить. А когда тебѣ еще разъ зададутъ этотъ вопросъ — говори: «могильщикъ». Жилище, построенное могильщикомъ, простоитъ до Страшнаго Суда. Ступай-ка лучше въ кабачокъ и принеси мнѣ водки. [Второй Могильщикъ уходитъ; первый поетъ, коная могилу].

Я въ юности любилъ, любилъ,

Въ любви все полагалъ,

Въ ней—охъ!—только время—ахъ!—проводилъ (въ),

Ей силы отдавалъ.

ГАМЛЕТЪ.

Да неужели глупецъ не сознаетъ, что дѣлаетъ? Могилу поетъ—и поетъ!

ГОРАЦИО.

Привычка сдѣлала его такимъ безстрастнымъ къ своему занятію.

ГАМЛЕТЪ.

Да, тонкая чувствительность сильна лишь тамъ, гдѣ менѣе труда для рукъ.

ПЕРВЫЙ МОГИЛЬЩИКЪ [поетъ].

Но тайно старость приплелась—

И я въ когтяхъ у ней;

Вся радость жизни пронеслась,

Нѣтъ больше прежнихъ дней.

[Выбрасываетъ черепъ].

ГАМЛЕТЪ.

И въ этомъ черепѣ языкъ былъ также, и онъ могъ пѣть. Съ какимъ ожесточеньемъ швырнулъ его на землю этотъ плутъ, какъ черепъ Каина-первоубійцы... Быть можетъ, это черепъ дипломата, мечтавшаго перехитрить и Бога. Не правда ли, возможно это?

ГОРАЦИО.

Возможно, принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

Или придворнаго, который восклицалъ: «съ хорошимъ днемъ, любезный принцъ! Какъ вы живете, милый принцъ!» И этотъ черепъ принадлежать могъ также господину такому-то, хвалившему коня такого-то, въ надеждѣ получить его въ подарокъ. Да, и это быть могло?

ГОРАЦИО.

Конечно, принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

Теперь же черепъ—собственность червей, обглоданъ, и могильщикъ бьетъ его. Превосходное превращенье! когда бь могли мы прослѣдить за нимъ. И эти кости холили затѣмъ, чтобъ ими лишь играть, какъ въ кегли? О, при этой мысли ноютъ и мои суставы!

ПЕРВЫЙ МОГИЛЬЩИКЪ [поетъ].

Кирка, лопата гробовая

Да саванъ мертвеца,—охъ!—

И въ ямѣ мрачной плоть земная

Истлѣть до конца.

[Выбрасываетъ другой черепъ].

ГАМЛЕТЪ.

Еще... Быть можетъ, это былъ законовѣдъ... Ну, гдѣ жь теперь его крючки, уловки, иски, всё тонкости? Зачѣмъ онъ равнодушно относится къ ударамъ этого невѣжи, не тащить въ судъ его за оскорбленье? А можетъ быть, онъ былъ большимъ дѣльцомъ, пріобрѣтателемъ большихъ имѣній... И гдѣ жь сейчасъ его всё неустойки, двойныя обезпеченья, доходы? И неужель отъ всѣхъ своихъ владѣній ему достался лишь клочокъ земли въ длину и ширину не больше двухъ контрактовъ. Да въ этомъ ящикѣ едва ль бы умѣстились одни ужъ акты на его угоды! И тѣмъ не менѣе владѣльцу ихъ достанется не болѣе пространства! А?

ГОРАЦИО.

Не болѣе, принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

Пергаментъ дѣлаютъ вѣдь изъ бараньей кожи?

ГОРАЦИО.

Да, принцъ—и изъ телячьей также.

ГАМЛЕТЪ.

Бараны и телята тѣ, кто ищеть въ немъ обезпеченья. Заговорю съ нимъ. Пріятель, чья эта могила?

ПЕРВЫЙ МОГИЛЬЩИКЪ.

Моя, сударь. [Поетъ].

Охъ!—И въ ямѣ мрачной плоть земная
Истлѣть до конца.

ГАМЛЕТЪ.

Не потому ль, что ты въ нее забрался?

ПЕРВЫЙ МОГИЛЬЩИКЪ.

Вы, сударь, не въ могилѣ еще; отсюда ясно, что она не ваша, а моя, хотя я пока до нея не докопался.

ГАМЛЕТЪ.

Ты лжешь: могилы роютъ мертвецамъ, а не живымъ.

ПЕРВЫЙ МОГИЛЬЩИКЪ.

Такъ эта ложь, сударь, живая, если она отъ меня вамъ сообщилась.

ГАМЛЕТЪ.

Но для кого могила? Для мужчины?

ПЕРВЫЙ МОГИЛЬЩИКЪ.

Не для мужчины, сударь.

ГАМЛЕТЪ.

Ну такъ для женщины?

ПЕРВЫЙ МОГИЛЬЩИКЪ.

И не для женщины.

ГАМЛЕТЪ.

ГАМЛЕТЪ.

Кого жъ схоронять здѣсь?

ПЕРВЫЙ МОГИЛЬЩИКЪ.

Да, ту, которая была женщиной, а теперь уже прахъ, прости ее Господь.

ГАМЛЕТЪ.

Что за придира этотъ грубиянъ! Съ нимъ нужно разговаривать точнѣй, его двусмысленность насъ загоняетъ. Клянусь, Горацио, въ послѣдніе три года на этомъ свѣтѣ все такъ заострилось, что и крестьянинъ силится до боли ужащить остроуміемъ вельможу... А сколько лѣтъ ты роешь здѣсь могилы (сс)?

ПЕРВЫЙ МОГИЛЬЩИКЪ.

Съ того памятнаго дня, когда покойный нашъ король Гамлетъ разбилъ Фортинбраса.

ГАМЛЕТЪ.

А именно?

ПЕРВЫЙ МОГИЛЬЩИКЪ.

Какъ будто вы не знаете? Всякій дуракъ вамъ скажетъ, что въ тотъ день родился молодой Гамлетъ, который теперь сошелъ съ ума и отправленъ въ Англію.

ГАМЛЕТЪ.

Зачѣмъ его отправили туда?

ПЕРВЫЙ МОГИЛЬЩИКЪ.

А затѣмъ, что онъ помѣшался, а тамъ выздоровѣть, а если и не выздоровѣть, то бѣда не великая.

ГАМЛЕТЪ.

А почему?

ПЕРВЫЙ МОГИЛЬЩИКЪ.

Тамъ это никому не бросится въ глаза, потому что тамъ все сумасшедшіе.

ГАМЛЕТЪ.

Но отчего же онъ сошелъ съ ума?

ПЕРВЫЙ МОГИЛЬЩИКЪ.

Говорять, отъ чего-то диковиннаго.

ГАМЛЕТЪ.

Но отчего, однако?

ПЕРВЫЙ МОГИЛЬЩИКЪ.

Да такъ просто рехнулся.

ГАМЛЕТЪ.

На чемъ же именно рехнулся?

ПЕРВЫЙ МОГИЛЬЩИКЪ.

Да на собственной датской землѣ. Вотъ уже двадцать лѣтъ, какъ я здѣсь могильщикомъ: еще мальчишкой началъ (dd).

ГАМЛЕТЪ.

А долго ль можетъ человекъ лежать въ землѣ?

ПЕРВЫЙ МОГИЛЬЩИКЪ.

Да если не подгнилъ еще при жизни (а такихъ подгнившихъ прежде смерти теперь не мало), то лѣтъ восемь или девять. Кожевникъ навѣрно выдержитъ девять.

ГАМЛЕТЪ.

Но почему жъ онъ долѣе другихъ?

ПЕРВЫЙ МОГИЛЬЩИКЪ.

Да потому, сударь, что, выдѣлывая чужія кожи, онъ тѣмъ самымъ такъ закаляетъ свою, что она долго не под-

дается водѣ, а вода—злѣйшій врагъ этихъ мерзкихъ труповъ. Вотъ черепъ... Этотъ черепъ пролежалъ въ землѣ двѣнадцать лѣтъ (ее).

ГАМЛЕТЪ.

А чей это?

ПЕРВЫЙ МОГИЛЬЩИКЪ.

Самаго безпутнаго негодника. Ну, чей бы вы думали?

ГАМЛЕТЪ.

Не знаю.

ПЕРВЫЙ МОГИЛЬЩИКЪ.

Ахъ, чтобъ ему ни дна и ни покрывки! Онъ какъ-то однажды вылилъ на мою голову цѣлый кубокъ рейнвейна. Это, сударь, черепъ Юрика, королевскаго шута.

ГАМЛЕТЪ.

Этотъ?

ПЕРВЫЙ МОГИЛЬЩИКЪ.

Этотъ самый.

ГАМЛЕТЪ.

Дай мнѣ взглянуть. [Беретъ черепъ]. Увы, мой бѣдный Юрикъ!.. Я зналъ его, Горацію. Въ этомъ существѣ бѣжалъ неизскаемый родникъ веселости и остроумья. Сколько разъ носилъ меня онъ на плечахъ своихъ. Теперь какой невыносимый видъ! Мутить при взглядѣ на него? Здѣсь были губы, и я ихъ часто цѣловалъ. Ну гдѣ жъ теперь твои остроты, пѣсни и прыжки, твои неподражаемыя шутки, такъ возбуждавшія безумный хохотъ среди всѣхъ пировавшихъ за столомъ? Нѣтъ ни одной, хотя бы для того, чтобъ посмѣяться надъ своей же костяной гримасой. Все исчезло. Что жъ, поди сейчасъ въ уборную красавицы,

скажи ты ей—пускай она, хоть въ палецъ толщины, наложитъ на свое лицо румянъ—ему не избѣжать такого жъ превращенья... И пусть она надъ этимъ посмѣется... Горацио, скажи одно мнѣ только...

ГОРАЦИО.

Что, принцъ?

ГАМЛЕТЪ.

Какъ думаешь, и Александръ Великій въ землѣ такимъ же былъ?

ГОРАЦИО.

Такимъ же, принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

Съ такимъ же запахомъ? [Кладетъ черепъ].

ГОРАЦИО.

Да, принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

Какъ унижительно земная участь! И если прослѣдить воображеньемъ за благороднымъ прахомъ Александра, то почему его бы не представить какойнибудь замазкою для бочки съ пивомъ?

ГОРАЦИО.

Такое разсужденіе слишкомъ необычно.

ГАМЛЕТЪ.

Нисколько—и вполнѣ правдоподобно—безъ всякихъ ухищреній: Александръ скончался, схороненъ, сталъ прахомъ; прахъ—земля, а изъ земли готовятъ глину. И почему жъ бы не могла та глина, которой сталъ въ могилѣ Александръ, служить замазкой для щелей.

О славный Цезарь, цѣлый міръ
Склонялся въ страхѣ предъ тобой!
Теперь—ты прахъ, замазка дыръ
Въ стѣнахъ во время бурь зимой!

Король и королева, цѣлый дворъ!

Входятъ Патеры и проч. съ похоронной процессіей, прахъ
Офеліи, Лаэртъ, свита, Король, Королева, дворъ].

Кого они такъ скромно провожаютъ?

То признакъ, что изъ знатныхъ кто нибудь

Самъ умертвилъ себя въ минуту злую.

Вниманіе. [Отходить въ сторону съ Горацио].

ЛАЭРТЪ.

Какіе же еще обряды будутъ?

ГАМЛЕТЪ.

Вотъ благородный юноша Лаэртъ.

ЛАЭРТЪ.

Какіе же еще обряды будутъ?

ПАТЕРЪ.

Дозволенный обрядъ мы совершили.

Предосудительна ея кончина,

И если бы не высшее велѣніе,

Пришлось бы ей до Страшнаго Суда

Неосвященною лежать въ землѣ,

И не молитвы бы надъ ней читали,

А камнями ее бы забросали.

Она жъ украшена вѣнцомъ дѣвичьимъ

И убрана невинными цвѣтами,

И съ погребальнымъ звономъ опочіетъ.

ЛАЭРТЪ.

И больше ничего?

ПАТЕРЪ.

Нѣтъ, ничего.

Мы оскорбили бъ погребенья смыслъ,

Когда бы рекіемъ для ней прошѣли.

Свершать заупокойныя молитвы

Мы можемъ лишь о непорочныхъ душахъ.

ЛАЭРТЪ.

Спускайте же ее скорѣй въ могилу,

И изъ ея невиннѣйшаго праха

Благоуханныя фіалки выйдутъ.

Тебѣ жъ скажу, жестокосердый пастыръ,

На небѣ ангеломъ сестра моя

Пребудетъ, ты же—въ адъ пойдешь на муку.

ГАМЛЕТЪ.

Какъ? Милая Офелія!

КОРОЛЕВА [бросая цвѣты].

Прекраснѣйшей прекрасное. Прости.

Тебя въ мечтахъ своихъ я называла

Женою Гамлета, убрать хотѣла

Цвѣтами ложе брачное твоё,

Но осыпаю ими лишь могилу!

ЛАЭРТЪ.

О многочисленныя бѣды пусть

Обрушатся проклятьемъ на того,

Кто былъ убійцей твоего ума!

Не зарывайте гроба, дайте мнѣ

Еще разъ заключить ее въ объятія.

[Бросается въ могилу]

Теперь на мертвую и на живого

Земли такую гору взгромоздите,
Что выше, чѣмъ древнѣйшій Пеліонъ
Иль голубой Олимпъ, ушедшій въ небо!

ГАМЛЕТЪ [выступая впередъ].

Кто громко такъ здѣсь горестъ проявляетъ?
Чей скорбный вопль задерживаетъ звѣзды
На ихъ пути и изумляетъ ихъ,
Какъ слушателей, дивомъ пораженныхъ?
Смотри, передъ тобой датчанинъ Гамлетъ?

ЛАЭРТЪ [бросаясь].

Пускай твоей душой владѣетъ дьяволъ!

ГАМЛЕТЪ.

Твоя молитва очень нечестива.
Послушай, перестань меня душить,
Я не горячъ, но всетаки опасенъ,—
Совѣтую—остерегись... Прочь руки!

КОРОЛЬ.

Разнять ихъ!

КОРОЛЕВА.

Гамлетъ, Гамлетъ!

Всѣ.

Господа!

ГОРАЦИО

О, успокойтесь, дорогой мой принцъ!

ГАМЛЕТЪ.

Нѣтъ, въ этомъ съ нимъ соперничать я стану,
Пока мои рѣсницы не сомкнутся!

[Ихъ разнимаютъ].

КОРОЛЕВА.

Въ чемъ дѣло, сынъ?

ГАМЛЕТЪ.

О, такъ, какъ я любилъ
Офелію,—и сорокъ тысячъ братьевъ
Ее любили бъ меньше моего!
Что для нея ты могъ бы совершить?

КОРОЛЬ.

Лаэртъ, ты видишь, онъ съ ума сошелъ!

КОРОЛЕВА.

О, ради Бога пощади его!

ГАМЛЕТЪ.

Скажи, что хочешь сдѣлать для нея?
Рыдать, сражаться, голодать, пить ядъ?
Терзаться, крокодиловъ пожирать?
Я тоже. Воешь? Хочешь мнѣ въ упрекъ
Живымъ въ могилу броситься? Я тоже.
Ты повѣствуешь о высотахъ горныхъ?
Пускай падутъ на насъ миллионы горъ,
Покуда знойный поясъ не спалитъ
Вершину ихъ, въ сравненіи съ которой
И Осса лишь горошиною будетъ.
Я въ хвастовствѣ тебѣ не уступаю.

КОРОЛЕВА.

Недугъ безумія имъ овладѣлъ
Но это скоро у него пройдетъ—
И снова онъ и тихъ и терпѣливъ,
Какъ кроткій голубъ посреди птенцовъ.

ГАМЛЕТЪ.

Послушайте, чѣмъ могъ я васъ обидѣть?
За что со мной такое обращенье?
Я васъ всегда любилъ. Но, впрочемъ, суть
Не въ томъ: чтó Геркулесъ ни совершай—
Коту—мяуканье, собацѣ—лай!

[Уходить].

КОРОЛЬ.

Послѣдуйте за нимъ, Гораціо добрый.

[Гораціо уходитъ].

Пусть ободрить тебя терпѣньемъ нашъ
Послѣдній разговоръ. Скорѣе къ дѣлу.
Слѣди за сыномъ, милая Гертруда.
Надъ гробомъ памятникъ живой поставимъ.
Часы покоя ужъ недалеки,
Пока жъ себя терпѣньемъ укрѣпимъ.

[Уходить].

СЦЕНА II.

Зала въ замкѣ.

Входятъ Гамлетъ и Гораціо.

ГАМЛЕТЪ.

Оставимъ это, перейдемъ къ другому.
Ты всѣ ли обстоятельства запомнилъ?

ГОРАЦИО.

Какъ могъ я не запомнить ихъ, мой принцъ?

ГАМЛЕТЪ.

Я полонъ былъ какою-то борьбой
И потому не могъ заснуть. Мнѣ было

Несноснѣй, чѣмъ убійцѣ въ кандалахъ.
Вдругъ—будь благословенна эта смѣлость—
Порою легкомысліе полезнѣй
До мелочей обдуманныхъ расчетовъ,
И въ этомъ виденъ Промыслъ Божества
Надъ нами, какъ бы мы ни поступали.

ГОРАЦИО.

Не сомнѣваюсь въ томъ.

ГАМЛЕТЪ.

Я въ темнотѣ,
Накинувъ плащъ, пробрался изъ каюты,
Сталъ ощупью искать ихъ и нашелъ,
Схватилъ бумаги—и опять къ себѣ
Вернулся. Опасенія во мнѣ
Изгладилъ приличія законы:
Я королевское посланье вскрылъ
И низость королевскую обрѣлъ:
По множеству различныхъ основаній,
Для блага общаго двухъ государствъ,
По невозможности оставить жизнь
Такому пугалу, какъ я,—немедля
Меня убить, не давъ и наточить
Топоръ—вотъ этого посланья суть.

ГОРАЦИО.

Возможно ли?

ГАМЛЕТЪ.

Оно со мной. Прочти
Въ другое время. Разсказать конецъ?

ГОРАЦИО.

Пожалуйста.

ГАМЛЕТЪ.

Опутанный измѣной,
Какъ сѣтью, долго думать я не сталъ.
Мгновенно планъ сложился самъ собой:
Я сѣлъ и написалъ свое посланье.
Когда-то я считалъ, какъ наша знать,
Стыдомъ имѣть разборчивую руку,
Старался даже портить почеркъ свой,
Но тутъ онъ мнѣ услугу оказалъ
Не малую. Ты хочешь знать письмо?

ГОРАЦИО.

Да, разумѣется, добрѣйшій принцъ?

ГАМЛЕТЪ.

Въ своемъ посланіи я написалъ
Торжественную просьбу короля
О томъ, что если Англія желаетъ
Быть вѣрной данницей для насъ, что, если,
Какъ пальма, зеленѣть наша дружба
(И многихъ этихъ «если» я отправилъ),
То посланныхъ немедленно казнить,
Не давъ имъ времени и на молитву.

ГОРАЦИО.

Но чѣмъ вы запечатали посланье?

ГАМЛЕТЪ.

И въ этомъ помогли мнѣ небеса:
Я въ кошелькѣ имѣлъ печать отца—
Подобье нынѣшней печати датской,—
Сложивъ, какъ подлинникъ, свое письмо
И запечатавъ, я отнесъ его

На мѣсто—и подлогъ остался скрытымъ.
Черезъ день у насъ была морская стычка,
А остальное все тебѣ извѣстно.

ГОРАЦИО.

Такъ Розенкранцъ и Гильденштернъ умрутъ!

ГАМЛЕТЪ.

Они искали это назначенье,
Ихъ смерть меня нисколько не смущаетъ.
Ихъ гибель—добровольное холопство.
Небезопасно низкому душой
Стать между двухъ противниковъ могучихъ,
Вступившихъ въ безпощадную борьбу.

ГОРАЦИО.

Какое же созданье нашъ король!

ГАМЛЕТЪ.

Неправда ли, что разсчитаться съ нимъ
Пришла пора? Убійца моего
Отца, безчестья матери виновникъ,
Лишилъ меня надежды на престолъ
Противно волѣ самого народа
И думалъ тайно умертвить меня—
Не грѣхъ ли допустить, чтобъ эта изва
Собою заражала міръ?

ГОРАЦИО.

Онъ скоро
Изъ Англіи получить вѣсть о дѣлѣ.

ГАМЛЕТЪ.

Пусть такъ, но промежутокъ нашъ еще,
А жизнь людей не больше, чѣмъ сказать

Усиѣешь: разъ». Жаль, добрый мой Гораціо,
 Что предъ Лаэртомъ я забылся такъ:
 Его судьба съ моей судьбою схожа.
 Но онъ чрезмѣрно раздражилъ меня
 Хвастливымъ языкомъ своей печали.

ГОРАЦІО.

Потише... Кто идетъ сюда?

[Входитъ Осрикъ].

ОСРИКЪ.

Привѣтствую ваше высочество съ возвращеніемъ въ
 Данію.

ГАМЛЕТЪ.

Благодарю. [Тихо Гораціо]. Ты знаешь эту муху!

ГОРАЦІО [тихо Гамлету].

Нѣтъ, принцъ.

ГАМЛЕТЪ [тихо Гораціо].

Тѣмъ лучше. Знать его уже порокъ... Онъ обладаетъ
 плодородною землею, но сдѣлайте скота владыкою скотовъ —
 и онъ сочтетъ себя не ниже короля.

ОСРИКЪ.

Прелестный принцъ, если имѣете время, я передамъ
 вашему высочеству кое-что отъ его величества.

ГАМЛЕТЪ.

Я очень слушаю... Надѣньте шляпу—она для головы.

ОСРИКЪ.

Благодарю васъ, ваше высочество, очень жарко.

ГАМЛЕТЪ.

Нѣтъ, что вы... Холодно!

ОСРИКЪ.

Дѣйствительно, принцъ, холодно.

ГАМЛЕТЪ.

А, впрочемъ, душно... Иль моя натура...

ОСРИКЪ.

Удивительно, принцъ, душно, я даже не нахожу словъ,
 какъ душно! Но, принцъ, его величество повелѣлъ мнѣ пе-
 редать вамъ, что онъ держалъ за васъ большой закладъ...
 Суть въ томъ...

ГАМЛЕТЪ.

Да не забудьте жъ, умоляю васъ.

[Принуждаетъ его накрыться].

ОСРИКЪ.

Увѣряю васъ, принцъ, мнѣ такъ удобнѣе... Недавно,
 ваше высочество, возвратился Лаэртъ; это вполне безупреч-
 ный кавалеръ, полный всевозможныхъ достоинствъ, удиви-
 тельно пріятный въ обращеніи и съ образцовой наруж-
 ностью; право, это—безукоризненное явленіе среди высшаго
 общества. Вы сами сообразовалите увидѣть, что онъ совмѣ-
 щаетъ въ себѣ всѣ подобающія дворянину блестящія ка-
 чества.

ГАМЛЕТЪ.

Онъ совершенство въ вашемъ описаніи; безъ шутокъ,
 онъ великій человѣкъ, и развѣ только зеркалу возможно
 исполнѣ его величье отразить.

ОСРИКЪ.

Ваше высочество даете о немъ наивѣрнѣйшій отзывъ.

ГАМЛЕТЪ.

Но для чего такой великій образъ мы омрачаемъ нашей грубой рѣчью?

ОСРИКЪ.

Принцъ...

ГОРАЦИО.

Не поняли. Значить, нужно сказать иначе, чтобъ вы поняли.

ГАМЛЕТЪ.

Затѣмъ мы говоримъ объ этомъ дворянинѣ?

ОСРИКЪ.

О Лаэртѣ?

ГОРАЦИО [тихо Гамлету].

Кошелекъ его истощился, всѣ золотыя слова утрачены.

ГАМЛЕТЪ.

О немъ, достойнѣйшій!

ОСРИКЪ.

Я знаю, что вы освѣдомлены.

ГАМЛЕТЪ.

Не прочь, чтобъ это было вамъ извѣстно, хотя мнѣ все равно. Итакъ, достойный!

ОСРИКЪ.

Вы освѣдомлены о совершенствахъ Лаэрта?

ГАМЛЕТЪ.

Вотъ этимъ знаньемъ не могу хвалиться; знать хорошо другого—это значить знать самого себя.

ОСРИКЪ.

Я хочу, принцъ, сказать о томъ, какъ онъ владѣть оружіемъ. Молва его считаетъ несравненнымъ въ этомъ искусствѣ.

ГАМЛЕТЪ.

Какое же его оружье?

ОСРИКЪ.

Рапира и кинжалъ.

ГАМЛЕТЪ.

А, значить, не одно. Ну, дальше!

ОСРИКЪ.

Король ставитъ за васъ противъ Лаэрта шесть варварійскихъ коней, а Лаэртъ, насколько мнѣ извѣстно, ставитъ противъ васъ шесть французскихъ шпагъ и шесть кинжаловъ со всѣми принадлежностями очень изящнаго вида.

ГАМЛЕТЪ.

Что вы называете принадлежностями?

ГОРАЦИО [тихо Гамлету].

Я зналъ, что безъ поученій вамъ съ нимъ не договориться до конца.

ОСРИКЪ.

Это тѣ части, принцъ, къ которымъ укрѣпляютъ шпагу.

ГАМЛЕТЪ.

Названье это было бы удачно, когда бъ вмѣсто шпаги мы на боку носили пушки, а пока пусть это—портупей... Но дайте... Шестъ варварійскихъ коней противъ шести французскихъ шпагъ—пріемъ совсѣмъ французскій. Въ чемъ закладъ?

ГАМЛЕТЪ.

ОСРИКЪ.

Король настаиваетъ на томъ, принцъ, что изъ двѣнадцати ударовъ Лаэртъ не дастъ вашему высочеству трехъ; Лаэртъ же утверждаетъ, напротивъ, что изъ двѣнадцати дастъ вамъ девять ударовъ. Этотъ споръ могъ бы разрешиться сейчасъ же, если бы вашему высочеству благоугодно дать на это согласіе.

ГАМЛЕТЪ.

А если я не соглашусь?

ОСРИКЪ.

Я склоненъ думать, принцъ, что вы согласитесь.

ГАМЛЕТЪ.

Я буду здѣсь. И если королю угодно и Лаэртъ готовъ на это, я постараюсь выиграть закладъ его величеству, а не сумѣю—такъ мнѣ и стыдъ и лишніе удары.

ОСРИКЪ.

Это самое я и долженъ передать?

ГАМЛЕТЪ.

Да, именно. Прикрысы же все ваши.

ОСРИКЪ.

Ваше высочество, поручаю себя вашей милости.
[Уходитъ].

ГАМЛЕТЪ.

Я весь къ услугамъ вашимъ. Хорошо, что самъ себя онъ поручаетъ мнѣ—никто не постарался бы объ этомъ.

ГОРАЦИО.

Умчался прирожденный шут!

ГАМЛЕТЪ.

Да, онъ, какъ многіе его же сорта, усвоилъ только модныя манеры и внѣшніе приемы обращенія, и это дѣйствуетъ на умныхъ даже, но дуновение опыта—и все пропало!

[Входитъ Придворный].

ПРИДВОРНЫЙ.

Принцъ, король, отъ юнаго Осрика узнавъ, что вы ожидаете его величество въ этой залѣ, желаетъ знать, хотите ли вы теперь состязаться съ Лаэртомъ или думаете отложить этотъ поединокъ на другое время?

ГАМЛЕТЪ.

Что рѣшено, того не измѣняю—и я исполню волю короля сейчасъ или когда ему угодно.

ПРИДВОРНЫЙ.

Король и королева, и все придворные сейчасъ сюда пожелаютъ.

ГАМЛЕТЪ.

Что жъ, въ добрый часъ!

ПРИДВОРНЫЙ.

Королева желала бы, чтобы вы до поединка сказали нѣсколько дружескихъ словъ Лаэрту.

ГАМЛЕТЪ.

Ея совѣтъ хорошъ.

[Придворный уходитъ].

ГОРАЦИО.

Вы можете проиграть закладъ, принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

Не думаю. Когда онъ былъ во Франціи, я много упражнялся въ фехтованьи. Но ты вообразить себѣ не можешь, какъ тяжело на сердцѣ у меня... А, впрочемъ, все равно.

ГОРАЦІО.

Нѣтъ, добрый принцъ...

ГАМЛЕТЪ.

Ребячество! Пречувствія способны тревожить развѣ женщину.

ГОРАЦІО.

Если васъ смущаетъ какое-либо сомнѣніе, не отвергайте его. Я сообщу имъ, что вы сейчасъ не расположены.

ГАМЛЕТЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, предчувствія не страшны мнѣ: безъ воли Бога воробей не гибнетъ—не послѣ, такъ теперь, а не теперь, такъ послѣ несомнѣнно—вотъ и все. Никто не знаетъ, что оставить здѣсь, и потому не все ль равно, оставить то позднѣй или раньше? Будь, что будетъ!

[Входятъ Король, Королева, Лаэртъ, Придворные, Осрикъ и другіе съ рапирами и фехтовальными перчатками].

КОРОЛЬ.

Ну, Гамлетъ, вотъ тебѣ рука его.

[Соединяетъ руки Гамлета и Лаэрта].

ГАМЛЕТЪ.

Простите мнѣ, Лаэртъ, я васъ обидѣлъ, По-рыцарски простите мнѣ. Всѣ знаютъ И сами, вѣроятно, вы слышали, Что боленъ я душевною болѣзнию. Все то, что въ васъ я грубо оскорбилъ—

Достоинство и вашу честь, и сердце— Я громко объявляю здѣсь безумьемъ. Лаэртъ обиженъ Гамлетомъ? О, нѣтъ! Когда мятущійся душою Гамлетъ Былъ въ состояньи оскорбить Лаэрта— Не Гамлетъ то, а лишь его недугъ, Которымъ онъ и самъ не меньше раненъ— Врага въ безумствѣ видитъ бѣдный Гамлетъ. Позвольте жъ думать, что мое признание И при собраніи всего двора, Достаточно васъ можетъ убѣдить, Что здѣсь такая же моя вина, Какъ, если бы, путивъ стрѣлу чрезъ домъ, Случайно ею поразилъ я брата.

ЛАЭРТЪ.

Душой своей я примиряюсь съ вами, Хотя бъ должна она взывать ко мщенью, Но, по законамъ чести, не могу Итти на примиреніе до той Поры, пока насъ не разсудятъ такъ, Что миромъ я себя не запятнаю. На вашу дружбу отвѣчаю дружбой, Цѣня ее достойною цѣной.

ГАМЛЕТЪ.

Пусть такъ. Я братски вызовъ принимаю. Рапиры намъ!

ЛАЭРТЪ.

Начнемъ. И мнѣ рапиру!

ГАМЛЕТЪ.

Лаэртъ, я буду вамъ орудьемъ славы.
Искусство ваше чрезъ мое незнанье
Блеснетъ, какъ яркая звѣзда во тьмѣ.

ЛАЭРТЪ.

Принцъ, вы смѣтаетесь надо мной?

ГАМЛЕТЪ.

О, нѣтъ!

КОРОЛЬ.

Рапиры, Осрикъ! Гамлетъ, вамъ извѣстно,
Въ чемъ нашъ закладъ?

ГАМЛЕТЪ.

Отлично, государь,—

Избрали вы слабѣйшаго бойца.

КОРОЛЬ.

Я не боюсь, я знаю васъ обонхъ;
А если и искуснѣй онъ, за то
На нашей сторонѣ ударовъ больше.

ЛАЭРТЪ.

Мнѣ эта тяжела, другую дайте.

ГАМЛЕТЪ.

Годится эта мнѣ. Что—всѣ одной
Длины?

ОСРИКЪ.

Да, благородный принцъ, одной.
[Готовятся къ бою].

КОРОЛЬ [придворнымъ].

Вино поставите на этотъ столъ.
Удары принца пушкой возвѣщать,
А мы поднимаемъ кубки за него
И бросимъ въ кубокъ несравненный перлъ,
Цѣнный, чѣмъ тотъ, что на коронѣ датской
Подрядъ четыре короля носили.
Подайте же мнѣ кубки и да грянуть
Литавры трубамъ, трубы пушкарямъ,
А пушки небесамъ, а небеса
Землѣ привѣтствье датскаго монарха
Съ заздравнымъ кубкомъ Гамлету. Начните.
Вы, судьи, повнимательнѣй слѣдите.

ГАМЛЕТЪ.

Начнемъ.

ЛАЭРТЪ.

Начнемте, принцъ.

[Вьются].

ГАМЛЕТЪ.

Разъ!

ЛАЭРТЪ.

Нѣтъ!

ГАМЛЕТЪ.

Но... судьи...

ОСРИКЪ.

Ударъ безспорный.

ЛАЭРТЪ.

Хорошо. Продолжимъ.

КОРОЛЬ.

Постойте, дайте прежде выпить мнѣ.

[Къ Гамлету].

Перль твой. Пью за твое здоровье, Гамлетъ.

[Трубы, пушечные выстрѣлы за сценой].

Преподнесите этотъ кубокъ принцу.

ГАМЛЕТЪ.

Нѣтъ, прежде мы окончимъ состязанье.

[Вьются].

Что скажете? Еще ударъ, не такъ ли?

ЛАЭРТЪ.

Да, вы задѣли, я въ томъ сознаюсь.

КОРОЛЬ.

Нашъ Гамлетъ несомнѣнно побѣдитъ.

КОРОЛЕВА.

Онъ отъ усталости такъ трудно дышитъ.

Вотъ, Гамлетъ, мой платокъ, утри лицо.

Пью за твою удачу, Гамлетъ мой! (ff).

ГАМЛЕТЪ.

О, королева...

КОРОЛЬ.

Нѣтъ, не пей, Гертруда!

КОРОЛЕВА.

Простите, государь мой, но я выпью.

КОРОЛЬ [въ сторону].

Отравленъ кубокъ! Поздно спохватился!

ГАМЛЕТЪ.

Мнѣ пить еще не время, королева.

КОРОЛЕВА.

Но дай мнѣ отереть твое лицо.

ЛАЭРТЪ.

Король, теперь я нанесу ударъ!

КОРОЛЬ.

Наврядъ.

ЛАЭРТЪ [въ сторону].

Хоть совѣсти противно это.

ГАМЛЕТЪ.

Итакъ, начнемте въ третій разъ, Лаэртъ...

Вы словно шутите... Сильнѣй, сильнѣй!

ЛАЭРТЪ.

Вы полагаете, что я шучу?

Продолжимте! [Вьются].

ОСРИКЪ.

Въ ничью удары эти!

ЛАЭРТЪ.

Такъ вотъ же вамъ!

[Ранить Гамлета, затѣмъ, въ разгарѣ схватки, обмѣниваются рапирами и Гамлетъ ранить Лаэрта].

КОРОЛЬ.

Скорѣй ихъ разнимите!

Они ожесточились!

ГАМЛЕТЪ.

Нѣтъ, еще!

[Королева падаетъ].

ОСРИКЪ.

Взгляните... королева... Ахъ!

ГОРАЦИО.

Они

Другъ друга кровью обагрили! Принцъ,
Не дурно ль вамъ?

ОСРИКЪ.

Не дурно ль вамъ, Лаэртъ?

ЛАЭРТЪ.

Какъ птица, я запутался въ силкахъ,
Погибъ отъ собственной измѣны, Осрикъ.

ГАМЛЕТЪ.

Что съ королевою?

КОРОЛЬ.

Ей дурно стало

При видѣ крови!

КОРОЛЕВА.

Нѣтъ, о нѣтъ... тотъ кубокъ...

О милый Гамлетъ... кубокъ тотъ отравленъ.

[Умираетъ].

ГАМЛЕТЪ.

О злодѣянье! Двери на замокъ!

Измѣна! Гдѣ она? [Лаэртъ падаетъ].

ЛАЭРТЪ.

Здѣсь, Гамлетъ. Ты

Погибъ—и никакое средство въ мірѣ
Тебя отъ смерти не могло бъ спасти,
Тебѣ осталось жить лишь полчаса,
Въ твоей рукѣ отравленный клинокъ.
Мое предательство меня жъ сгубило.

Вотъ я упалъ и больше ужъ не встану,
И мать твоя отравлена. Нѣтъ силъ...
Король... одинъ король всему виной.

ГАМЛЕТЪ.

А, и клинокъ отравленъ, говоришь?
Исполни жъ ядъ свое предназначенье!
[Закалываетъ Короля].

ВСѢ.

Измѣна, измѣна!

КОРОЛЬ.

Друзья, спасите... только раненъ я!

ГАМЛЕТЪ.

Допей же ядъ, кровосмѣститель гнусный!
Такъ вотъ каковъ твой драгоценный перлъ?
Ступай же вслѣдъ за матерью моею.

[Король умираетъ].

ЛАЭРТЪ.

Ему возмездье это по заслугамъ,
Отраву эту самъ онъ приготовилъ...
Простимъ другъ другу, благородный принцъ.
Пусть смерть моя и моего отца
Твоей души не тяготятъ, а также
И я за смерть твою пусть не отвѣчу.

[Умираетъ].

ГАМЛЕТЪ.

И да простить тебѣ ее Господь.
Я за тобой... Гораціо, умираю...
О, королева бѣдная, прости...
Вы, блѣдные свидѣтели развязки,
Безмолвные, трепещущіе страхомъ,

Будь время, но—палачъ жестокий—смерть
Спѣшить неумолимо... я сказалъ бы,
Гораціо, поздно.—Смерть пришла. Ты живъ,
Ты объяснишь незнающимъ всю правду.

ГОРАЦИО.

О нѣтъ, и я жить больше не хочу,
Я больше древній римлянинъ, чѣмъ я
Датчанинъ. Тамъ еще отравы есть...
[Хочетъ взять кубокъ].

ГАМЛЕТЪ.

Когда ты мужъ, отдай мнѣ эту чашу.
О добрый мой Гораціо, какой
Позоръ меня покрылъ бы послѣ смерти,
Когда бъ все бывшее осталось въ тайнѣ!
И если ты любилъ меня немного,
То отдайся на время отъ блаженства,
Побудь еще въ презрѣнномъ этомъ мѣрѣ
И оправдай меня.

[Маршъ за сценой и выстрѣлы].
Что тамъ за звуки?

ОСРИКЪ.

То юный полководецъ Фортинбрасъ,
Побѣдоносно возвратяся изъ Польши,
Шлетъ англійскимъ посламъ привѣтъ военный.

ГАМЛЕТЪ.

Гораціо, вотъ смерть... И сила яда
Захватываетъ духъ. Я не услышу,
Что скажутъ въ Англии, но предрекаю,
Что будетъ избранъ Фортинбрасъ на тронъ,

Предъ смертью за него даю свой голосъ...
И передай ему подробно все,
Чего желалось мнѣ... Конецъ—молчанье.
[Умираетъ].

ГОРАЦИО.

Не бьется благороднѣйшее сердце.
Прости. Спокойной ночи, милый принцъ.
Пусть хоры ангеловъ тебя хранять...
Что значить этотъ барабанный бой?
[Маршъ за сценой. Входятъ Фортинбрасъ и англійскіе послы
съ барабаннымъ боемъ, знаменами и свитой].

ФОРТИНБРАСЪ.

Гдѣ это зрѣлище?

ГОРАЦИО.

Что нужно вамъ?
Изъ бѣдствій бѣдствіе?—такъ вотъ оно!

ФОРТИНБРАСЪ.

Какая безпощаднѣйшая бойня!
И что за пиршество у гордой смерти
Въ ея жилищѣ вѣчномъ, если ей
Понадобилось вдругъ отнять дыханье
У столькохъ царственныхъ людей?

ПЕРВЫЙ ПОСОЛЪ.

Ужасно!

И мы изъ Англии явились поздно,
Насъ не услышитъ тотъ, кому бъ должны
Сказать мы, что исполнено велѣнье
Его—и Розенкранцъ и Гильденштернъ
Мертвы. Кто намъ окажетъ благодарность.

ГОРАЦИО.

Когда бъ его уста могли открыться
И вновь заговорить, онъ васъ не сталъ бы
Благодарить за это дѣло—онъ
Ихъ смерти никогда не могъ желать.
Но если къ этому несчастью—вы
Изъ англійскихъ владѣній,—вы—изъ Польши—
Успѣли съѣхаться, то повелите
Всѣ эти трупы на помость снести
И дайте мнѣ повѣдать міру все,
Чтò здѣсь случилось. И услышать всѣ
О злодѣяньяхъ самыхъ безобразныхъ,
Неслыханныхъ, чудовищныхъ вѣлѣньяхъ,
Случайныхъ, неумышленныхъ поступкахъ
И наконецъ о замыслахъ такихъ,
Которые погибель причинили
Нежданно ихъ же собственнымъ творцамъ.
Въ моемъ разсказѣ будетъ только правда.

ФОРТИНБРАСЪ.

Мы съ нетерпѣньемъ слушать васъ желаемъ,
Совѣтъ знатнѣйшихъ поспѣшимъ собрать.
Но счастье свое встрѣчаю съ грустью:
Имѣю я старинныя права,
Чтобъ Датскимъ королевствомъ управлять,
И ихъ не заявить я не могу.

ГОРАЦИО.

Объ этомъ я вамъ также сообщу
Слова изъ устъ того, чей голосъ дастъ вамъ
Собою много голосовъ другихъ.
Но прежде это кончимъ поскорѣе,

Дабы невѣжество или низкій замысль
Въ народѣ бѣдъ не возбудили большихъ
При нынѣшнемъ волненіи умовъ.

ФОРТИНБРАСЪ.

Трупъ Гамлета, какъ рыцаря, къ помосту
Пусть четверо начальниковъ несутъ.
Когда бъ ему пришлось царить, навѣрно
Онъ могъ бы стать достойнѣйшимъ монархомъ.
Всѣ почести военные ему
Отдать и съ музыкою проводить.
Пусть эти трупы тоже ѣдутъ.
Картина эта свойственна войнѣ,—
Здѣсь неприлично зрѣлище такое.
Пусть изъ орудій войны гремѣть!

Погребальный маршъ. Уходить съ трупами. Пущенные выстрѣлы.

НАИБОЛѢ НЕЯСНЫЯ, НО ВАЖНЫЯ МѢСТА ТРАГЕДІИ.

АКТЪ I.

- (а). Переведено по внутреннему смыслу. A little more than kin, and less than kind. Ни Стивенсъ, ни Мэлонтъ, ни Кольеръ не облегчили эту задачу. Фраза ждетъ своего переводчика.
- (б). Буквально: «Скинъ, любезный Гамлетъ, ночной цвѣтъ». По-русски это очень кисло и искусственно.
- (с). Кальдекотъ находить эти правила «золотыми» и даже несвойственными уму и душѣ Полонія, а Найтъ считаетъ ихъ прямо чужими словами, заученными Полоніемъ наизусть. По моему, эти правила чисто практическія, основанныя на пошлой причинѣ и потому вполне умѣстныя въ устахъ даже ограниченаго Полонія.
- (д). Это языческое «Лета», въ связи съ средневѣковымъ католицизмомъ, одна изъ обычныхъ, но плѣнительныхъ по внутренней сущности небрежностей генія Шекспира. Что для педантовъ—невѣжество, то для генія—капризъ и часто глубокой по смыслу.

- (е). Собственно «таблицы». «Записывать все достойное вниманія было въ обычаѣ той эпохи»—говоритъ Мэлонтъ.—Но какъ съ такимъ пламеннымъ, лихорадочнымъ монологомъ согласить это холодное, прозаическое записываніе?

Не глубже ли, не поэтичнѣе ли для актера не записывать, а произносить заключительныя слова Духа и съ видомъ настойчиваго закрѣпленія ихъ въ памяти? Святыня текста тѣмъ не нарушится: въ трагедіи есть не мало такихъ отдѣльных словечекъ, совершенно разрушающихъ общее настроеніе не только отдѣльных фразъ, но и цѣлыхъ монологовъ, и, конечно, эти словечки не Шекспира, основываясь на непростительномъ обращеніи современниковъ съ его твореніями.

- (f). «Hic et ubique». Обычная рыцарская клятва.—Чишвицъ.
- (g). Переведено по толкованію К. Р.—Буквально: «Клянусь днемъ и ночью, это удивительно странно». Клясться днемъ и ночью по-русски лишено силы, опредѣленнаго значенія.

АКТЪ II.

- (h). «На жизненномъ пути» нѣтъ въ подлинникѣ, но безъ этихъ словъ по-русски не совсѣмъ ясно заключеніе всей фразы.
- (i). You cannot, sir, take from me any thing that I will more willingly part withal, except my life, except my life, except my life.—Т. е. нѣтъ ничего у меня для васъ, достойнѣйшій, съ чѣмъ бы простился я охот-

нѣе, кромѣ моей жизни, кромѣ моей жизни, кромѣ моей жизни. — Кетчеръ переводитъ это такъ: «Изъ всего, что ты, почтеннѣйшій, можешь взять у меня, ни съ чѣмъ я не разстался бы такъ охотно, какъ съ жизнью, какъ съ жизнью». — И Кетчеръ, переводя такъ, поступилъ, мнѣ кажется, вполне правильно. Изъ характера Гамлета совсѣмъ не слѣдуетъ, что онъ такъ частно и такъ предупредительно заботился о сохраненіи своей жизни, въ то же время постоянно чувствуя къ ней отвращеніе. Едва ли и въ данномъ случаѣ не виноваты современники поэта. Но въ послѣднемъ переводѣ К. Р. подстрочникъ принять цѣликомъ.

«Ты не могъ бы получить отъ меня ничего, съ чѣмъ бы яохотнѣе разстался, — кромѣ жизни, кромѣ жизни». Тире съ запятой ясно подчеркиваютъ, что Гамлетъ охотно разстанется только съ присутствіемъ Полонія, но отнюдь не съ своей жизнью.

- (j). Такое было изображеніе на театрѣ «Глобусъ» — Геркулесъ, поддерживающій земной шаръ. — Стивенсъ.

Впрочемъ, это мѣсто и разсужденія о дѣтской трупѣ совершенно лишены значенія для нашего времени.

- (k). По Франке, здѣсь аллегорія, т. е. сѣверо-восточный вѣтеръ олицетворяетъ какое либо душевное волненіе, могущее лишитъ разсудка, но не настолько, чтобъ не разгадать такихъ пустыхъ людей, какъ Розенкранцъ и Гильденштернъ. — Мысль, можетъ, и основательная; но только тогда (если въ каждомъ выраженіи Шекспира искать глубокий смыслъ или яркій образъ) необходимо и другія, повидимому, невинныя мѣста причислять къ сложнымъ «алле-

горіямъ». Напримѣръ, вотъ какъ Гамлетъ отвѣчаетъ Розенкранцу относительно приѣма актеровъ, пріѣхавшихъ дать представленіе при дворѣ.

... «Кто играетъ королей, приму со всѣмъ радушіемъ и почетомъ. И храбрый рыцаръ также здѣсь найдетъ работу своему мечу, и шутъ заставить хохотать особенно смѣшливыхъ, любовникъ даромъ вздоховъ не растратитъ, а героиня обнаружитъ душу»... Слѣдя манеръ Франке, почему подъ актеромъ, играющимъ королей, или любовниковъ, не разумѣть дядю Гамлета, подъ странствующимъ рыцаремъ Лаэрта (путешествующаго во Франціи), подъ героиней королеву-мать и т. д. въ другихъ мѣстахъ? Насколько все это основательно — вопросъ очень большой и едва ли не праздный.

- (l). По толкованію К. Р., это и прочія слова, заключенныя въ скобки, заимствованы Шекспиромъ изъ тогдашнихъ Салладъ.

А К Т Ъ III

- (m). По Сингеру, эта книга молитвенникъ. — Объясненіе — мало обоснованное.
- (n). Этотъ стихъ почти цѣликомъ совпалъ со стихомъ К. Р. Передать иначе, не нарушая гармоніи цѣлаго, я безсильнъ.
- (o). Термагантъ — богъ сарадиновъ въ древнихъ пѣсняхъ. — Стивенсъ.
- (p). По Варбуртону, какая-то народная игра того времени.
- (g). Едва ли не предумышленная напыщенность во всѣхъ монологахъ, произносимыхъ актерами въ сценѣ.

- (г) Обычный актерскій нарядъ того времени.—Стивенсъ, Джонсонъ.
- (s). Тогдашніе актеры не имѣли опредѣленнаго жалованья и получали извѣстный процентъ за свою игру, смотря по способностямъ.—Мэлонъ.
- (t). Гамлетъ, при видѣ Розенкранца и Гильденштерна, собственно не договариваетъ того, что хотѣлъ сказать Горацио.—Джонсонъ.
- (u). Извѣстный сонъ Фараона—книга Бытія.—Стивенсъ.

А К Т Ъ IV.

- (v). Ганмеръ считаетъ эти слова заимствованными изъ какой-то дѣтской игры.
- (w). Мэлонъ предполагаетъ, что это пословица.
- (x). По Варбуртону, пѣсни Офеліи — отрывки изъ балладъ.
- (y) По Доусу—взято изъ народной сказки, что Спаситель за скардность дочь хлѣбопека превратилъ въ сову.
- (z). Обрядъ, идущій отъ язычества. Наканунѣ Валентинова дня юноши и дѣвушки, попарно, бросаютъ жребій о женитьбѣ—замужествѣ, при чемъ называютъ себя Валентиномъ—ою, и если эти имена, при вынутіи жеребья, придутся вмѣстѣ, то это налагаетъ на узнающихъ «судьбу» тѣ или другія обязательства.—Мэлонъ.

А К Т Ъ V.

- (aa). Искусное высмѣиваніе предразсудка о происхожденіи.
- (bb). Теобальдъ считаетъ пѣсни могильщика тоже заимствованными Шекспиромъ.
- (cc). Переведено по внутреннему смыслу и отчасти согласно толкованію Мэлона.

Odd. Согласно толкованію Галлиуелля.

- (ee). Согласно толкованію Галлиуелля. Особенно обстоятельно въ защиту юныхъ лѣтъ Гамлета говорятъ проф. Дерингъ и Блэкстонъ.

Непостижимо, почему нѣкоторые критики, и особенно наши, съ какимъ-то ожесточеніемъ представляютъ Гамлета непремѣнно тридцатилѣтнимъ «солиднымъ» человѣкомъ (вѣчно мятущійся Гамлетъ—и солидность)! Неужели всѣ ихъ доводы основываются только на пресловутой во многихъ мѣстахъ точности текста подлинника данной трагедіи?

Вѣдь сплошь весь строй—внутренній и внѣшній—этой пьесы поразительно ясно доказываетъ юные годы Гамлета.

Даже самый текстъ, за что такъ цѣпляются многіе, говорить за это во многихъ мѣстахъ.

Горацио называетъ Гамлета «юнымъ», Духъ отца Гамлета—тоже («знай, мой честный юноша») Полоній—тоже, Лаэртъ—тоже; Офелія, говоря о Гамлетѣ, отмѣчаетъ особенно вотъ что:

— И мнѣ—глубоко-скорбной,
Несчастнѣйшей, вкисившей медь его
Обѣтовъ гармоничныхъ, привелось
Теперь свидѣтельницей быть тому,
Что этотъ благородный умъ разстроень,

Какъ колокольчиковъ разбитый звонъ,
И чудный образъ юности цвѣтущей
Теперь безумьемъ омраченъ.—

Неужели, хотя бы даже и влюбленная дѣвушка могла въ такихъ нѣжныхъ, изящныхъ краскахъ говорить о своемъ возлюбленномъ въ лицѣ «солиднаго», «толстаго», бородатаго мужчины въ тридцать лѣтъ?

Влюбленные, конечно, склонны идеализировать предметъ своей страсти, но все-таки не отступая слишкомъ рѣзко отъ дѣйствительныхъ данныхъ этого предмета, потому что нельзя идеализировать то, чего нѣтъ совсѣмъ въ природѣ или у даннаго лица.

Наконецъ, Лаэртъ, далеко не питающій добраго расположения къ Гамлету, тѣмъ не менѣе не можетъ удержаться отъ высшей степени поэтического сравненія Гамлета съ «фіалкой весны», «съ цвѣткомъ благоуханнымъ, но непрочнымъ» (хороша непрочная фіалка ранней весны въ тридцать лѣтъ, бородатая и толстая!)

Развѣ это не блестящее доказательство юности и плѣнительности образа Гамлета, когда даже Лаэртъ—эта типично юнкерская душа—могъ обмолвиться о загадочномъ, бѣлокурѣ юношѣ въ траурномъ плащѣ столь великолѣпнымъ сравненіемъ?

И какъ не понять, что все очарованіе этой божественной трагедіи заключается именно въ невыразимомъ контрастѣ героя съ окружающей его средой, что въ тотъ желѣзный, мрачный, суевѣрный вѣкъ могла явиться такая... аномалія, такая тонкая, хрупкая душа, такая юность въ связи съ почти нечеловѣческой зрѣлостью мысли и ношей страданій за всѣ историческіе грѣхи міра.

Если въ Гамлетѣ иногда и проявлялся феодализмъ, то лишь какъ неизбежная наслѣдственность, краткими вспышками, въ минуту изступленія или крайней опасности и то по отношенію исключительно къ заведомо дурнымъ людямъ. (Тургеневъ, по-моему, совсѣмъ не понялъ Гамлета, или, вѣрнѣе, не нашелъ случая задуматься надъ нимъ такъ, какъ только умѣлъ Тургеневъ, т. е. необыкновенно изящно и строго литературно. Напримѣръ, такой европейскій актеръ, какъ Росси, до такой степени не понравился Тургеневу, что онъ назвалъ Росси чуть ли не шарлатаномъ искусства. Другой крупный писатель, Гончаровъ, сказалъ прямо ересь о Гамлетѣ, назвавъ его даже не живымъ лицомъ. И я очень склоненъ думать, что его въ этомъ мнѣніи особенно утвердилъ покойный актеръ Нильскій, актеръ—на сколько я могу судить—лишенный совершенно трагическаго дарованія).

(ff). Переведено согласно толкованію Вестенгольца.

ОСОБОЕ ПРИМѢЧАНІЕ.

Тѣ мѣста, которыя непереводимы, на мой взглядъ, по-русски, я рѣшилъ передать по внутреннему значенію. Такъ, напри-мѣръ, въ сценѣ Гамлета съ Офеліей есть такое мѣсто:

«You should not have believed me; for virtue cannot so in-culate our old stock but we shall relish of it, I loved you not».

Буквально это: вамъ не слѣдовало мнѣ вѣрить, потому что добродѣтель, приростая къ нашему старому пню, не въ состояніи сдѣлать такъ, чтобъ онъ совсѣмъ уже не отзы-вался въ насъ (не сообщался намъ своей природой).

Совершенно невозможны уподобленія по-русски, не говоря уже о томъ, что такой подстрочникъ неизбежно влечетъ за собой какой-то нестерпимый керосинный языкъ. Поэтому я счелъ себя въ правѣ передать это мѣсто такъ:

— Не нужно было вѣрить. Добродѣтель не прививается настолько къ намъ, чтобъ уничтожить въ насъ и самый слѣдъ несовершенства нашей старой плоти. Я не любилъ васъ.

Въ послѣдней сценѣ Гамлета съ Осрикомъ не разъясненную еще никѣмъ фразу:

This lapwing runs away with the shell on his head.

пришлось передать отдаленно и только по смыслу, внутреннему кетчеровымъ толкованіемъ:

«Умчался прирожденный шутъ».

Также многія мѣста, переведенныя прочими переводчиками прозой, я старался передать если не стихомъ, то съ соблюденіемъ ритма, основываясь на томъ, что у Попа стихи тамъ, гдѣ въ прочихъ изданіяхъ проза.

Дѣлалъ я это, главнымъ образомъ, въ интересахъ чисто сценическихъ: ритмъ удивительно способствуетъ ясности и полнотѣ звуковъ при произношеніи; безъ музыки стиха въ героическихъ пьесахъ безусловно теряется половина впечатлѣній. Удѣлъ прозы, какъ бы она ни была совершенна, все же больше описательный, эпическій; тамъ же, гдѣ пламенный лиризмъ, романтическая приподнятость, стихъ, по моему, необходимъ. Притомъ, и самый совершенный переводъ все же не замѣнитъ оригинала, въ которомъ нечестно переставить даже слово. Въ переводѣ можно быть вездѣ вѣрнымъ духу оригинала, но положительно ни для кого невозможно сохранить повсюду его букву, особенно при «перелицованіи» такого неисчерпаемаго творенія, какъ «Гамлетъ».

Н. Россовъ.

О П Е Ч А Т К И.

Стран.:	строка:	напечатано:	слѣдуетъ:
6	5 снизу	норвежцевъ	норвежцевъ
35	3 сверху	поднялися	поднялись
49	8 »	поглащенный	поглощенный
122	7 »	скрывавшагося	скрывавшагося
125	6 »	биногда	иногда